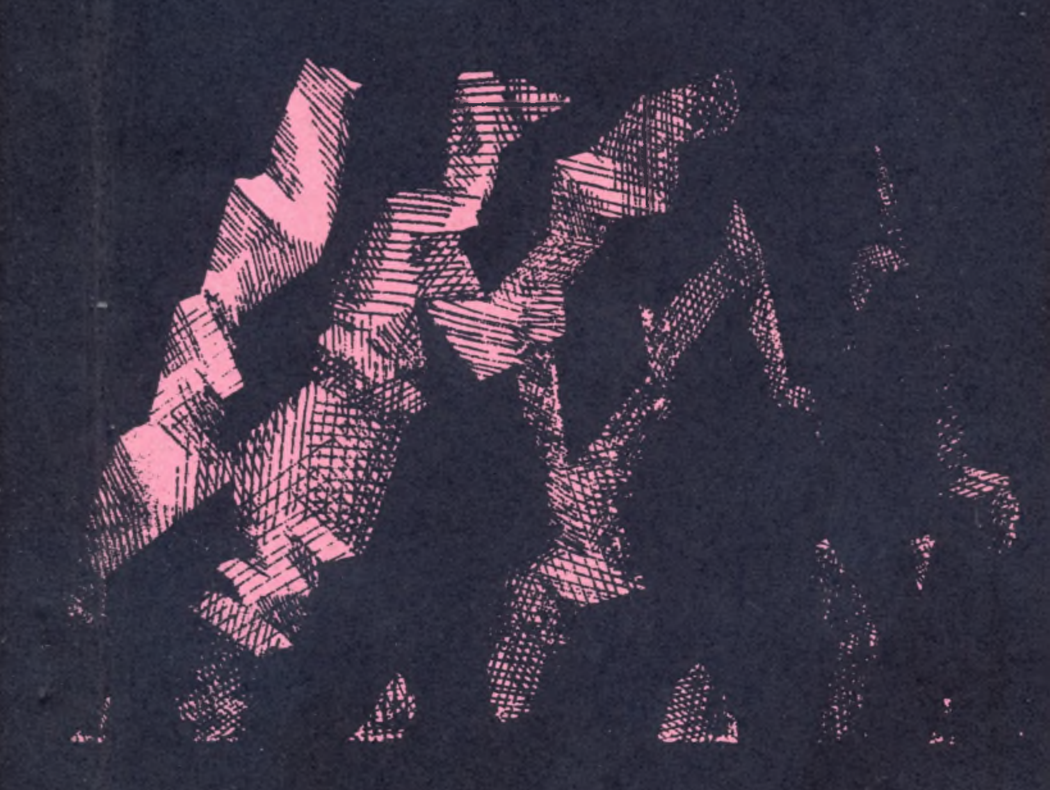
НОЙ

ՆՈՅ

1992 · 2



НОЙ

АРМЯНО-ЕВРЕЙСКИЙ ВЕСТНИК

МОСКВА
1992

НОЙ

Добрые люди, оказавшие помощь нашему изданию

АКСЕНЧУК Людмила
АРУСТАМЯН Эрнест
БЕЙНФЕСТ Борис
БОРОВАЯ Ольга
БУНИН Павел
ВАВИЛОВ Роман
ВАГНЕР Зеев
ГАСПАРЯН Гамлет-Рам
ГРАНОВСКИЙ Евгений
ГУНДАРЕВ Владимир
ЕРМИЛОВ Игорь
ЗОЛОТУССКИЙ Игорь
ИСАГУЛИЕВ Паруйр
КАМИНСКИЙ Михаил
КОВНАТ Хайм-Довид
КРЫЛОВА Галина
ЛЕЗОВ Сергей
МОГИЛЕВСКАЯ Эмма
ПОЛЯКОВСКИЙ Альберт
СТЕПАНЧИКОВ Эдуард
СТРАДА Витторио
СУББОТИНЫ Валерий и Роза
ЧЕСНОВИЦКИЕ Аркадий и Грета
ФАВЕЛЮКИС Ефим
ФУРМАН Дмитрий
ЮДИН Бронислав
ЯКОВЛЕВ Александр М.

а также:
Малое предприятие "Агран"
Библиотека имени А.П.Чехова
Гарвардский университет
Творческо-производственный центр "Туран-1"

СПАСИБО ВАМ!

В такую минуту мы хотели бы, чтобы армянская община Канады знала, что она не одинока. Члены "Бнай Брит" и дети выживших в 1915 году стоят рядом. История наших двух народов создала между нами общность, которую мы никогда не забудем. Мы вступаемся за наших братьев.

Профессор Франк ЧАК

22 АПРЕЛЯ 1992 ГОДА МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ РАФФИ ОВАННИСЯН И ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ И ПОЛНОМОЧНЫЙ ПОСОЛ ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ АРЬЕ ЛЕВИН, НАХОДИВШИЙСЯСВИЗИТОМВЕРЕВАНЕ, ОБМЕНЯЛИСЬ НОТАМИ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ПОЛНЫХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙМЕЖДУГОСУДАРСТВОМ ИЗРАИЛЬ И РЕСПУБЛИКОЙАРМЕНИЯ.

Александр КУШНЕР

ИЗ "АРМЯНСКОЙ ТЕТРАДИ"

ххх

Тех бревен не найти, ушли под вечный снег.
Смешно искать следы потопа, - не найдете!
Да он и сам как храм, и сам он как ковчег:
Я видел Арарат в горячей позолоте.

И голуби от тех летят к нам голубей,
И нищий этот пес - потомок той собаки...
В Армении и я на миг, что я еврей,
Почувствую, в своем подспудном роясь мраке.

На слове не лови меня: оно летит,
И смысл его крылат... на севере я дома.
И не было б души, коль не было б обид.
Вглядись: твоя душа во тьме с моей знакома.

Вот счастье - русский стих, он - родина моя.
Все с Пушкиным в одном учились тесном классе.
Когда-нибудь поймем, что мир - одна семья
На зависть грубой той, презрительной гримасе.

Когда Нева, как конь , свою являет прыть,
"Потоп", - мы говорим, верней, мы говорили...
А все-таки стихи не перегородить
И дамбой: жили мы, страдали мы, любили.

Неужто отчество от имени Тигран
Должно быть в паспорте Тигранович? Нелепость.
Страна огромная вобрала много стран.
Прочней всех древностей языковая крепость.

Александр Семенович КУШНЕР - поэт. Ленинградец. Петроградец. Петербуржец. Родился в 1936 году. Автор десяти книг. Стихи из "Армянской тетради" вошли в его сборник "Ночная музыка" (1991).

ххх

И это странное, не знаю что: оглы,
Прибавку к имени не впрячь в свои оглобли.
Пасутся лошади, парят в горах орлы,
Сквозят за крышами совсем иные кровли.

Смотри: мы разные. Опасен долгий путь.
Всех, всех любить должна, любого к изголовью
Пускать, усаживать, просить: все, все забудь.
Хвалить, привязывать не страхом, а любовью.

ххх

Да, да, заботиться о маленькой стране,
Туманном будущем и ветхой старине,
По именам царей всех знать рыжебородых,
Осадок в приторном любить ее вине,
При всех присутствовать ее скорбях и родах.

То вскинет брови он, то, круглые, сведет.
Как мрачен, пылок мой неровный собеседник!
И желтый блеск в глазах, и плотно сжатый рот.
Земли рассхошейся, ее скупых щедрот,
Камней разбросанных дымящийся наследник.

Так, так, но речи мне скучны на гневный лад,
И страшен мне, Самвел, твой воспаленный взгляд
На вещи... Все-таки есть мир и за хребтами
Сухими, черствыми... И рай похож на ад,
Когда он жесткими провозглашен устами.

Здесь, наверное, необходимо объяснить, почему "Ной" перепечатывает стихи, статьи, информацию из других изданий? Только потому, что интересы читателей нам дороже собственных амбиций. Оригинальные произведения мы публикуем лишь тогда, когда они действительно талантливы, когда они лучше, чем статьи, репортажи, эссе, опубликованные в других изданиях.

Перепечатывая что-то, мы стараемся не только указать источник, но и заручиться согласием автора. Не уверен, что Кушнер разрешить перепечатывать свои стихи любому изданию.

А как редактор я, конечно, надеюсь, - наступит время, когда мы выпустим номер армяно-еврейского вестника, составленный одними только авторами "Ноя".

Вардван Варжапетян.

Сергей ЛЕЗОВ

ВЕСТЬ ЭЛИ ВИЗЕЛЯ

В этом номере армяно-еврейского вестника "Ной" читатель начнет знакомиться с творчеством Эли Визеля, всемирно известного еврейского прозаика и философа, одного из крупнейших среди ныне живущих писателей.*

В 1986 году, когда Эли Визелю вручали Нобелевскую премию мира, Эгиль Орвик, председатель Норвежского Нобелевского комитета, сказал в своей речи: "Он вышел из бездны лагерей уничтожения как вестник, посланный человечеству... В нем мы видим человека, испытавшего предельное унижение и ставшего одним из наших самых авторитетных духовных учителей".

Читатель "Ночи", первого произведения Эли Визеля, поймет, что ее автор действительно пришел к нам со своей вестью, - т.е. с чем-то важным, что не сводится к уже известному. Поэтому нет смысла передавать весть Э.Визеля какими-то другими словами, и здесь мы можем ограничиться чисто биографическими сведениями о нем.

Элиэзер Визель родился 30 сентября 1928 года в г.Сигете, расположенном в закарпатской Северной Трансильвании, недалеко от нынешней румынско-украинской границы. В 1940 году Румыния, под немецким давлением, передала эту территорию Венгрии, а в результате послевоенного передела, проведенного по советскому плану, она снова стала частью Румынии.

В Сигете прошло детство Элиэзера. Для писателя Эли Визеля детство - больше чем одна из важнейших тем творчества, детство-

* В Израиле на русском языке опубликованы два сборника произведений Э.Визеля. У этих русских переводов есть существенный недостаток - они выполнены не по оригиналам, а по английским переводам.

его первая жизнь и единственная, которую он сам считает настоящей. "...В сущности, я вовсе не покинул того места, где родился, где научился ходить и любить: ведь Вселенная - всего лишь продолжение затерянного в Трансильвании городка Мармаросигет" (Э.Визель. Песнь мертвых). До 15 лет его космосом была сигетская еврейская община, насчитывавшая около пятнадцати тысяч человек - примерно половина населения Сигета.

Элиэзер получил еврейское религиозное воспитание. Он вырос в мире традиционного благочестия и еврейской мистики, где все было насыщено присутствием Бога. До начала депортации, до весны 1944 г., этот замкнутый в себе мир был для него единственной реальностью: "В Польше, на Украине, в Германии земля и небо пылали день и ночь напролет, в оккупированной Европе уже почти не было евреев, но для нас мир оставался неизменным... В иешивах молодежь изучала Талмуд; в хедерах дети изучали Библию... И если бы кто-нибудь решился нам сказать, что близок день, когда город избавится от своих евреев, словно от какой-то зачумленной своры, его бы просто осмеяли" (Э.Визель. Песнь мертвых).

"Ночь" - единственное произведение Э.Визеля, которое можно считать чисто автобиографическим. И эта единственная из его более чем тридцати книг, где он непосредственно пишет о Голокаусте, геноциде европейского еврейства. Как узнает читатель "Ночи", весной 1944 года Элиэзер, его родители и три его сестры были депортированы - вместе со всеми сигетскими евреями - в Освенцим. В газовых камерах Освенцима погибли его мать Сара и младшая сестра Циппора. Отец Элиэзера, Шломо Визель, умер от истощения и дизентерии в Бухенвальде ранней весной 1945 года.

11 апреля 1945 года Бухенвальд был освобожден американцами, и для шестнадцатилетнего Элиэзера, как и для других евреев, переживших Катастрофу, начались годы скитаний: "Мы выжили, но нам не позволили стать победителями... Мы были попрошайками, никому не нужными и всем мешавшими. Нас лишили родины и приговорили к изгнанию. Своим существованием мы напоминали людям о том, что они сделали с нами и с собой. Неудивительно, что со временем они стали упрекать нас за свою собственную мутную совесть" ("Иерусалимский нищий").

Мир Эли Визеля 9

После войны продолжалось то безразличие мира, которое евреи уже испытали в годы Катастрофы. То безразиличие, в котором писатель Эли Визель увидит соучастие: "Треблинка, Биркенау, Берген-Бельзен, Бухенвальд, Освенцим, Маутхаузен, Белжец, Понары, Собибур, Майданек: ночные столицы диковинного царства, где смерть заняла место Бога... Время действия: 1941-1945... Ни одно государство не берет евреев под защиту... Все ведут себя так, будто евреев никогда и не было. Как будто Освенцим - всего лишь мирный городок где-то в Силезии... Обе воюющие стороны заранее обрекли евреев на смерть... А Гитлер уверен: его противники еще поблагодарят его за то, что он решил для них этот вечный еврейский вопрос" ("От заката до рассвета").

Кстати, именно Эли Визелю принадлежит знаменитое изречение, ведущее независимую от своего создателя жизнь: "Противоположность любви - не ненависть. Противоположность любви - безразличие". Тема безразличия-соучастия, образ безучастного наблюдателя станут важными мотивами в творчестве Э.Визеля.

Мир, в котором Элиэзер провел свое детство, мир восточноевропейского еврейства, больше не существовал. Тем, кто случайно уцелел в лагерях уничтожения, уже некуда было возвращаться. Эли Визель пишет о своем посещении, много лет спустя, родного города: "Он называется Сигет - ну и что? Ничего: фальшивое имя, фальшивое удостоверение. Сигет, настоящий Сигет, находится далеко за горизонтом, где-то в Верхней Силезии, близ маленькой железнодорожной станции, близ огромного пламени, пожирающего небо; это квартал громадного города из пепла" ("Песнь мертвых").

В 1945 году Элиэзер оказался в числе четырехсот сирот из Бухенвальда (им было от шести до шестнадцати лет), которых, по решению генерала де Голля, приняла Франция. Путь в Палестину был закрыт британскими властями. В 1948-1951 годах Э.Визель изучал литературу, философию и психологию в Сорбонне. На жизнь он зарабатывал преподаванием иврита и уроками Библии во временных поселениях еврейских беженцев, спасшихся из лагерей и искавших возможности отправиться в Палестину.

В эти годы Э.Визель углубленно изучал французский язык, на котором написаны почти все его произведения и на котором он пишет до сих пор.

В 1948 году, вскоре после провозглашения государства Израиль, Э.Визель поехал туда репортером французской газеты "Арш", а в Париж он вернулся корреспондентом тель-авивской газеты "Едиот Ахронот". В 1954 году израильский журналист Эли Визель встретился со знаменитым французским католическим писателем Франсуа Мориаком. Мориак рассказал об этой встрече в предисловии к "Ночи". Когда Э.Визель стал известным писателем и его труд уже не нуждался в рекомендациях, он выразил желание, чтобы "Ночь" всегда печаталась с предисловием Мориака.

Этот факт требует объяснения. Ведь читатель легко заметит, что предисловие Мориака к книге начинающего литератора не просто устарело: оно отражает взгляд на мир, глубоко чуждый Э.Визелю - мыслителю, для которого принять любые готовые ответы на вопрос о смысле страдания значило бы предать своих мертвых. В еврейской традиции он не нашел удовлетворительных ответов. И уж тем более неприемлемы здесь христианские ответы: как не раз замечал Э.Визель, христианам в этом деле лучше молчать.

Позднее Э.Визель неоднократно писал об этой встрече с Мориаком.

Как и положено корреспонденту тель-авивской газеты, он задавал Мориаку дежурные вопросы на еврейские темы. В каждом ответе католического писателя звучало имя Иисуса из Назарета. "Израиль? - О, это земля, где родился Иисус. - Иерусалим? - О, это вечный город, где Иисус обратил своих учеников в апостолов. - Библия? - Ах, это Ветхий Завет, который, благодаря Иисусу, обогатился Новым Заветом. - Текущая политика? - Иисус никогда не занимался политикой".

Естественно, в ходе этой беседы обнаружилось, что для Мориака символом всякого страдания была крестная смерть Иисуса из Назарета.

И тут молодой израильский репортер не выдержал. Он закрыл блокнот и сказал живому классику, что не понимает этого избирательного христианского интереса к страданиям одного еврея: "Уважаемый мэтр, господин Мориак, десять лет назад я видел сотни

еврейских детей, каждый из которых страдал, быть может, больше, чем Иисус на кресте. Но мы об этом не шумим. Мы молчим о них".

Эли Визель вышел, и тотчас же ему стало стыдно за эту сцену: "Что я наделал! Ни с кем в моей жизни я не был невежлив. А он - он был участником Сопротивления, это человек с чистым прошлым. Зачем я обидел его? Ведь Иисус - это задевает его больше всего..."

Пожилой писатель догнал его уже у лифта и попросил вернуться. "Мы пошли обратно в его комнату, мы сели на те же стулья. И тут я покраснел, я почувствовал жар как будто от адского пламени. А он начал плакать. Я никогда раньше не видел, чтобы старый человек так плакал. Мы ни о чем не говорили, он не расспрашивал меня о том, что я сам испытал... И так прошло около часа. Затем он встал, обнял меня и сказал: "Быть может, Вы все же должны рассказать об этом" (Э.Визель. Этапы жизни.).

Дело в том, что после освобождения из Бухенвальда Элиэзер дал обет не писать об увиденном в течение десяти лет: словам, по его мнению, должно предшествовать молчание. Встреча с Мориаком почти совпала с окончанием срока обета.

Первый вариант книги об Освенциме Эли Визель написал на идише, она называлась "А мир молчал". Второй вариант, сильно сокращенный, он написал по-французски и послал Мориаку. Мориак взял на себя заботы о публикации книги, и в 1958 году "Ночь" была опубликована во Франции с его предисловием.

Теперь я попробую ответить на вопрос о том, почему Э.Визель решил сохранить предисловие Мориака. Этот вопрос сводится к другому: что же произошло при их встрече?

Как мне кажется, в живой встрече с вестником другого мира Мориак вышел за пределы той идеологии, которая закрывает пути к пониманию, - хотя в нормальном, "монологическом" состоянии, при работе над предисловием, Мориак уже не пытается ничего понять, а просто комбинирует готовые идеологические блоки.

В "нормальном" состоянии от встречи и от выхода за собственные пределы у Мориака осталось одно: он доволен, что удержался от тех слов, которые он "должен был сказать этому еврейскому мальчику" в соответствии со своей верой: он не изрек "все благодать" по поводу гибели полутора миллионов еврейских детей. Вместо этого он плакал. - Но это и все, дальше он не пошел.

Но и Э. Визель в этой встрече вышел за пределы своего "нормального" кругозора. Последним словом посланца мертвых детей не стал разрыв: позже он неоднократно встречался с Мориаком, между ними возникло отношение, которое, наверное, можно назвать дружбой. Уже в семидесятые годы, после смерти Мориака, Э.Визель обещал опубликовать свои записи их тогдашних бесед. Как мне кажется, желание Э.Визеля сохранить предисловие Мориака к "Ночи" - не только выражение благодарности к старому "мэтру", благословившему его при входе в литературу. Возможно, для Визеля предисловие Мориака - это овеществленная память о моментах встречи с другим, об открытости для другого, знак того, что понимание возможно и достижимо.

Ведь в итоге каждый остался при своем, но каждый помнит, что значит выйти на мгновение за собственные пределы.

Когда "Ночь" была опубликована во Франции, ее автор уже жил в США. Эли Визель поехал туда в 1956 году как израильский журналист с французским видом на жительство. В том же году в Нью-Йорке он попал под машину, и после этого ему пришлось провести год в инвалидном кресле. Он остался в Нью-Йорке и в 1963 году получил американское гражданство.

Сейчас Эли Визель - профессор Бостонского университета. Он преподает Библию и еврейскую историю. Среди его книг - не только романы и сборники эссе. Он написал несколько работ о Библии, Талмуде и религиозных учителях восточноевропейского еврейства.

Я надеюсь, что русский читатель услышит весть Эли Визеля.

ЭЛИ ВИЗЕЛЬ

НОЧЬ*

Памяти моих родителей
и младшей сестренки Циппоры

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ко мне часто приходят иностранные журналисты. Я боюсь этих визитов: с одной стороны, мне очень хочется выложить все, что я думаю; с другой - страшно таким образом вооружить человека, чье отношение к Франции мне неизвестно. Поэтому во время таких встреч я всегда настороже.

В то утро израильтянин, который пришел брать интервью для одной тель-авивской газеты, сразу же вызвал у меня симпатию, которую мне не пришлось долго скрывать, так как наша беседа очень скоро приняла личный характер. Я вспомнил о временах немецкой оккупации. Не всегда самое сильное воздействие оказывают на нас те события, в которых мы непосредственно участвовали. Я сказал своему молодому посетителю, что самым страшным впечатлением тех мрачных лет остались для меня вагоны с еврейскими детьми на Аустерлицком вокзале... И однако я сам их не видел: мне рассказала об этом жена, вся еще под впечатлением пережитого ужаса. В то время мы еще ничего не знали об изобретенных нацистами методах уничтожения. Да и кто мог бы такое вообразить! Но уже эти невинные агнцы, силой оторванные от своих матерей, превосходили все, что прежде казалось нам возможным. Думаю, что в тот день я впервые прикоснулся к тайне зла, откровение которого, вероятно, отметило конец одной эпохи и

---

*Перевод с французского и примечания Ольги Боровой.

начало другой. Мечта, которую западный человек создал в 18 веке и восхождение которой - как ему казалось - он наблюдал в 1879 году, мечта, которая до 2 августа 1914 года укреплялась благодаря развитию знания и достижениям науки, окончательно развеялась для меня при мысли об этих вагонах, переполненных детьми. А ведь я и отдаленно не представлял себе, что им предстоит заполнить газовые камеры и крематории.

Вот что я рассказал этому журналисту, добавив со вздохом: "Как часто я думаю об этих детях!" - А он ответил: "Я был одним из них". Он был одним из них! Он видел, как его мать, любимая младшая сестренка и все родные, кроме отца, исчезли в печи, пожиравшей живых людей. Что касается отца, то мальчик вынужден был изо дня в день наблюдать его муки, агонию и затем смерть. И какую смерть! Обо всем этом рассказано в книге, поэтому я предоставляю читателям - которых, наверное, будет не меньше, чем у "Дневника Анны Франк", - самим узнать об этом, так же как и о чуде спасения самого мальчика.

Но вот что я утверждаю: это свидетельство, пришедшее к нам после многих других и описывающее ужас, о котором, казалось бы, мы и так уже все знаем, - это свидетельство, тем не менее, совершенно особое, неповторимое, уникальное. Участь евреев Сигета - городка в Трансильвании - их ослепление перед судьбой, которой еще можно было избежать, непостижимая пассивность, с которой они сами ей отдались, глухие к предупреждениям и мольбам очевидца; он сам едва спасся от уничтожения и рассказал им о том, видел собственными глазами, а они не хотели верить и считали его безумным... Уже всего этого наверняка хватило бы, чтобы написать повесть, которая, я думаю, стояла бы особняком.

Однако эта необычайная книга поразила меня другим. Ребенок, рассказывающий нам свою историю, принадлежал к избранным Бога. С момента пробуждения своего сознания он жил только для Бога, черпая пищу в Талмуде, мечтая приобщиться к каббале, посвятить себя Вечному. Случалось ли нам когда-нибудь задумываться о таком последствии ужаса, которое, хотя и менее заметно и не так бросается в глаза рядом с другими, но для нас, людей веры, есть самое худшее? Думали ли мы о смерти Бога в душе ребенка, который внезапно открыл для себя абсолютное зло?

Попробуем понять, что происходит в душе мальчика, когда он наблюдает, как в небо поднимаются клубы черного дыма из печи, куда скоро, вслед за тысячами других, будут брошены его мать и сестренка: "Никогда мне не забыть эту первую ночь в лагере, превратившую всю мою жизнь в одну долгую ночь, запечатанную семью печатями. Никогда мне не забыть этот дым.. Никогда мне не забыть эти лица детей, чьи тела на моих глазах превращались в кольца дыма на фоне безмолвного неба. Никогда мне не забыть это пламя, навсегда испепелившее мою веру. Никогда мне не забыть эту ночную тишину, навсегда лишившую меня воли к жизни. Никогда мне не забыть эти мгновения, убившие моего Бога и мою душу; эти сны, ставшие жаркой пустыней. Никогда мне не забыть этого, даже если бы я был приговорен жить вечно, как Сам Бог. Никогда".

И тогда я понял, чем мне сразу же понравился молодой израильтянин: у него был взгляд Лазаря, уже воскрешенного из мертвых, но все еще узника тех мрачных пределов, где он блуждал, спотыкаясь о поруганные трупы. Для него слова Ницше выражали почти физическую реальность: Бог умер; Бог любви, доброты и утешения, Бог Авраама, Исаака и Иакова на глазах этого ребенка навсегда растворился в дыму человеческого жертвоприношения, которого потребовала Раса - самый алчный из всех идолов. И сколько еще набожных евреев испытали смерть Бога в своей душе? В один страшный день - в один из многих страшных дней - мальчик присутствовал при том, как вешали (да, вешали!) другого ребенка, - как он пишет, с лицом печального ангела. - И вот кто-то позади простонал: "Где же Бог? Где Он? Да где же Он сейчас?" И голос внутри меня ответил: "Где Он? Да вот же Он - Его повесили на этой виселице!"

В последний день еврейского года мальчик присутствовал на торжественной молитве по случаю *Рош га-Шана*. Он слышит, как тысячи рабов восклицают в один голос: "Благословенно Имя Вечного!" Еще недавно он и сам склонился бы перед Богом - и с каким восторгом, с каким трепетом, с какой любовью! Но сегодня он продолжал стоять прямо. Человек, униженный и измученный до немыслимого предела, бросает вызов слепому и глухому Божеству: "В тот день я уже ни о чем не молил. Я больше не мог жаловаться. Напротив, я чувствовал себя очень сильным. Я был обвинителем,

а Бог - обвиняемым. Мои глаза открылись, и я оказался одинок, чудовищно одинок в мире - без Бога и без человека. Без любви и милосердия. Я был всего лишь пеплом, но чувствовал себя сильнее, чем этот Всемогущий, к которому моя жизнь была привязана так давно. Я стоял посреди этого собрания молящихся, наблюдая за ними как посторонний".

А я, верующий в то, что Бог есть любовь, - что я мог ответить своему молодому собеседнику, чьи синие глаза все еще хранили выражение ангельской печали, возникшее когда-то на лице повешенного ребенка? Что я сказал ему? Говорил ли я ему о том израильтянине, его брате, который, быть может, был на него похож, о том Распятом, чей Крест покорил мир? Сказал ли я ему, что то, что оказалось камнем преткновения для него, стало краеугольным камнем для моей веры, и что для меня связь между Крестом и человеческим страданием и есть ключ к той непроницаемой тайне, которая погубила его детскую веру? Ведь Сион восстал из крематориев и массовых захоронений. Еврейский народ возродился из миллионов своих погибших, и именно благодаря им он снова жив. Нам неизвестна цена ни одной капли крови, ни одной слезы. Все благодать. Если Вечный - в самом деле Вечный, то последнее слово для каждого из нас остается за Ним. Вот что я должен был сказать этому еврейскому мальчику. Но я смог лишь обнять его в слезах.

Франсуа Мориак

Глава I

Его звали Моше-Сторож, словно у него никогда не было фамилии. Он был служкой и выполнял любую работу в хасидской[1] синагоге. Евреи Сигета - городка в Трансильвании, где прошло мое детство, - очень его любили. Он был крайне беден и вел нищенскую жизнь.

1/ *Хасидизм* - движение религиозного обновления восточноевропейского еврейства, возникшее в середине 18 века. Хасидизм утверждает постоянное и всепроникающее присутствие Бога в человеческой жизни, придает центральное значение личному благочестию и не отводит существенной роли силам зла.

Вообще-то жители нашего городка бедных не любили, хотя и помогали им. Моше-Сторож был исключением. Он никого не стеснял, его присутствие никого не обременяло. Он был непревзойденным мастером в искусстве быть незаметным, делаться невидимым.

Внешне он был угловатым и нескладным, как клоун. Его застенчивость бездомного ребенка невольно вызывала улыбку у окружающих. Мне нравились его огромные мечтательные глаза, устремленные куда-то вдаль. Говорил он мало. Он пел - точнее, напевал что-то. Насколько можно было расслышать, он рассказывал о страдании Божества, об Изгнании Провидения[2/], которое - согласно каббале[3/] - ожидает своего освобождения через освобождение человека.

Я познакомился с ним в конце 1941 года. Мне было тогда двенадцать. Я был целиком поглощен верой. Днем изучал Талмуд, а вечером бежал в синагогу, чтобы оплакивать там разрушение Храма[4/].

Однажды я попросил отца найти мне учителя, который мог бы руководить моими занятиями каббалой.

- Тебе еще рано. Маймонид[5/] говорит, что лишь в тридцать лет еврей вправе вступить в полный опасностей мир мистицизма. Ты

2/ *Изгнание Провидения* - вероятно, имеется в виду "изгнание Шехины", одно из важнейших понятий еврейской мистики. "Шехина" значит "[Божественное] присутствие", иногда это почти замена слова "Бог". В каббале "изгнание Шехины" означает некое нарушение в жизни Божества. Исторически, по мысли мистиков, этому нарушению соответствует изгнание евреев из Земли обетованной и их рассеяние среди народов мира.

3/ *Каббала* - эзотерическое теософское еврейское учение с элементами мистики и магии. Непосредственным путям познания Божества каббала предпочитает размышление, созерцание, молитву и стремление познать скрытый смысл Торы и других священных книг, заключающих, по мнению каббалистов, символическое описание Бога. Хасидизм значительно способствовал популяризации каббалы.

4/ *Разрушение Храма* - имеется в виду разрушение римлянами Иерусалимского храма в 70 г. н.э., которое было воспринято евреями как катастрофа космического значения.

5/ *Маймонид* (Моше бен Маймон) (1135-1204) - один из наиболее авторитетных средневековых еврейских философов.

должен сначала изучить основные предметы, которые ты в состоянии понять.

Мой отец был человеком образованным и вовсе не сентиментальным. Он никогда не обнаруживал своих чувств - даже дома. Он всегда был больше занят делами окружающих, нежели своей семьей. В еврейской общине Сигета он пользовался величайшим уважением, с ним часто советовались не только по делам общины, но также и по частным делам. Нас было четверо детей: Хильда - старшая, потом Беа, за ней я - единственный мальчик в семье, и самая младшая - всеобщая любимица Циппора.

Мои родители содержали магазин, Хильда и Беа им помогали. А что касается меня, то я, по их мнению, должен был учиться.

- В Сигете нет каббалистов, - повторял отец.

Он хотел выбить эту идею из моей головы. Но все было напрасно. Я сам нашел себе Учителя - Моше-Сторожа.

Однажды в сумерках, когда я молился, он заметил меня.

- Почему ты плачешь, когда молишься? - спросил он, словно мы были давно знакомы.

- Не знаю, - ответил я, сильно взволнованный.

Я никогда об этом на задумывался. Я плакал, потому что... потому что н е ч т о во мне требовало слез. Больше я ничего не знал.

- Почему ты молишься? - спросил он еще через минуту.

Почему я молюсь? Странный вопрос. Почему я живу? Почему дышу?

- Не знаю, - сказал я, еще более взволнованный и смущенный.

- Не знаю.

После того дня мы с ним часто виделись. Он с большой горячностью объяснял мне, что всякий вопрос обладает такой силой, которой в ответе уже нет.

- Человек поднимается к Богу с помощью вопросов, которые он Ему задает, - любил он повторять. - Это и есть истинный диалог. Человек спрашивает, а Бог отвечает. Но мы не понимаем этих

ответов. Их невозможно понять, потому что они исходят из глубины души и остаются там до самой смерти. Настоящие ответы, Элиэзер, ты найдешь лишь в самом себе.

- А ты почему молишься, Моше? - спросил я.

- Я молю Бога, который во мне, чтобы Он дал мне силы задавать Ему правильные вопросы.

Мы беседовали таким образом почти каждый вечер. Мы оставались в синагоге после того, как расходились все прихожане, и сидели в темноте, при слабом мерцании догорающих свечей.

Однажды вечером я рассказал ему, как мне горько оттого, что в Сигете нет учителя, который мог бы заняться со мной изучением Зогара[6], каббалистических книг, еврейского мистицизма. Он снисходительно улыбнулся и после продолжительного молчания сказал:

- В сад мистической истины ведут тысяча и один путь. У каждого он свой. Недопустимо ошибиться и пытаться проникнуть в этот сад чужим путем. Это опасно и для входящего, и для тех, кто уже там.

И Моше-Сторож, босой сигетский нищий, много часов напролет рассказывал мне об откровениях и тайных каббалы. Вот так и началось мое приобщение к каббале. Мы вместе десятки раз перечитывали одну и ту же страницу Зогара. Но не для того, чтобы выучить ее наизусть, а затем, чтобы извлечь из нее самое сущность божественного.

И в эти вечера я пришел к убеждению, что Моше-Сторож приведет меня в вечность, туда. где вопрос и ответ сливаются *воедино.*

Потом однажды из Сигета изгнали всех иностранных евреев. К их числу относился и Моше.

Они горько плакали, скучившись в вагонах для скота, куда их загнали венгерские жандармы. И мы. стоя на перроне, тоже пла-

---

6/ *Зогар* ("Книга сияния") - главное произведение в корпусе каббалистической литературы. Представляет собой мистический комментарий к Торе. Оказал огромное влияние на духовную жизнь еврейства.

кали. Поезд скрылся за горизонтом. оставив за собой лишь густой и грязный дым.

Я услышал, как позади меня один еврей сказал со вздохом:

- А что вы хотите? Война...

О депортированных скоро забыли. Через несколько дней после их отъезда говорили, что они в Галиции, работают, и даже довольны своей судьбой.

Проходили дни, недели, месяцы. Жизнь вернулась в свою обычную колею. В наших домах царили покой и безмятежность. Торговцы совершали сделки, ученики иешивы[7] жили среди книг, дети играли на улице.

Однажды, идя в синагогу, я заметил на скамейке возле входа Моше-Сторожа.

Он рассказал, что произошло с ним и его спутниками. Поезд с депортированными пересек венгерскую границу и на территории Польши оказался в ведении гестапо. Там он и остановился. Евреям пришлось выйти и пересесть в грузовики. Грузовики направились к лесу. Там людям приказали выйти. Их заставили вырыть огромные могилы. А когда они закончили свою работу, гестаповцы начали свою. Спокойно. не торопясь, они убивали своих жертв... Каждый должен был сам подойти к краю ямы и подставить затылок. Младенцев подбрасывали в воздух и стреляли по ним из автоматов, как по мишеням. Это произошло в Галиции, в лесу близ Коломыи. А как же удалось спастись самому Моше-Сторожу? Чудом. Его только ранили в ногу, но сочли убитым...

Дни и ночи ходил он от одного еврейского дома к другому, рассказывая про Малку - девушку, умиравшую целых три дня, и про портного Тоби, который умолял гестаповцев, чтобы его убили прежде, чем сыновей...

Моше переменился. В его глазах больше не светилась радость. Он перестал петь. Он уже не говорил со мной о Боге или каббале: он говорил лишь об увиденном. Люди отказывались не только верить его рассказам, но даже просто слушать их.

7/ *Иешива* - религиозное учебное заведние.

- Он пытается разжалобить нас рассказами о своей судьбе. Ну и воображение...

Или:

- Бедняга, он совсем спятил.

А Моше плакал:

- Евреи, послушайте меня. Я только об этом вас и прошу. Не нужно мне ни денег, ни жалости. Только послушайте меня! - кричал он в синагоге в промежутках между молитвами.

Я и сам ему не верил. Я часто сидел с ним по вечерам после службы и, слушая его рассказы, изо всех сил старался понять его печаль. Но чувствовал лишь жалость к нему.

- Они считают меня безумным, - шептал он, и из глаз его, словно капли воска, падали слезы.

Однажды я спросил его:

- Почему ты так хочешь, чтобы твоим словам поверили? На твоем месте мне было бы безразлично, верят мне или нет...

Он закрыл глаза, будто желая остановить время.

- Ты не понимаешь, - произнес он с отчаянием. - Ты не понимаешь. Я был спасен - чудом. Мне удалось вернуться сюда. Откуда у меня взялись на это силы? Я хотел вернуться в Сигет, чтобы рассказать вам о своей смерти, чтобы вы могли приготовиться, пока еще есть время. Жизнь? Она мне больше не нужна. Я одинок. Но я хотел вернуться и предупредить вас. И вот, никто меня не слушает.

Это было в конце 1942 года. Затем жизнь снова потекла по-старому. Лондонское радио, которое мы слушали каждый вечер, сообщало обнадеживающие известия: ежедневные бомбардировки Германии, Сталиград, подготовка второго фронта... И мы, евреи Сигета, ждали лучших дней, которые, казалось, теперь уже были не за горами.

Я снова был поглощен занятиями: днем - Талмуд, ночью - каббала. Отец занимался торговлей и делами общины. Дедушка приезжал к нам на празднование Нового Года, чтобы побывать на службах знаменитого раввина из Борша. Мать стала подумывать о том, что пришла пора подыскивать подходящего жениха для Хильды.

Так прошел 1943 год.

Весна 1944 года. Прекрасные вести с русского фронта. Поражение Германии уже не вызывало сомнений. Это был всего лишь вопрос времени - месяцев, а возможно, и недель.

Цвели деревья. Был обычный год - с весной, помолвками, свадьбами, новорожденными.

Люди говорили:

- Красная армия продвигается гигантскими шагами... Гитлер не сможет причинить нам зла, даже если захочет...

Да, мы сомневались даже в его желании нас уничтожить.

Неужели он собирается уничтожить целый народ? Истребить народ, разбросанный по многим странам? Столько миллионов! Каким образом? И это в середине XX века!

Итак, людей интересовало все: военная стратегия, дипломатия, политика, сионизм - все, кроме собственной судьбы.

Даже Моше-Сторож молчал. Он устал говорить. Он слонялся по синагоге или по улицам, сгорбившись и глядя себе под ноги, стараясь ни на кого не смотреть.

В то время еще можно было купить сертификаты на эмиграцию в Палестину. Я просил отца закрыть магазин, все продать и уехать.

- Я слишком стар, сынок, - ответил он. - Слишком стар для новой жизни. Слишком стар, чтобы снова начинать с нуля в далекой стране...

Радио Будапешта объявило о приходе к власти фашистской партии. Миклош Хорти был вынужден просить одного из нилашистских лидеров сформировать новое правительство[8/].

Но и этого все еще было недостаточно, чтобы вызвать у нас беспокойство. Мы, конечно, слышали о фашистах, но все это оставалось для нас чем-то абстрактным: произошла всего-навсего какая-то перемена в правительстве.

[8/] 15 марта 1944 г. Гитлер вызвал к себе Хорти, безуспешно пытавшегося выйти из войны, и предложил ему ультиматум: оккупация Венгрии или формирование угодного нацистам правительства. Под угрозой ареста Хорти выбрал второе. Вернувшись в Будапешт, он предложил лидерам нилашистского движения (т.е. фашистской партии "Скрещенные стрелы") сформировать новый кабинет. Тем не менее 19 марта германская армия оккупировала Венгрию под предлогом того, что венгерское правительство саботирует "окончательное решение" еврейского вопроса.

На следующий день еще одна тревожная новость: немецкие войска с согласия правительства вошли в Венгрию.

Постепенно начала пробуждаться тревога. Берковиц, один из наших друзей, вернувшись из столицы, рассказывал:

- В Будапеште евреи живут в состоянии напряжения и страха. Каждый день на улицах и в поездах случаются антисемитские выходки. Фашисты нападают на синагоги и на еврейские магазины. Положение становится весьма серьезным...

Это известие распространилось по Сигету с быстротой молнии. Вскоре о нем говорили все. Но это продолжалось недолго. Очень быстро вновь восторжестовал оптимизм:

- До нас немцы не дойдут. Они останутся в Будапеште. На это есть причины стратегические и политические...

Не прошло и трех дней, как на наших улицах появилась немецкая военная техника.

Ужас. Немецкие солдаты в своих стальных касках с изображением черепа.

Однако наши первые впечатления о немцах были весьма благоприятными. Офицеры были расквартированы в частных домах, и даже у евреев. По отношению к хозяевам они сохраняли дистанцию, но были вежливы. Они никогда не просили невозможного, не говорили ничего неприятного, а иногда даже улыбались хозяйке дома. Один офицер поселился в доме напротив нашего. Он занимал одну из комнат у Канов. Они говорили, что он очень милый: спокойный, приятный. вежливый. Через три дня после своего вселения он преподнес г-же Кан коробку шоколада. Оптимисты торжествовали:

- Ну, что мы говорили? А вы не хотели верить. Смотрите, вот *ваши* немцы. Что вы о них скажете? Где их знаменитая жестокость?

Немцы уже были в городе, фашисты уже были у власти, приговор уже был провозглашен, а евреи Сигета продолжали улыбаться.

Пасхальная неделя.

Погода стояла чудесная. Мать трудилась на кухне. Все синагоги были закрыты, и люди собирались по домам: не следовало раздражать немцев. Квартиры почти всех раввинов стали местом молитвы.

Мы все ели, пили и пели. Библия велит нам веселиться всю праздничную неделю и быть счастливыми. Но на душе было невесело. Вот уже несколько дней сердце билось быстрее. Нам хотелось, чтобы праздник поскорее закончился, чтобы не нужно было больше притворяться.

На седьмой день Пасхи все и началось: немцы арестовали руководителей еврейской общины.

После этого события развивались очень быстро. Бег навстречу смерти начался.

Первый шаг: под страхом смерти евреям было запрещено в течение трех дней выходить из дому.

Моше-Сторож прибежал к нам и крикнул отцу:

- Я вас предупреждал... - И, не дожидаясь ответа, убежал.

В тот же день венгерские полицейские ворвались во все еврейские дома в городе: евреям запрещалось иметь золото, ювелирные украшения, ценности. Все это, под страхом смерти, следовало передать властям. Отец спустился в погреб и закопал наши сбережения.

Дома мать продолжала заниматься своими обычными делами. Иногда она останавливалась и молча смотрела на нас.

Когда три дня истекли, был издан новый приказ: все евреи должны носить на одежде желтую звезду.

Несколько уважаемых членов общины пришли к отцу, чтобы узнать его мнение о положении дел, так как у него были связи в высших сферах венгерской полиции. Отец считал, что все не так уж мрачно - а может, он просто не хотел расстраивать людей, лишать их надежды.

- Желтая звезда? Ну и что? От этого еще никто не умер... (Бедный отец! А ты-то сам от чего умер?)

Но издавались уже новые указы. Мы больше не имели права входить в рестораны, кафе, ездить по железной дороге, ходить в синагогу, выходить на улицу после 6 часов вечера.

А потом было гетто.

В Сигете устроили два гетто. Одно - большое, в центре города - занимало четыре улицы, а другое - поменьше - растянулось по нескольким улочкам на окраине. Наша улица - Змеиная - оказалась внутри первого гетто, поэтому мы остались в своем доме. Но из-за того, что он был угловым, те окна, которые выходили на улицу за пределами гетто, пришлось забить. Мы отдали несколько комнат родственникам, которых выгнали из их квартир.

Жизнь понемногу входила в обычное русло. Колючая проволока, окружавшая нас, как осажденную крепость, не внушала нам особого страха. Мы чувствовали себя даже очень неплохо: ведь теперь мы действително жили среди своих. Маленькая еврейская республика... Был создан Еврейский совет, еврейская полиция, бюро социального обеспечения, комитет по труду, отдел гигиены - словом, настоящий государственный аппарат.

Все были в восторге. Нам больше не нужно было видеть эти враждебные лица, эти взгляды, полные ненависти. Конец тревоге и страху. Теперь мы жили среди евреев, среди своих братьев...

Разумеется, бывали и неприятные моменты. Каждый день приходили немцы, чтобы набрать мужчин грузить уголь для военных эшелонов. На такие работы добровольцев находилось слишком мало. Но помимо этого обстановка была мирной и внушала надежду.

По общему мнению, мы должны были остаться в гетто до конца войны, до прихода Красной армии. А потом все вернется к прежней жизни. В гетто правили не немцы и не евреи, а иллюзии.

В субботу накануне Пятидесятницы люди безмятежно прогуливались по согретым весенним солнцем оживленным улицам. Все весело болтали. На тротуарах дети играли в орехи. Вместе со своими товарищами я изучал талмудический трактат, сидя в саду Эзры Малика.

Наступил вечер. Человек двадцать собрались во дворе нашего дома. Отец рассказывал им анекдоты и излагал свои соображения о происшедшем. Он был хорошим рассказчиком.

Внезапно приоткрылась калитка, и Штерн - бывший коммерсант, а ныне полицейский - вошел во двор и отвел отца в сторону. Несмотря на сгустившиеся сумерки, я увидел, как отец побледнел.

- Что такое? - спрашивали все.

- Ничего не знаю. Меня вызывают на экстренное заседание Совета. Видимо, что-то случилось.

Веселая история, которую он нам рассказывал, осталась неоконченной.

- Я вернусь быстро, - сказал отец. - Приду, как только смогу. Я вам все расскажу. Ждите меня.

Мы были готовы ждать долго. Наш двор стал похож на комнату ожидания перед операционной. Мы только ждали, чтобы снова открылась калитка, будто надеялись увидеть, как распахнутся небесные врата! К нам присоединились и другие соседи, до которых тоже дошли какие-то слухи. Все смотрели на часы. Время тянулось медленно. Что могло означать столь долгое заседание?

- Что-то у меня недоброе предчувствие, - сказала мать. - Сегодня днем я заметила в гетто новые лица. Двух немецких офицеров, кажется, из гестапо. С тех пор, как мы тут, еще ни один офицер здесь не показывался...

Была уже почти полночь. Никто не хотел уходить спать. Кое-кто сбегал домой, чтобы проверить, все ли там в порядке. Некоторые уходили домой, но просили позвать их, как только отец вернется.

Наконец калитка открылась и он вошел. Он был бледен. Его тут же окружили.

- Рассказывайте! Скажите, в чем дело! Скажите хоть что-нибудь...

В ту минуту мы все жаждали хоть одного ободряющего слова, уверений в том, что бояться нечего, что собрание было самым что ни на есть обычным, что там обсуждались повседневные вопросы - социальные, санитарные... Но достаточно было взглянуть на осунувшееся лицо отца, чтобы все стало понятно.

- У меня страшная весть, - наконец объявил он. - Депортация.

Гетто должно было быть полностью ликвидировано. Начиная со следующего дня,всем его жителям предстояло последовательно освобождать улицу за улицей.

Нам хотелось узнать все, каждую подробность. Новость оглушила нас, но нам хотелось испить горечь до дна.

- Куда нас отправят?

Это было тайной, тайной для всех, кроме одного лишь главы Еврейского совета. Но он не скажет, *не может* сказать. Гестапо пригрозило ему расстрелом.

Отец произнес подавленно:

- Ходят слухи, что нас повезут куда-то в пределах Венгрии для работы на кирпичных заводах. Видимо, дело в том, что фронт подошел к нам слишком близко...

После короткой паузы он добавил:

- Мы имеем право взять с собой только личные вещи. Вещевой мешок, немного еды и одежды. Больше ничего...

Снова наступило тяжелое молчание.

- Пойдите разбудите соседей, - сказал отец. - Пусть готовятся...

Тени вокруг меня будто пробудились после долгого сна. Они молча задвигались в разных направлениях.

На минуту мы остались одни. Вдруг в комнату вошла Батя Рейх, жившая у нас родственница:

- Кто-то стучит в забитое окно, в то, что выходит наружу!

Только после войны я узнал, кто к нам тогда стучался. Это был инспектор венгерской полиции, приятель отца. Когда нас селили в гетто, он сказал: "Не беспокойтесь. Если что-нибудь будет вам угрожать, я предупрежу". Если бы в тот вечер ему удалось с нами поговорить, мы еще могли бы бежать... Но, когда мы наконец открыли окно, было уже слишком поздно. Снаружи никого не было.

Гетто просыпалось. Одно за другим загорались окна. Я пошел к одному из отцовских друзей. Разбудил хозяина дома, седобородого старика с задумчивым взглядом и со спиной, сгорбленной от долгого сидения над книгами.

- Вставайте, сударь! Вставайте! Собирайтесь в путь. Завтра вас отсюда выгонят, вас и вашу семью, вас и всех остальных евреев. Куда? Не спрашивайте, не задавайте мне вопросов. Один Бог это знает. Ради всего святого, вставайте...

Он ничего не понял из моих слов. Он наверняка подумал, что я сошел с ума.

- Что ты говоришь? Готовиться к отъезду? Какой отъезд? Почему? Что происходит? Ты что, спятил?

Все еще в полусне. он уставился на меня взглядом, полным ужаса, словно все еще ожидая, что я расхохочусь и в конце концов скажу:

- Ложитесь снова в постель. Спите. Приятных сновидений. Ничего не случилось. Это была шутка...

У меня пересохло горло, и слова застревали, губы онемели. Я больше нечего не мог сказать.

Тогда он понял. Он встал с постели и стал механически одеваться. Потом подошел к кровати, где спала его жена, и с бесконечной нежностью коснулся ее лба. Она открыла глаза, и мне показалось, что на ее губах заиграла улыбка. Затем он подошел к кроватям двух своих детей и быстро разбудил их, вырвав из мира снов. Я убежал оттуда.

Время бежало очень быстро. Было уже четыре часа утра. Измученный отец метался в разные стороны, утешая друзей, бегая в Еврейский совет, чтобы узнать, не отменен ли вдруг указ. До последней минуты в наших душах все еще теплилась слабая надежда.

Женщины варили яйца, жарили мясоб пекли пироги, шили вещевые мешки. Дети бродили повсюду, опустив голову, не зная, куда себя деть и где пристроиться, чтобы не мешать взрослым. Наш двор превратился в настоящую ярмарку. Разнообразные ценности, дорогие ковры, серебряные канделябры, молитвенники, Библии и другие молитвенные принадлежности валялись на пыльной земле под изумительно голубым небом. Казалось, что у этих несчастных вещей никогда не было владельцев.

К восьми утра руки, ноги, мозг стали наливаться усталостью, словно расплавленным свинцом. Я уже начал молиться, когда на улице послышались крики. Я быстро снял филактерии[9] и подбе-

---

[9] *Филактерии* - тфеллин - две кожаные коробочки на ремешках, которые мужчины надевают на лоб и на левую руку во время утренней молитвы. В них находятся библейские тексты.

жал к окну . Венгерские жандармы вошли в гетто и кричали на соседней улице:

- Все евреи - на улицу! И давайте пошевеливайтесь!

Еврейские полицейские входили в дома и говорили сдавленным голосом:

- Пора... Придется все это оставить...

Венгерские жандармы прикладами винтовок и дубинками били без разбору всех, кто им попадался под руку: женщин и стариков, детей и больных.

Дома пустели один за другим, а улица заполнялась людьми и узлами. В десять часов все обреченные на депортацию были на улице. Жандармы устроили перекличку, затем повторили ее еще раз, еще двадцать раз... Было очень жарко, пот струился по лицам и телам людей.

Дети со слезами просили воды. Воды!..

Она была совсем рядом - в домах, во дворах, но выходить из рядов запрещалось.

- Воды, мама, воды!

Еврейским полицейским из гетто удалось тайком набрать несколько кувшинов. Мои сестры и я помогали полицейским, как могли: мы еще имели право передвигаться, так как были записаны на депортацию в самую последнюю очередь.

Наконец, в час дня дали сигнал к отправлению.

Какая же это была радость - да, радость. Люди, наверное, думали, что нет адских мук страшнее, чем сидеть вот так, на мостовой, посреди узлов, на улице, под палящим солнцем. Им казалось, все что угодно будет лучше этого. Они двинулись в путь, даже не взглянув на покинутые улицы, на опустевшие и вымершие дома, на сады, на могилы... У каждого за спиной - мешок. У каждого в глазах - слезы и боль. Медленно, тяжело продвигалась процессия к воротам гетто.

А я стоял на тротуаре, провожая их взглядом, не в силах пошевелиться. Вот прошел раввин, спина его сгорблена, лицо выбрито, за плечами вещевой мешок. Уже само его присутствие среди изгнанников придавало всей сцене оттенок неправдоподобности. Казалось, передо мной страница из какой-то книги, из исторического романа о Вавилонском плене или об испанской инквизиции.

Они проходили мимо меня один за другим: учителя, друзья и все остальные - те, кого я боялся, те, над кем мог когда-то посмеяться, все те, с кем я прожил рядом долгие годы. Они уходили, поникшие, волоча свои узлы и свои жизни, оставляя позади семейный очаг и детские годы, - понурившись, словно побитые собаки.

Они шли, не глядя на меня. Они, должно быть, мне завидовали.

Процессия скрылась за углом. Еще несколько шагов, и она оказалась за воротами гетто.

Улица была похожа на внезапно покинутый базар. Там было все: чемоданы, полотенца, дорожные сумки, ножи, тарелки, банкноты, бумаги, пожелтевшие фотографии. Это были те вещи, которые люди сначала думали взять с собой, но потом бросили. Вещи уже утратили всякую ценность.

Комнаты повсюду оставались открытыми. Распахнутые двери и окна смотрели в пустоту. Все принадлежало всем, не принадлежа больше никому в отдельности. Каждый мог брать что угодно. Это было похоже на открытый гроб.

Сияло летнее солнце.

Весь день мы ничего не ели, но совсем не проголодались. Мы были измучены.

Отец провожал депортированных до ворот гетто. Сначала их завели в большую синагогу, где тщательно обыскали, чтобы проверить, нет ли у них с собой золота, денег или других ценностей... Истерики, удары дубинок.

- Когда наша очередь? - спросил я отца.

- Послезавтра. Если только... если только ситуация не изменится. Может, произойдет чудо...

Куда же увозят людей? Неужели до сих пор неизвестно? Нет, тайна охранялась надежно.

Стемнело. В тот вечер мы рано легли спать. Отец сказал:

- Спите спокойно, дети. Это произойдет только послезавтра, во вторник.

Понедельник промчался как летнее облачко, как утренний сон.

Мы собирали вещевые мешки и пекли хлеб и печенье в дорогу, не думая больше ни о чем. Приговор был вынесен.

В тот вечер мама велела нам лечь очень рано: чтобы сберечь силы, как она говорила. Это была наша последняя ночь дома.

Я встал на рассвете. Мне хотелось успеть помолиться, прежде чем нас выгонят.

Отец поднялся раньше всех нас, чтобы узнать, нет ли новостей. Он вернулся около восьми с доброй вестью: мы уходим из города не сегодня. Мы только перейдем в маленькое гетто. Там будем ждать последнего транспорта. Мы уйдем последними.

В девять утра повторилось то же, что было в воскресенье. Жандармы с дубинками в руках кричали: "Всем евреям - выходить!"

Мы были готовы. Я вышел первым. Мне не хотелось видеть лица родителей. Я боялся расплакаться. Мы сели посреди улицы, как наши предшественники в воскресенье. То же палящее солнце, та же жажда. Но не осталось больше никого, кто мог бы принести нам воды. Я смотрел на наш дом, где я провел столько лет - в поисках своего Бога, в постах, дабы ускорить приход Мессии, в мыслях о будущем. Нет, мне вовсе не было грустно, я не думал ни о чем.

- Встать! Перекличка!

Встали. Нас считают. Садимся. Снова встали. Снова садимся. До бесконечности. Нам не терпелось отправиться. Что ожидало нас впереди? Наконец раздался приказ: "Вперед!"

Отец плакал. Впервые в жизни я видел его слезы. Я даже не представлял себе, что такое возможно. А мать шла с застывшим лицом, молча, глубоко задумавшись. Я взглянул на сестренку Циппору, на ее светлые, аккуратно причесанные волосы, на красный плащик в ее руках; передо мной была семилетняя девчушка. На спине - слишком тяжелый для нее мешок, она сжала зубы: ей уже было известно, что жалобы не помогут. Жандармы тыкали дубинками направо и налево: "Быстрее!" У меня иссякли силы. Путь только начинался, а я уже ослаб...

- Быстрее! Быстрее! Пошевеливайтесь, бездельники! - орал венгерский жандарм.

Вот тогда-то я и начал их ненавидеть, и эта ненависть - единственное, что связывает меня с ними и сегодня. Это были наши первые мучители. Это были первые образы ада и смерти.

Нам приказали бежать. Мы побежали. Кто бы мог подумать, что у нас еще столько сил? Из-за закрытых ставнями окон на нас смотрели сограждане.

Наконец мы добрались до места назначения. Сбросив вещевые мешки, мы и сами рухнули на землю:

- Боже, Царь Вселенной, сжалься над нами в Твоем великом милосердии...

Маленькое гетто. Еще три дня назад здесь жили люди. Люди - хозяева вещей, которыми теперь пользовались мы. Этих людей угнали. И мы уже совсем о них забыли.

Беспорядок здесь был еще больший, чем в нашем гетто. Видимо, обитателей вывезли неожиданно. Я сходил в комнаты, где раньше жила семья моего дяди. На столе стояла тарелка с недоеденным супом. Приготовленное для пирога тесто. По полу разбросаны книги. Может, дядя надеялся взять их с собой?

Мы вселились (ну и слово - "вселились"!). Я сходил за дровами, сестры развели огонь. Несмотря на усталость, мама принялась готовить обед.

- Нужно держаться, нужно держаться, - повторяла она.

Настроение у людей было не такое уж плохое: мы начали привыкать к своему положению. На улице дело дошло даже до оптимистических рассуждений. Говорили, что фрицы не успеют нас вывезти... Тем, кого уже депортировали, - увы! - помочь невозможно. Ну, а нам они, вероятно, позволят провести здесь наши жалкие дни до конца войны.

Гетто не охранялось. Можно было свободно входить и выходить. Нас навестила наша бывшая служанка Мария. Она со слезами умоляла нас уйти к ней в деревню, где она приготовила надежное убежище. Отец даже и слышать об этом не хотел. Он сказал старшим сестрам и мне:

- Если хотите, идите. Я останусь здесь с мамой и малышкой.

Разумеется, мы не захотели разлучаться.

Ночь. Никому не хотелось, чтобы она кончилась. Звезды были лишь слабым отблеском снедавшего нас огня. Стоит этому огню однажды угаснуть, и в небе не останется ничего, кроме потухших звезд - мертвых глаз.

Нам оставалось только лечь спать, лечь в постели ушедших. Отдыхать, набираться сил.

Утром от этой грусти не осталось и следа. Все чувствовали себя так, словно у нас были каникулы. Люди говорили:

- Еще неизвестно, может, эта депортация обернется к нашему же благу. Фронт довольно близко, скоро будет слышна стрельба. Тогда все равно эвакуируют гражданское население.

- Они наверняка боятся, что мы перейдем к партизанам...

- А я вообще считаю, что вся эта депортация - чистый фарс. Да-да, не смейтесь. Фрицы просто хотят разворовать наши драгоценности. Они ведь знают, что все зарыто и что им придется основательно покопать, а это гораздо легче делать, если хозяева уехали отдыхать...

Отдыхать!

Эти бодрые разговоры, которым никто не верил, помогали убить время. Те несколько дней, что мы там прожили, были довольно сносными и спокойными. Отношения между людьми установились самые дружеские. Больше не было ни богатых, ни важных, ни "значительных лиц", были просто люди, приговоренные к общей - пока еще неизвестной - судьбе.

Для нашей депортации была выбрана суббота, день покоя. Накануне, в пятницу вечером, у нас была традиционная трапеза. Мы, как обычно, благословили хлеб и вино и ели молча. Мы чувствовали, что в последний раз сидим вместе за семейным столом. Я провел ночь в мыслях и воспоминаниях, не в силах заснуть.

На рассвете мы уже были на улице, готовые к отправке. На этот раз венгерских жандармов не было. Еврейский совет получил разрешение организовать все своими силами.

Наша колонна направилась к большой синагоге. Город казался опустевшим. Но, несомненно, наши вчерашние друзья скрывались за ставнями в ожидании того момента, когда можно будет почистить наши дома.

Синагога напоминала большой вокзал: тоже багаж и слезы. Алтарь был сломан, обои ободраны, стены обнажены. Нас было так много, что трудно было дышать. Мы провели там сутки в немыслимых условиях. Мужчины оставались внизу, женщины наверху.

Была суббота, и можно было подумать, что мы пришли на службу. Не имея возможности выходить на улицу, люди справляли нужду по углам.

На следующее утро мы прибыли на вокзал, где нас ожидал эшелон, состоявший из вагонов для скота. Венгерские жандармы загнали нас внутрь - по восемьдесят человек в вагон. Нам оставили немного хлеба и несколько ведер воды. Проверили решетки на окнах, чтобы убедиться в их надежности. Затем вагоны были опечатаны. В каждом вагоне был назначен старший: его расстреляют, если кто-нибудь сбежит.

По платформе, улыбаясь, прогуливались два гестаповских офицера: в общем и целом все прошло отлично.

Долгий гудок пронзил воздух. Заскрежетали колеса. Мы отправились в путь.

Глава II

О том, чтобы лечь или даже сесть всем одновременно, не могло быть и речи. Мы решили сидеть по очереди. Было душно. Повезло тем, кто оказался у окна: они могли видеть проносившиеся мимо сады и луга в цвету.

К концу второго дня пути нас начала мучить жажда. Потом жара стала невыносимой.

Освободившись от всех социальных ограничений и пользуясь темнотой, молодые парни и девушки открыто отдались своим инстинктам и совокуплялись прямо среди нас, ни на кого не обращая внимания, словно они были одни в целом мире. А остальные делали вид, что ничего не замечают.

У нас еще оставалась еда. Но мы ни разу не ели досыта. Мы экономили: нашим принципом было беречь на завтра. Завтра могло быть еще хуже.

Поезд остановился в Кашау - маленьком городке на границе с Чехословакией. Тогда мы поняли, что не останемся в Венгрии. Наши глаза открылись, но слишком поздно.

Двери вагона раздвинулись. В них показался немецкий офицер, сопровождаемый венгерским лейтенантом, который перевел его обращение к нам:

- С этой минуты вы переходите в подчинение германской армии. Те, у кого еще остались золото, деньги и часы, должны их сейчас сдать. Те, кто что-либо утаят, при обнаружении будут расстреляны на месте. Далее: больные могут перейти в больничный вагон. Это все.

Венгерский лейтенант обошел нас с корзиной и собрал последние ценности у тех, кто не хотел больше испытывать оскомину страха.

- Вас в вагоне восемьдесят, - добавил немецкий офицер. - Если хоть кто-нибудь исчезнет, вы все будете расстреляны, как собаки...

Они ушли. Двери вновь закрылись. Мы оказались в ловушке, нас держали за горло. Двери были заколочены, путь назад полностью отрезан. Весь мир превратился для нас в наглухо закрытый вагон.

С нами ехала женщина лет пятидесяти, г-жа Шехтер, с десятилетним сыном, который скорчился в уголке. Ее муж и два старших сына по ошибке были депортированы отдельно, с первой партией... Эта разлука ее сломила.

Я ее хорошо знал. Она часто к нам приходила; это была тихая женщина с горящим и напряженным взглядом. Ее муж, человек набожный, дни и ночи проводил в синагоге над книгами, поэтому семью кормила она.

Г-жа Шехтер сошла с ума. Уже в первый день она начала стонать и спрашивать, почему ее разлучили с семьей. Потом ее крики перешли в истерику.

На третью ночь, когда мы спали сидя, прижавшись друг к другу, а некоторые - стоя, тишину внезапно нарушил пронзительный вопль:

- Огонь! Я вижу огонь! Я вижу огонь!

·На мгновение возникла паника. Кто кричал? Г-жа Шехтер. Стоя посреди вагона, в слабом свете, падавшем из окон, она походила на засохшее дерево в поле. Протянутой рукой она указывала в окно, крича:

- Смотрите! Смотрите же! Огонь! Этот страшный огонь! Сжальтесь надо мной! *Этот огонь!*

Несколько мужчин прижались лицом к оконной решетке. Ничего не было видно, стояла ночь.

Мы долго еще оставались под впечатлением этого жуткого пробуждения. Мы никак не могли унять дрожь. При каждом скрежетании колес о рельсы казалось, что под нами разверзается бездна. Не в силах побороть страх, мы убеждали себя: "Она, бедняжка, сошла с ума..!" Но она по-прежнему продолжала кричать: "Этот огонь! Этот пожар!.."

Ее сынишка плакал, прижавшись к ее юбке, ловя ее руки: "Не надо, мама! Там ничего нет... Сядь..." Для меня это было еще тягостнее, чем вопли его матери. Женщины старались ее утешить: "Вы скоро опять встретитесь с мужем и сыновьями... Через несколько дней..."

Она продолжала кричать, с трудом переводя дыхание, прерывающимся от рыданий голосом: "Евреи, слушайте меня: я вижу огонь! Какое пламя! Это печь!" Казалось, какой-то злой дух вселился в нее и кричал из глубины ее существа.

Мы пытались как-то это объяснить - не столько ради нее, сколько для того, чтобы самим успокоиться и преодолеть ужас: "Бедняжка, должно быть, мучается страшной жаждой. Поэтому она и говорит о пожирающем ее огне..."

Но все было напрасно. От нашего ужаса готов был взорваться вагон. Нервы были на пределе. По коже ползли мурашки. Несколько парней силой усадили ее, связали и засунули в рот кляп.

Опять стало тихо. Мальчик плакал, сидя возле матери. Я снова стал дышать ровнее. Было слышно, как колеса мчащегося в ночи поезда отбивают по рельсам свой однообразный ритм. Теперь можно было внова вздремнуть, передохнуть, отдаться снам...

Так прошел час или два. И опять у нас перехватило дыхание от крика. Женщина освободилась от веревок и кричала еще громче, чем прежде:

- Глядите на этот огонь! Пламя, пламя повсюду...

Парни снова связали ее и заткнули ей рот. Они даже ударили ее несколько раз. Все их поддержали:

- Пусть эта сумасшедшая помолчит! Пусть заткнется! Она здесь не одна! Пускай помолчит!..

Ее несколько раз ударили по голове - так сильно, что могли и убить. Сынишка молча прижимался к ней, он не произнес ни слова. Он даже больше не плакал.

Это была нескончаемо долгая ночь. К рассвету г-жа Шехтер успокоилась. Скорчившись в своем углу, она смотрела безумным взглядом в пустоту, нас она больше не видела.

В течение всего дня она так и сидела: немая, с отсутствующим видом, далекая от нас. С наступлением ночи она вновь начала кричать: "Пожар, там!" При этом она все время указывала в одну и ту же точку в пространстве. Ее постоянно били. Жара, жажда, зловоние, духота казались пустяками по сравнению с этими душераздирающими криками. Еще несколько дней - и мы все стали бы кричать точно так же.

Но вот мы остановились на какой-то станции. Те, кто были около окна, прочли нам название: "Аушвиц"[10/].

Никто из нас никогда не слышал этого слова.

Поезд больше не двигался. Медленно миновал полдень. Затем двери вагона раздвинулись. Двоим разрешили выйти за водой.

Вернувшись, они рассказали нам то, что им удалось выяснить в обмен на золотые часы: это конечный пункт. Тут нас выгрузят. Здесь находится трудовой лагень. Условия хорошие. Семьи разлучать не будут. Только молодежь будет работать на фабриках. Старики и больные будут заняты в поле.

Стрелка нашего внутреннего барометра резко качнулась в сторону надежды. Это было внезапное освобождение от всех ужасов предыдущих ночей. Мы благодарили Бога.

Г-жа Шехтер оставалась в своем углу, съежившаяся, молчаливая, безразличная к всеобщей радости. Сынишка гладил ее руку.

В вагон стали заползать сумерки. Мы принялись доедать свои последние припасы. В десять часов мы стали пристраиваться поудобнее, чтобы хоть немного вздремнуть, и вскоре уже все спали. И вдруг:

10/ *Аушвиц* - германизированное название польского городка Освенцим (недалеко от Кракова) , где в мае 1940 г. был открыт концентрационный лагерь. Со временем эта часть разросшегося лагерного комплекса стала называться "Освенцим 1", или "основной лагерь". В начале 1941 г. недалеко от него началось строительство концлагеря Буна ("Освенцим Ш") и завода искусственного каучука концерна "И.Г.Фарбениндустри",где затем стали работать заключенные Буны.В январе 1942 года в 3 км от Освенцима, на месте деревни Бжезинка был открыт лагерь уничтожения Биркенау ("Освенцим П").

- Огонь! Пожар! Посмотрите туда!..

Резко проснувшись, мы бросились к окнам. И в этот раз - пусть на мгновение - мы опять ей поверили. Но вокруг была только темная ночь. Пристыженные, мы вернулись на свои места, все еще невольно испытывая страх. Поскольку г-жа Шехтер продолжала кричать, ее снова принялись бить, стоило большого труда заставить ее замолчать.

Старший нашего вагона обратился к немецкому офицеру,который прогуливался по перрону, и попросил перевести нашу больную попутчицу в больничный вагон.

- Потерпите, - ответил офицер. - Потерпите, скоро ее заберут.

Около одиннадцати поезд снова тронулся. Мы припали к окнам. Состав двигался медленно. Через четверть часа он снова затормозил. В окна мы увидели колючую проволоку и поняли, что это и есть лагерь.

Мы забыли о г-же Шехтер. Внезапно раздался жуткий вопль:

- Евреи, смотрите! Смотрите, огонь! Смотрите, пламя!

И, так как поезд остановился, на этот раз мы увидели, что из высокой трубы в черное небо вырываются языки пламени.

Г-жа Шехтер затихла сама. Она опять стала молчаливой, безразличной, отрешенной и вернулась в свой угол.

Мы смотрели на языки пламени в ночи. В воздухе разносился омерзителный запах. Неожиданно двери открылись. Странные люди в полосатых куртках и черных шапках вскочили в вагон. У каждого в руках были электрический фонарь и дубинка. Они принялись раздавать удары направо и налево, еще не успев скомандовать:

- Всем выходить! Вещи оставить в вагоне! Живо!

Мы выскочили наружу. Я бросил последний взгляд на г-жу Шехтер. Сынишка держал ее за руку.

Перед нами было это пламя. В воздухе - этот смрад горящей плоти. Должно быть, уже наступила полночь. Мы прибыли. В Биркенау.

Глава Ш

Дорогие нам предметы, которые мы до сих пор везли с собой, остались в вагоне, а вместе с ними, наконец, и наши иллюзии.

Через каждые два метра стояли эсэсовцы с направленными на нас автоматами. Держась за руки, мы следовали за толпой.

Навстречу нам вышел унтер-офицер СС с дубинкой в руках и приказал:

- Мужчины налево! Женщины направо!

Четыре слова, произнесенные спокойно, безразлично, равнодушно. Четыре простых, коротких слова. И однако именно в этот момент я навсегда расстался с мамой. Я еще не успел ни о чем подумать, но уже почувствовал, как отец сжимает мне руку: мы с тобой остаемся одни. Еще мгновение я видел, как мать и сестры идут направо. Циппора держала маму за руку. Я видел, как они уходили: мама гладила светлые волосы сестренки, словно защищая ее, а я, я продолжал шагать вместе с отцом, вместе с другими мужчинами. И я даже не подозревал, что в этом месте, в эту минуту навсегда прощаюсь с мамой и Циппорой. Я продолжал шагать. Отец держал меня за руку.

Позади меня упал старик. Стоявший рядом эсэсовец уже убирал револьвер в кобуру.

Я судорожно вцепился в руку отца. У меня была одна мысль: не потерять его. Не остаться одному.

Эсэсовские офицеры скомандовали:

- Построиться по пять.

Общая неразбериха. Главное было обязательно остаться вместе.

- Эй, парнишка, сколько тебе лет?

Ко мне обращался один из заключенных. Я не видел его лица, но голос был усталый и раздраженный.

- Почти пятнадцать.

- Нет, восемнадцать.

- Да нет же, - возразил я, - пятнадцать.

- Вот идиот! Слушай, что я говорю.

Потом он задал тот же вопрос отцу, который ответил:

- Пятьдесят.

Заключенный еще больше разозлился:

- Нет, не пятьдесят. Сорок. Слышите? Восемнадцать и сорок.

Он скрылся в ночном мраке. Вместо него, ругаясь, появился другой:

- Какого черта вы сюда притащились, сукины дети? Ну, зачем?

Кто-то осмелился ответить:

- А вы как думаете? Мы что, для собственного удовольствия приехали? Может, мы просились сюда?

Еще чуть-чуть, и арестант убил бы нашего товарища.

- Заткнись, скотина, а то задушу на месте! Лучше бы вы удавились у себя дома, чем ехать сюда. Вы что же, не знали, что вас ждет здесь, в Освенциме? Вы не знали? В сорок четвертом?

Нет, мы не знали. Никто нам ничего не говорил. Он не верил своим ушам. Его голос звучал все более злобно.

- Видите там трубу? Видите? А пламя видите? (Да, мы видели пламя). Так вот туда-то вас и поведут. Там-то и есть ваша могила. Вы все еще не поняли? Вы ничего не понимаете, сукины дети? Вас сожгут! Сожгут дотла! От вас останется только пепел!

Его ярость переходила в истерику. Словно окаменев, мы не шевелились. Может, все это только кошмарный сон? Немыслимый бред?

Вокруг себя я слышал ропот:

- Надо что-то делать. Нельзя, чтобы нас просто убили, нельзя идти, как скотина на убой. Мы должны сопротивляться!

Среди нас было несколько крепких ребят. У них оставались при себе ножи, и они уговаривали своих товарищей напасть на вооруженную охрану. Один парень говорил:

- Пусть мир узнает об Освенциме. Пусть узнают о нем те, кто еще может его избежать...

Но старики умоляли своих детей не делать глупостей:

- Нельзя терять надежду, даже когда меч уже занесен над твоей головой, - так рассуждали наши мудрецы.

Волна протеста улеглась. Мы продолжали двигаться по направлению к плацу. Там стоял среди других офицеров знаменитый доктор Менгеле (типичный офицер СС, с жестоким, довольно умным лицом и моноклем в глазу), держа в руке дирижерскую палочку. Палочка непрерывно указывала то вправо, то влево.

Я был уже напротив него.

- Сколько тебе лет? - спросил он тоном, которому, вероятно, хотел придать отеческие интонации.

- Восемнадцать, - мой голос дрожал.

- Здоров?

- Да.

- Профессия?

Сказать, что я студент?

- Крестьянин, - услышал я собственный голос.

Этот разговор длился всего несколько секунд. А мне он показался вечностью.

Дирижерская палочка указала влево. Я сделал полшага вперед. Я хотел сперва узнать, куда направят отца. Если он пойдет направо, я последую за ним.

Палочка снова качнулась влево. У меня словно гора с плеч упала.

Мы еще не знали, что лучше - налево или направо, какая дорога ведет в тюрьму, а какая - в крематорий. И все-таки я радовался: ведь я был вместе с отцом. Наша колонна продолжала медленно двигаться.

Подошел еще один заключенный:

- Довольны?

- Да, - ответил ему кто-то.

- Несчастные, вы же идете в крематорий.

Казалось, он говорил правду. Недалеко от нас из какого-то рва поднималось пламя, гиганские языки пламени. Там что-то жгли. К яме подъехал грузовик и вывалил в нее свой груз - это были маленькие дети. Младенцы! Да, я это видел, собственными глазами... Детей, объятых пламенем. (Стоит ли удивляться, что после этого я потерял сон?)

Вот, значит, куда мы шли. Дальше виднелся другой ров, побольше - для взрослых.

Я щипал себя за щеки. Жив ли я еще? Может, я сплю? Я не мог поверить своим глазам. Как это может быть, что сжигают людей, детей, и мир молчит? Нет, это невозможно. Это кошмарный сон. Сейчас я внезапно проснусь с колотящимся серцем и снова увижу комнату своего детства, свои книги...

Голос отца прервал мои мысли:

- Какая жалость... Как жаль, что ты не пошел с мамой... Я видел много мальчиков твоего возраста, которые ушли с матерями.

Его голос был бесконечно печален. Я понял, что он не хотел увидеть то, что со мной сделают. Он не хотел видеть, как горит его единственный сын.

Мой лоб покрылся холодным потом, но я сказал ему, что не верю, будто в наше время сжигают людей, - человечество ни за что бы этого не допустило...

- Человечество? Человечество нами не интересуется. Сегодня все позволено. Все возможно, даже печи крематориев... - Его голос прервался.

- Папа, - сказал я. - Если это так, я не хочу больше ждать. Я брошусь на колючую проволоку под током. Это лучше, чем медленная смерть в огне.

Он не ответил. Он плакал. Его тело сотрясала дрожь. Плакали все вокруг. Кто-то начал читать *Каддиш* - молитву по умершим. Я не знаю, случалось ли прежде в истории еврейского народа, чтобы живые читали заупокойные молитвы по самим себе.

- *Йитгаддал вейиткаддаш шмей рабба...* - Да возвеличится и освятится Его Имя... - шептал отец.

Впервые я почувствовал, что во мне закипает протест. Почему я должен освящать и возвеличивать Его Имя? Вечный, Царь Вселенной, Всемогущий и Страшный молчит, за что же мне Его благодарить?

Мы продолжали идти. Постепенно мы приблизились ко рву, откуда исходил адский жар. Оставалось еще двадцать шагов. Если я решил покончить с собой, то было самое время. Нашей колонне оставалось сделать еще каких-нибудь пятнадцать шагов. Я кусал губы, чтобы отец не услышал, как у меня стучат зубы. Еще десять шагов. Восемь. Семь. Мы шли медленно, словно следуя за катафалком на собственных похоронах. Еще четыре шага. Три. Теперь он был совсем рядом , этот ров, полыхающий огнем. Я собрал остатки сил, чтобы вырваться из колонны и броситься на колючую проволоку. В глубине души я прощался с отцом. со всем миром, и сами собой сложились слова, и губы прошептали: "*Йитгаддал вейиткаддаш шмей рабба...* Да освятится и возвеличится Его Имя..." Сердце готово было вырваться из груди. Итак, пришло время. Я стоял лицом к лицу с Ангелом смерти...

Нет. В двух шагах от рва нам приказали повернуть налево и ввели в барак.

Я с силой сжал отцовскую руку. Он сказал:

- Ты помнишь г-жу Шехтер - там, в вагоне?

Никогда мне не забыть эту ночь, первую ночь в лагере, превратившую всю мою жизнь в одну долгую ночь, запечатанную семью печатями.

Никогда мне не забыть этот дым.

Никогда мне не забыть эти лица детей, чьи тела на моих глазах превращались в кольца дыма на фоне безмолвного неба.

Никогда мне не забыть это пламя, навсегда испепелившее мою веру.

Никогда мне не забыть эту ночную тишину, навсегда лишившую меня воли к жизни.

Никогда мне не забыть эти мгновения, убившие моего Бога и мою душу; эти сны, ставшие горячей пустыней.

Никогда мне этого не забыть, даже если бы я был приговорен жить вечно, как Сам Бог. Никогда.

Нас привели в очень длинный барак. В крыше - несколько окошек, закрашенных синеватой краской. Должно быть, именно так выглядит преддверие ада. Те же обезумевшие люди, те же вопли, та же чудовищная жестокость.

Нас встретили десятки заключенных, которые колотили дубинками кого попало, куда попало и без всякой причины. На нас посыпались приказания: "Раздеться догола! Быстро! Los!* В руках - только ремни и обувь..."

Нужно было сбросить одежду в глубине барака. Там уже была целая куча. Старые и новые костюмы, рваные пальто, лохмотья... Мы обрели истинное равенство - равенство в наготе. И дрожали от холода.

Несколько офицеров СС ходили среди нас, выискивая крепких мужчин. Если здесь так ценится сила, может быть, стоит попытаться сойти за силача? Отец думал иначе. Он считал, что лучше

---

*Давай (нем.)

не привлекать к себе внимания. Тогда мы разделим судьбу большинства. (Позднее мы убедились в его правоте. Тех, кого в тот день выбрали, включили в зондеркоманды - бригады, обслуживавшие крематории. Бела Кац, сын крупного коммерсанта из нашего города, прибыл в Биркенау первым транспортом, за неделю до нас. Узнав о нашем прибытии, он сумел сообщить, что из-за своей физической силы попал в зондеркоманду и собственными руками отправил в печь крематория тело отца).

Удары дубинок продолжали сыпаться градом:

- К парикмахеру!

С ремнем и ботинками в руках, меня потащили к парикмахерам. Их тупые машинки, выдирая волосы, брили полностью все тело. У меня была единственная мысль: только бы не потерять отца.

Освободившись из рук парикмахеров, мы стали бродить в толпе, встречая друзей и знакомых. Эти встречи переполняли нас радостью - да, именно радостью: "Слава Богу, ты еще жив!.."

Но другие плакали. Весь остаток сил они вкладывали в этот плач. Почему они допустили, чтобы их сюда привезли? Почему они не умерли в своей постели? Их голоса прерывались от рыданий.

Вдруг кто-то кинулся ко мне с объятиями: это был Ехиль, брат сигетского раввина. Он горько плакал. Я подумал, он плачет от радости, что еще жив.

- Не плачь, Ехиль, - сказал я. - Побереги силы.

- Не плакать? Мы ведь на пороге смерти. Скоро мы уже будем там. Понимаешь? Там, по ту сторону. Как же мне не плакать?

Сквозь синеватые оконца в крыше я видел, как постепенно рассеивается ночная тьма. Я перестал бояться. И меня охватила нечеловеческая усталость.

Отсутствующие больше не тревожили наших мыслей. Мы еще говорили: "Кто знает, что с ними стало?" - но их судьба нас уже не заботила. Мы были не в состоянии думать о чем бы то ни было. Чувства притупились, все расплывалось, как в тумане. Невозможно было ни на чем сосредоточиться. Инстинкт самосохранения, самозащиты, самолюбие словно отмерли у нас. В последний миг ясности мне показалось, что мы проклятые души, блуждающие в мире небытия и обреченные блуждать до скончания человеческого

рода в поисках искупления, в попытке найти забвение - и без всякой надежды.

Около пяти утра нас выгнали из барака. Капо[11] опять нас били, но я перестал чувствовать боль от ударов. Нас обдало ледяным ветром. Мы стояли голые, с ремнями и ботинками в руках. Нам приказали: "Бегом!" И мы побежали. Через несколько минут мы прибежали к другому бараку.

У входа - бочка с керосином. Дезинфекция. Всех окунают в керосин. Затем горячий душ. Все очень быстро. Сразу же из-под душа нас выгнали на улицу. Опять бежим. Еще один барак - склад. Длинные столы. Горы арестантской одежды. Мы бежим мимо них, а нам кидают штаны, куртки, рубашки и носки.

Через несколько секунд мы уже были непохожи на взрослых мужчин. Если бы ситуация не была столь трагичной, можно было бы умереть со смеху. Ну и маскарад! Великану Меиру Кацу достались детские штанишки, а маленькому и худенькому Штерну - огромная куртка, в которой он утонул. Мы тут же принялись меняться.

Я взглянул на отца. Как он изменился! Взгляд потускнел. Мне хотелось сказать ему что-нибудь, но я не знал что.

Ночь миновала. В небе сияла утренняя звезда. И я тоже стал совсем другим. Прежний я - мальчик, изучавший Талмуд, - исчез в языках пламени. Осталась лишь похожая на меня оболочка. Черное пламя проникло в мою душу и испепелило ее.

Столько событий произошло за несколько часов, что я совершенно утратил представление о времени. Когда мы покинули свои дома? А гетто? А поезд? Прошла только неделя? Или ночь - *только одна* ночь?

Сколько времени простояли мы так на ледяном ветру? Час? Неужели всего час? Шестьдесят минут?

Наверное, это был сон.

Неподалеку от нас работали заключенные. Одни рыли ямы, другие таскали песок. Никто из них даже не взглянул на нас. Мы

---

[11] *Капо* - ответственный за работу бригады надзиратель из числа заключенных (обычно уголовник), который сам не работал и пользовался другими привилегиями.

стояли, как сухие деревья посреди пустыни. Позади меня кто-то тихо разговаривал. У меня не было ни малейшего желания прислушаться, узнать, кто говорит и о чем. Никто не решался повысить голос, хотя охраны рядом и не было. Все шептались. Может, причиной тому был густой дым, отравлявший воздух и оседавший в горле...

Нас привели в новый барак, в цыганском лагере [12/]. Снова построили по пять.

- И больше не двигаться!

Пола здесь не было. Четыре стены и крыша. Ноги вязли в грязи.

Снова ожидание. Я уснул стоя. Мне снилась постель, мамины ласковые руки. А проснулся - стою, ноги утопают в грязи. Некоторые не выдержали и легли. Другие на них кричали:

- Вы что, с ума сошли? Нам же велели стоять. Хотите на всех накликать беду?

Как будто на нас еще не обрушились все мыслимые беды. Постепенно мы все сели в грязь. Но приходилось вскакивать всякий раз, когда входили капо, чтобы посмотреть, нет ли у кого из нас новых ботинок. Тогда их приходилось отдавать. Сопротивляться было бесполезно: тебя избивали, а ботинки в конце концов все равно отбирали.

У меня самого были новые ботинки, но их никто не заметил из-за толстого слоя грязи. Я благословил Бога за то, что Он создал грязь в Совсем бесконечном и чудесном мире.

Неожиданно наступило тягостное молчание. Вошел офицер СС, и мы ощутили дыхание Ангела смерти. Наши взгляды были прикованы к его мясистым губам. Стоя в середине барака, он обратился к нам:

- Вы находитесь в концентрационном лагере. В Освенциме...

Пауза. Он наблюдал за произведенным эффектом. Его облик сохранился в моей памяти до сего дня. Это был высокий мужчина

[12/] Цыганский лагерь был устроен 26 февраля 1943 г. на территории Биркенау. 2 августа 1944 г. ликвидирован, после того как последние 4000 цыган были отправлены в газовые камеры.

лет тридцати, с лицом и взглядом преступника. Он смотрел на нас словно на стаю паршивых псов, цепляющихся за жизнь.

- Запомните это, - продолжал он. - Запомните навсегда. Зарубите себе на носу. Вы в Освенциме. А Освенцим - не санаторий. Это концентрационный лагерь. Здесь вы должны работать. А иначе попадете прямо в печь. В крематорий. Работа или крематорий - выбирайте сами.

Мы уже столько пережили за эту ночь, что, казалось, ничто больше не может нас испугать. Но эти сухие слова вызвали у нас дрожь. Слово "печь" было здесь не пустым звуком: оно носилось в воздухе, смешиваясь с дымом. Возможно, это было единственное слово, имевшее здесь реальный смысл. Офицер вышел из барака. Появились капо с криком:

- Все, кто имеет специальность, - слесари, столяры, электрики, часовщики - шаг вперед!

Остальных отвели в другой барак, на сей раз каменный. Разрешили сесть. В качестве надзирателя к нам приставили заключенного-цыгана.

Вдруг у отца начались кишечные колики. Он встал, подошел к цыгану и вежливо спросил его по-немецки:

- Простите... Вы не могли бы сказать, где здесь туалет?

Цыган долго осматривал его с ног до головы. Казалось, он хочет удостовериться в том, что обратившийся к нему человек - живое существо из крови и плоти, с руками, ногами и животом. Затем, словно внезапно очнувшись от летаргии, он отвесил отцу такой удар, что тот рухнул на пол, а затем вернулся на свое место на четвереньках.

Я не пошевельнулся. Что со мной произошло? Только что ударили моего отца, прямо на моих глазах, а я и глазом не моргнул. Я смотрел и молчал. Еще накануне я бы выцарапал негодяю глаза. Неужели я настолько изменился? Так быстро? Теперь меня начала терзать совесть. Я думал: никогда им этого не прощу. Отец, должно быть, угадал мои мысли. Он шепнул мне на ухо: "Совсем не больно". На его щеке еще виднелся красный след от удара.

- Всем выйти!

К нашему надзирателю присоединилось еще человек десять цыган. Вокруг меня свистели хлысты и дубинки. Ноги несли меня

сами собой. Я старался спрятаться от ударов за чужими спинами. Светило весеннее солнце.

- Построиться по пять!

Заключенные, которых я заметил утром, работали рядом. Никто их не охранял, только тень от трубы... Под влиянием солнечных лучей и своих размышлений я замер, но вдруг почувствовал, что кто-то дергает меня за рукав. Это был отец: "Двигайся, сынок".

Мы шагали дальше. Ворота открывались и вновь закрывались за нами. Мы продолжали идти между заграждениями из колючей проволоки под током. На каждом шагу с белых плакатов на нас смотрели черные черепа. На каждом плакате надпись: "Осторожно! Опасно для жизни!" Просто издевательство: да был ли здесь хоть какой-нибудь уголок, безопасный для жизни?

Цыгане остановились возле одного из бараков. Их сменили окружившие нас эсэсовцы. У них были револьверы, автоматы, служебные собаки.

Мы шли около получаса. Оглянувшись, я заметил, что колючая проволока осталась позади. Мы вышли за пределы лагеря.

Стоял чудесный апрельский день. Воздух был напоен весенними ароматами. Солнце уже клонилось к западу.

Пройдя еще несколько шагов, мы увидели колючку другого лагеря. Железные ворота с надписью наверху: "Труд - это свобода!"

Освенцим.

Первое впечатление: здесь лучше, чем в Биркенау. Двухэтажные бетонные строения вместо деревянных бараков. Кое-где видны маленькие садики. Нас повели к одному из этих зданий, которые назывались блоками. Мы опять ждали, сидя у входа на земле. Время от времени кого-нибудь впускали: там был душ - обязательная формальность при входе во все эти лагеря. Даже если ты переходил из одного лагеря в другой несколько раз в день, все равно нужно было пройти через душевую.

Выйдя из-под горячей струи, мы стояли, дрожа на ночном холоде. Наша одежда осталась в блоке, и нам обещали выдать новую.

Около полуночи нам приказали бежать.

- Быстрее! - кричала охрана. - Чем быстрее будете бежать, тем раньше ляжете.

Через несколько минут безумной гонки мы оказались у дверей нового блока. Там нас ждал староста блока. Это был молодой, улыбавшийся нам поляк. Он обратился к нам, и, несмотря на усталость, мы внимательно слушали:

- Друзья, вы находитесь в концлагере "Освенцим". Впереди у вас - долгий путь страданий. Но не падайте духом. Вы уже избежали самой большой опасности - *селекции*[13]. Что ж, соберитесь с силами и не теряйте надежды. Мы все увидим день освобождения. Верьте в силу жизни, верьте до конца. Гоните прочь отчаяние - и смерть не приблизится к вам. Ад не вечен... А сейчас просьба, точнее, совет. Живите в дружбе. Мы все братья, и у нас общая судьба. Над нашими головами - один и тот же дым. Помогайте друг другу. Это единственный способ выжить. Хватит разговоров, вы устали. Послушайте: вы в блоке номер 17; за порядок здесь отвечаю я; можете обращаться ко мне со всеми жалобами. Все. Идите спать. По двое на койку. Спокойной ночи.

Первые человеческие слова.

Едва взобравшись на койки, мы тотчас же погрузились в тяжелый сон.

На следующее утро "старики" отнеслись к нам без враждебности. Мы сходили умыться. Нам дали новую одежду. Принесли черный кофе.

Около десяти мы освободили блок для уборки. На улице нас пригрело солнце. Настроение заметно улучшилось. Ночной сон явно пошел нам на пользу. Друзья встречались, обменивались впечатлениями. Говорили обо всем, но только не о тех, кто исчез. Все сходились на том, что война близится к концу.

Около полудня нам принесли суп - по миске густой похлебки каждому. Несмотря на мучительный голод, к супу я не притронулся. Я все еще оставался прежним избалованным ребенком. Отец тут же съел мою порцию.

---

[13] *Селекция* - так назывался в лагере отбор, при котором эсэсовские врачи определяли, кто из заключенных трудоспособен. Нетрудоспособных отправляли в газовые камеры.

После обеда мы немного отдохнули в тени блока. Казалось, что эсэсовский офицер, говоривший с нами в том грязном бараке, солгал. Освенцим все же был похож на санаторий.

Потом нас построили. Трое заключенных принесли стол и медицинские инструменты. Каждый из нас должен был подойти к столу с закатанным левым рукавом. Трое "стариков" с помощью иголок накалывали нам номера на левой руке. Я стал А-7713. С тех пор у меня уже не было другого имени.

В сумерках была перекличка. Возвращались рабочие бригады. У ворот оркестр играл военные марши. Десятки тысяч заключенных шли рядами, в то время как офицеры СС их пересчитывали.

После переклички заключенные из всех блоков разошлись в поисках друзей, родственников, соседей, прибывших с последним транспортом.

Проходили дни. Утром - черный кофе, в полдень - суп. (На третий день я готов был съесть с аппетитом любую похлебку.) В шесть часов - перекличка. Мы с нетерпениеим ждали удара колокола, означавшего ее конец. Однажды во время переклички я услышал, что кто-то идет между рядами и спрашивает:

- Кто здесь Визель из Сигета?

Разыскивал нас маленький человечек в очках, с морщинистым старческим лицом. Отец сказал:

- Это я Визель из Сигета.

Человечек долго, сощурившись, оглядывал его.

- Вы меня не узнаете?.. Не узнаете... Я ваш родственник, Штейн. Уже забыли? Штейн! Из Антверпена. Муж Рейзел . Ваша жена - ее тетя... Она нам часто писала... и какие письма!..

Отец его не узнал. Должно быть, он и раньше едва его знал, так как всегда был занят делами общины и гораздо меньше знал о делах домашних. Постоянно погруженный в размышления, отец витал мыслями где-то далеко. (Как-то к нам в Сигет приезжала одна родственница. Она гостила у нас и ела с нами за одним столом уже больше двух недель, когда отец вдруг впервые ее заметил.) Нет, он не мог вспомнить Штейна. А я его прекрасно узнал. Я знал его жену Рейзел еще до того, как она уехала в Бельгию.

Он сказал:

- Меня депортировали в 1942. Я услышал, что пришел транспорт из ваших мест, и пошел вас искать. Я подумал, что вы, может, что-нибудь знаете о Рейзел и о моих мальчиках, которые остались в Антверпене...

Я ничего о них не знал. С 1940 года мама не получила от них ни одного письма.

Но я солгал:

- Да, мама получала вести от ваших. У Рейзел все в порядке, у детей тоже.

Он заплакал от радости. Он хотел побыть с нами еще, чтобы узнать подробности, насладиться добрыми вестями, но подошел эсэсовец, и он был вынужден уйти, крича на ходу, что придет завтра.

Удар колокола известил нас, что можно расходиться. Мы пошли получать ужин -хлеб и маргарин. Я был страшно голоден и уничтожил свою порцию прямо на месте. Отец сказал:

- Не надо есть все сразу. Подумай о завтрашнем дне...

Но, увидев, что его совет запоздал и что от моей порции уже ничего не осталось, он даже не притронулся к своей.

- А я не проголодался, - сказал он.

Мы прожили в Освенциме три недели. Работы у нас не было. Мы много спали - после обеда и ночью.

Мы желали только одного: никуда не двигаться, оставаться здесь как можно дольше. Это оказалось нетрудно: достаточно было никуда не записываться в качестве квалифицированного рабочего. А чернорабочих оставляли на самый конец.

В начале третьей недели старосту нашего блока сняли, сочтя его чересчур гуманным. Новый староста был свирепый, а его помощники - настоящие звери. Счастливые дни миновали. Мы стали подумывать, не лучше ли будет попасть в список на ближайшее перемещение.

Штейн, наш родственник из Антверпена, продолжал нас навещать и время от времени приносил полпайки хлеба:

- На, это тебе Элиэзер.

Всякий раз, когда он приходил, по щекам его катились слезы, застывая и твердея. Он часто говорил отцу:

- Следи за сыном. Он очень слабый, истощенный. Следите за собой, чтобы спастись от *селекции*. Ешьте. Что угодно и когда угодно. Поглощайте все, что возможно. Слабый здесь долго не протянет.

А сам он был такой худой, такой изможденный и слабый...

- Единственное, что еще привязывает меня к жизни, - часто повторял он, - это мысль о том, что Рейзел и мальчики живы. Если бы не это, я бы уже не выдержал.

Однажды он пришел к нам с сияющим лицом:

- Только что прибыл транспорт из Антверпена. Я завтра к ним пойду. У них наверняка будут новости...

Он ушел.

Нам не суждено было снова его увидеть. Он узнал новости. *Настоящие.*

Вечерами, улегшись на койки, мы пытались петь какие-нибудь хасидские мелодии, и Акива Друмер надрывал нам души своим низким и глубоким голосом.

Некоторые говорили о Боге, о Его таинственных путях, о грехах еврейского народа и о будущем Избавлении. А я перестал молиться. Как я понимал Иова! Я не отрицал Его существования, но сомневался в Его абсолютной справедливости.

Акива Друмер говорил:

- Бог нас испытывает. Он хочет проверить, способны ли мы обуздать свои дурные инстинкты, убить в себе Сатану. Мы не вправе отчаиваться. И если Он нас безжалостно наказывает, то это знак того, что Он любит нас еще больше.

А Герш Генуд, сведущий в каббале, рассуждал о конце мира и приходе Мессии.

Лишь иногда посреди этих бесед меня тревожила мысль: "Где сейчас мама?.. а Циппора?.."

- Мама еще молодая, - сказал как-то отец. - Она, должно быть, в трудовом лагере. Да и Циппора ведь уже большая девочка, верно? И она тоже, наверное, в лагере...

Как нам хотелось в это верить! И мы оба притворялись: а вдруг другой верит?

Всех квалифицированных рабочих уже разослали в другие лагеря. Нас, чернорабочих, оставалось всего человек сто.

-Сегодня ваша очередь, - объявил писарь блока. - Вы пойдете под конвоем.

В десять часов нам выдали ежедневную пайку хлеба. Нас окружил десяток эсэсовцев. На воротах надпись: "Труд - это свобода!" Нас пересчитали. И вот мы среди полей, идем по залитой солнцем дороге. В небе несколько легких облачков. Шли медленно. Охрана не спешила. И мы были этому рады. Когда мы проходили через деревню, многочисленные немцы оглядывали нас без удивления. Наверное, они видели уже немало подобных колонн...

По пути нам встретились немецкие девушки. Охранники стали с ними заигрывать. Девушки радостно смеялись. Они позволяли себя обнимать, щекотать и при этом громко хохотали. Все они веселились, любезничали и шутили добрую часть пути. В это время мы были по крайней мере избавлены от окриков и побоев.

Через четыре часа мы прибыли в новый лагень - в Буну. За нами закрылись железные ворота.

Глава IV

Лагерь выглядел, словно после эпидемии - опустевший и мертвый. Только несколько хорошо одетых заключенных прогуливались между блоками.

Разумеется, сначала мы побывали в душе. Там к нам пришел комендант лагеря. Это был сильный, широкоплечий, крепко сбитый мужчина с бычьей шеей, толстыми губами и курчавыми волосами. Он казался добродушным. Время от времени его серовато-голубые глаза улыбались. В нашей колонне было несколько детей десяти-двенадцати лет. Офицер заинтересовался ими и приказал принести им поесть.

После выдачи новой одежды нас разместили в двух палатках. Сначала нужно было подождать распределения по рабочим бригадам, а затем уже нас должны были перевести в блок.

Вечером вернулись рабочие бригады. Перекличка. Мы принялись искать знакомых, спрашивать "стариков", какая бригада

лучше, в какой блок надо стараться попасть. Все заключенные в один голос говорили:

- Буна - прекрасный лагерь. Здесь жить можно. Главное - не попасть в строительную бригаду...

Как будто мы могли выбирать.

Старостой нашей палатки был немец. С лицом убийцы, мясистыми губами, руками, напоминавшими волчьи лапы. Лагерная пища явно шла ему впрок: он так разъелся, что двигался уже не без труда. Как и комендант, он любил детей. Как только мы прибыли, он велел дать им хлеба, супа и маргарина. (На самом деле это была вовсе не бескорыстная забота: как я узнал позже, мальчики составляли здесь среди гомосексуалистов предмет торговли.) Он объявил:

- Вы останетесь у меня на три дня - на карантин. Потом отправитесь на работу. Завтра медосмотр.

Ко мне подошел один из его помощников - мальчик с хитрыми глазами и жесткими чертами лица.

- Хочешь попасть в хорошую бригаду?

- Конечно. Только при одном условии: вместе с отцом...

- Хорошо, - сказал он. - Я могу это устроить. Очень дешево: отдай мне свои ботинки. Я тебе дам другие.

Я отказался. Кроме ботинок, у меня уже ничего не осталось.

- Впридачу я дам тебе еще пайку хлеба с кусочком маргарина...

Ему нравились мои ботинки, но я их не отдал. (Позже их все равно у меня отняли. Но уж тут я ничего не получил взамен.)

Медосмотр под открытым небом в рассветные часы проводили три врача, сидя на скамейке.

Первый из них вообще не стал меня осматривать. Он удовлетворился вопросом:

- Чувствуешь себя хорошо?

Кто решился бы ответить отрицательно?

Зато зубной врач казался более добросовестным: он требовал, чтобы каждый широко открыл рот. На самом же деле он искал не больные, а золотые зубы. Номера тех, у кого во рту было золото, заносились в список. У меня самого была коронка.

Первые три дня миновали быстро. На четвертый день, на рассвете, когда мы стояли перед палаткой, пришли капо. Каждый из них выбирал тех, кого ему хотелось:

- Ты... ты... ты... - говорили они, показывая пальцем, словно выбирали скотину, товар.

Мы пошли за своим капо, молодым парнем. Он остановил нас у входа в первый блок, возле ворот лагеря. В этом блоке располагался оркестр. "Входите", - приказал он. Мы удивились: какое мы имеем отношение к музыке?

Оркестр играл военный марш, все время один и тот же. Десятки бригад уходили на работу, шагая в ногу. Капо командовали в такт: "Левой, правой, левой, правой".

Офицеры СС, с ручками и бумагой в руках, записывали номера выходивших. Оркестр играл все тот же марш, пока не прошла последняя бригада. Тогда дирижер опустил палочку. Оркестр тут же замолчал, а капо крикнул: "Построиться!"

Мы, вместе с музыкантами, построились по пять. Из лагеря вышли без музыки, но все равно шагали в такт: в ушах все еще отдавались звуки марша.

- Левой, правой, левой, правой!

Мы разговорились с музыкантами. Почти все они были евреи. Юлек из Польши - в очках и с циничной усмешкой на бледном лице. Луис - известный скрипач из Голландии.Он жаловался, что ему не дают играть Бетховена: евреи не имели права исполнять немецкую музыку. Ханс - молодой остроумный берлинец. Старшим у них был поляк - бывший варшавский студент Франек.

Юлек объяснил мне:

- Мы работаем на складе электроматериалов, недалеко отсюда. Работа совсем не трудная и не опасная. Но у нашего капо Идека иногда случаются припадки бешенства, и тогда лучше не попадаться ему на глаза.

- Тебе повезло, паренек, - сказал с улыбкой Ханс. - Ты попал в хорошую бригаду.

Через десять минут мы уже стояли перед складом. Навстречу нам вышел немецкий служащий в штатском, Meister*. Он обратил на нас не больше внимания, чем торговец на полученную партию старья.

---

*Мастер (нем.).

Наши товарищи оказались правы: работа была нетрудной. Мы должны были, сидя на полу, считать болты, лампы и мелкие электрические детали. Капо долго и подробно говорил о важности этой работы и предупредил, что всем бездельникам придется иметь дело с ним. Новые друзья успокоили меня:

- Ничего, не бойся. Он вынужден это говорить из-за *мастера.*

Там было много поляков в штатском, а также несколько француженок. Они взглядом поздоровались с музыкантами.

Франек, их старший, посадил меня в угол:

- Не надрывайся, не торопись. Но смотри, чтобы какой-нибудь эсэсовец не застал тебя врасплох.

- А можно... Я хотел бы быть рядом с отцом.

- Ладно. Отец будет работать здесь же, рядом с тобой.

Нам повезло.

К нашей группе присоединили двух мальчиков - братьев Йосси и Тиби из Чехословакии. Их родителей уничтожили в Биркенау. Братья были бесконечно преданы друг другу.

Мы очень быстро подружились. Они когда-то состояли в молодежной сионистской организации и потому знали множество еврейских песен. Нам удавалось потихоньку напевать мелодии, вызывавшие в воображении спокойные воды Иордана и величественную святость Иерусалима. Еще мы часто говорили о Палестине. Их родителям, как и моим, тоже не хватило решимости все бросить и эмигрировать, пока еще было время. Мы решили, что, если нам повезет дожить до освобождения, мы больше не останемся в Европе ни одного дня. Мы отправимся в Хайфу с первым же пароходом.

Все еще погруженный в каббалистические мечты, Акива Друмер обнаружил в Библии стих, числовое значение букв которого позволило Акиве предсказать, что избавление наступит в ближайшие недели.

Из палаток мы перешли в блок к музыкантам. Нам полагалось одеяло, котелок и кусок мыла. Старостой блока был немецкий еврей.

Нам повезло, что старшим был еврей. Его звали Альфонс. Это был молодой человек с не по возрасту старым лицом, всей душой преданный своему блоку. Всякий раз, когда была возможность, он

добывал котелок супа для юных, для слабых, для тех, кто больше мечтал о дополнительном пайке, чем об освобождении.

Однажды, когда мы возвращались со склада, меня вызвал писарь блока:

- А-7713?

- Я.

- После еды пойдешь к зубному.

- Но... у меня не болят зубы...

- После еды. Обязательно.

Я пошел в больничный блок. Перед дверью стояли в очереди человек двадцать. Мы быстро сообразили, зачем нас вызвали: чтобы удалить золотые зубы.

Лицо дантиста - еврея из Чехословакии - напоминало посмертную маску. Когда он открывал рот, были видны его отвратительные зубы, желтые и гнилые. Сидя в кресле, я робко спросил:

- А что вы собираетесь делать, сударь?

- Сниму твою золотую коронку, вот и все, - ответил он равнодушно.

Мне пришло в голову прикинуться больным.

- А нельзя подождать несколько дней, сударь? Я себя неважно чувствую. У меня температура...

Он наморщил лоб, секунду подумал и пощупал мой пульс.

- Ладно, мальчик. Приходи, когда почувствуешь себя лучше. Но не дожидайся, чтобы я тебя вызывал!

Я снова пришел к нему через неделю с той же просьбой: я все еще не выздоровел. Он не выразил удивления, и я не знаю, поверил ли он мне. Вероятно, ему понравилось, что я пришел сам, как и обещал. Он опять дал мне отсрочку.

Через несколько дней после моего посещения кабинет закрыли, а самого врача отправили в лагерную тюрьму. Его должны были повесить. Выяснилось, что он сам торговал золотыми зубами заключенных. Мне было его ничуть не жалко. Я даже очень обрадовался случившемуся: ведь я спас свою золотую коронку. А она могла мне еще пригодиться, например, чтобы купить что-нибудь - хлеб или жизнь. Я больше не интересовался ничем, кроме ежедневной порции супа и куска черствого хлеба. Хлеб, суп - вот что составляло всю мою жизнь. Я был только телом. Может, даже

меньше того - голодным желудком. Лишь желудок чувствовал, ка проходит время.

На складе я часто работал рядом с одной молодой француженкой. Мы с ней не разговаривали: она не знала немецкого, а я - французского.

Мне казалось, что она еврейка, хотя здесь ее относили к "арийцам". Она была депортирована на принудительные работы.

Однажды я попался под руку Идеку, когда у него был припадок бешенства. Он кинулся на меня, как разъяренный зверь, и стал бить в грудь и по голове, швыряя меня на пол и снова поднимая, причем его удары становились все сильнее до тех пор, пока я не оказался весь в крови. Чтобы не кричать от боли, я кусал губы, а он, наверное, принимал мое молчание за презрение к себе и продолжал бить еще сильнее.

Внезапно он успокоился. Как ни в чем ни бывало, он отослал меня на место. Словно мы с ним играли в общую игру, где у нас были равнозначные роли.

Я потащился в свой угол. Все болело. Я почувствовал, как чья-то прохладная рука вытирает мой окровавленный лоб. Это была француженка. Она грустно улыбалась и совала мне в руку кусок хлеба. Она смотрела мне прямо в глаза. Я почувствовал, что она хочет заговорить, но ее сковывает страх. Это продолжалось несколько долгих секунд, а потом лицо ее прояснилось, и она сказала по-немецки почти без ошибок:

- Закуси губы, братишка... Не плачь. Побереги гнев и ненависть на другое время, на будущее. Придет день, но не сейчас... Подожди, стисни зубы и жди...

Много лет спустя в Париже я ехал в метро, читая газету. Напротив меня сидела очень красивая дама, брюнетка с задумчивыми глазами. Где-то я уже раньше видел эти глаза. Это была она.

- Вы не узнаете меня, сударыня?

- Не узнаю, сударь.

- В 1944 году вы были в Германии, в Буне, верно?

- Ну да...

- Вы работали на складе электроматериалов...

- Да, - сказала она несколько встревоженно. И, помолчав секунду, произнесла: - Ну-ка, подождите... Я вспомнила...

- Капо Идек... еврейский мальчик... ваши ласковые слова...

Мы вместе вышли из метро и сели на террасе какого-то кафе. Мы провели в воспоминаниях целый вечер. Прежде чем попрощаться с ней, я спросил:

- Можно задать вам один вопрос?

- Я знаю какой. Задайте.

- Какой?

- Еврейка ли я?.. Да, еврейка. Из религиозной семьи. Во время оккупации мне удалось достать фальшивые документы, удостоверяющие мое "арийское" происхождение. А потом в числе других "арийцев" меня отправили на принудительные работы в Германию, но концлагеря я избежала. На складе никто не знал, что я говорю по-немецки: это могло бы вызвать подозрения. Те несколько слов, которые я вам сказала, были с моей стороны неосторожностью, но я знала, что вы меня не выдадите...

В другой раз нам пришлось грузить в вагоны дизельные моторы под надзором немецких солдат. У Идека нервы были напряжены до предела. Он сдерживался с большим трудом. Внезапно его бешенство прорвалось. Жертвой стал мой отец.

- Старый бездельник! - заорал он. - По-твоему, это называется работать?

И он принялся бить отца железным прутом. Сначала отец корчился под ударами, затем согнулся вдвое, как сухое дерево от удара молнии, а потом рухнул на землю.

Я неподвижно наблюдал всю эту сцену. Я молчал. Я был больше озабочен тем, как бы мне самому избежать побоев. Более того, если я и злился в этот момент, то не на капо, а на отца. Я сердился на него за то, что он не сумел скрыться от разъярившегося Идека. Вот что сделала со мной жизнь в концлагере...

Франек, наш бригадир, однажды заметил у меня во рту золотую коронку:

- Отдай мне коронку, паренек.

Я ответил, что это невозможно, так как без коронки я не смогу есть.

- Неужто тебе так много дают?

Я придумал другой предлог: во время медосмотра мою коронку записали, поэтому у нас обоих могут быть неприятности.

- Если ты не отдашь мне коронку, тебе придется еще хуже!

Этот приятный и умный юноша внезапно переменился. В его глазах появился алчный блеск. Я сказал, что должен посоветоваться с отцом.

- Поговори с отцом, паренек. Но завтра ты должен мне ответить.

Когда я рассказал об этом отцу, он побледнел, долго молчал, а потом сказал:

- Нет, сынок, это невозможно.

- Он отомстит нам!

- Не посмеет, сынок!

Увы, Франек знал, как взяться за дело: ему было известно мое слабое место. Отец никогда не служил в армии и не умел ходить в ногу. Это давало Франеку возможность мучить отца и каждый день жестоко его бить. Левой, правой: - удар кулаком! Левой, правой: - пощечина!

Я решил сам давать отцу уроки - учить его менять ногу, соблюдать ритм. Мы начали упражняться перед блоком. Я командовал: "Левой, правой!", а отец тренировался. Другие заключенные стали над нами смеяться:

- Поглядите, как это маленький офицер учит старика маршировать... Эй, генерал, сколько паек тебе платит старик?

Однако отец не достиг больших успехов, и удары сыпались на него по-прежнему.

- Ну что, ты все еще не научился ходить в ногу, старый бездельник?

Это продолжалось в течение двух недель. Больше терпеть мы не могли. Нужно было сдаваться. В тот день Франек разразился диким смехом:

- Я знал, я отлично знал, паренек, что возьму верх. Лучше поздно, чем никогда. Но, поскольку ты заставил меня ждать, тебе придется заплатить за это хлебную пайку. Пайка - для моего приятеля, знаменитого варшавского дантиста. За то, что он снимет твою коронку.

Как? Отдать *тебе* пайку за то, что ты возьмешь себе *мою* коронку?

- А ты что хочешь - чтобы я выбил тебе зуб кулаком?

В тот же вечер варшавский дантист сорвал мою коронку с помощью ржавой ложки.

Франек опять подобрел. Иногда он даже давал мне добавку супа. Но это продолжалось недолго. Через две недели всех поляков перевели в другой лагерь. Я лишился коронки понапрасну.

За несколько дней до перевода поляков мне пришлось пережить еще одно испытание.

Было воскресное утро. Наша бригада не должна была идти на работу. Но тем не менее Идек и слышать не хотел о том, чтобы мы остались в лагере. Нам необходимо было идти на склад. Эта внезапная тяга к труду нас изумила. На складе Идек поручил нас Франеку, сказав:

- Делайте, что хотите. Но только что-нибудь делайте... А то узнаете у меня...

И он скрылся.

Мы не знали, чем заняться. Устав сидеть скрючившись, мы все по очереди стали прохаживаться по складу в поисках куска хлеба, который, может быть, оставил кто-нибудь из вольных.

Зайдя в глубь здания, я услышал какой-то шум в одной из смежных комнатушек. Я подошел ближе и увидел, что на матрасе, полуобнаженные, лежат Идек и одна молодая полька. Тут я понял, почему Идек отказывался оставить нас в лагере. Гонять сотню заключенных ради того, чтобы самому заниматься любовью! Это показалось мне настолько комичным, что я расхохотался.

Идек вскочил, обернулся и увидел меня, а девица в это время попыталась прикрыть грудь. Я хотел убежать, но ноги будто прилипли к полу. Идек схватил меня за горло. Он глухо произнес:

- Подожди-ка, милый... Ты скоро узнаешь, что значит бросать работу... Ты еще за это поплатишься, мой хороший... А сейчас возвращайся на свое место...

За полчаса до обычного окончания рабочего дня капо собрал всю бригаду. Перекличка. Никто не понимал, что происходит. Что за перекличка в такое время? И почему здесь? Я-то знал, в чем дело. Капо произнес краткую речь:

- Обычный заключенный не имеет права вмешиваться в чужие дела. Похоже, что один из вас до сих пор этого не усвоил. Поэтому мне придется объяснить это доходчиво, раз и навсегда.

Я почувствовал, что обливаюсь потом.

- А-7713!

Я вышел вперед.

- Ко́злы! - потребовал он.

Принесли козлы.

- Ложись! На живот!

Я повиновался.

Потом я уже не ощущал ничего, кроме ударов хлыста.

- Один!.. два!.. - считал он

Он делал паузу после каждого удара. По-настоящему больно было только после первых ударов. Я слышал, как он считает:

- Десять!.. одиннадцать!..

Его спокойный голос доносился до меня словно через толстую стену.

- Двадцать три...

"Еще два", - подумал я в полусознании. Капо ждал.

-Двадцать четыре... двадцать пять!

Конец. Но я этого не заметил, так как потерял сознание. Я почувствовал, что прихожу в себя, когда на меня вылили ведро холодной воды. Я все еще лежал на козлах. Я видел - да и то смутно - лишь мокрый пол. Потом я услышал чей-то крик. Наверное, это был капо. Я начал разбирать, что он кричит:

- Встать!

Должно быть, я попытался встать, потому что почувствовал, что вновь падаю на козлы. Как мне хотелось подняться!

- Встать! - орал он еще громче.

"Если бы я хоть мог ему ответить, - думал я, - если бы мог сказать ему, что не в состоянии пошевелиться..." Но губы не слушались меня.

По приказу Идека двое заключенных подняли меня и подвели к нему.

- Посмотри мне в глаза!

Я смотрел на него, но не видел. Я думал об отце. Должно быть, он мучился сильнее, чем я.

- Слушай меня, свиное отродье! - сказал Идек холодно. - Это тебе за любопытство. Ты получишь в пять раз больше, если посмеешь рассказать кому-нибудь о том, что видел. Понятно?

Я утвердительно кивнул - раз, другой, я кивал без конца. Моя голова словно бы решила вечно и беспрерывно кивать в знак согласия.

Это произошло в один из воскресных дней, когда половина наших - в том числе и отец - была на работе, а остальные - и я среди них - оставались в блоке, пользуясь возможностью подольше поспать.

Около десяти часов завыли воздушные сирены. Тревога. Старосты блоков спешно загнали нас внутрь, в то время как эсэсовцы прятались в бомбоубежища. Поскольку во время тревоги было довольно легко убежать (охрана покидала вышки, а в проволочных заграждениях отключали ток), эсэсовцам было приказано стрелять в любого, кто окажется вне блока.

Через несколько секунд лагерь напоминал брошенное судно. На дорожках не было ни души. Около кухни остались два котла, до середины наполненные горячим, дымящимся супом. Два котла с супом! Прямо посреди дорожки, и без всякой охраны! Пропадало царское угощение - высший соблазн! Сотни глаз смотрели на котлы с жадным блеском. Два ягненка, за которыми зорко следили сотни волков. Два ягненка без пастухов, дар неба. Но кто осмелится?

Страх был сильнее голода. Вдруг мы увидели, как едва заметно открывается дверь 37-го блока. Показался человек, который, как червяк, пополз в сторону котлов.

Сотни глаз следили за его передвижением. Сотни людей мысленно ползли вместе с ним, обдирая о гравий кожу. Все сердца учащенно бились, но больше всего - от зависти. Это он осмелился, он.

Он коснулся первого котла; сердца заколотились еще сильнее: удалось! Нас снедала зависть, жгла, как огонь. Он ни на миг не вызвал у нас восхищения. Этого несчастного героя, который шел на самоубийство ради порции супа, мы мысленно убивали.

Лежа около котла, он в это время пытался приподняться и дотянуться до его края. То ли от слабости, то ли от страха он все еще лежал на земле, несомненно, собираясь с последними силами. Наконец ему удалось дотянуться до края котла. Мгновение он, казалось, смотрел внутрь, разглядывая свое отражение - лик призрака - на поверхности супа. Потом, без всякой видимой причины,

издал дикий крик - хриплый вопль, подобного которому я никогда прежде не слыхал, - и с открытым ртом рванулся головой в еще дымившийся суп. Мы вздрогнули от звука разрыва. Человек, с испачканным в супе лицом, снова упал на землю, подергался еще несколько секунд и замер.

И тогда мы услышали рев самолетов. Почти тотчас же задрожали бараки.

- Буну бомбят! - крикнул кто-то.

Я подумал об отце. Но все равно я радовался. Видеть, как пламя пожирает завод, - это ли не месть! Мы слышали много разговоров о поражениях германской армии на разных фронтах, но не знали, можно ли этому верить. В тот день это стало для нас реальностью.

Никто из нас не боялся. А ведь если бы бомба упала на блоки, сразу же погибли бы сотни людей. Но мы больше не боялись смерти, по крайней мере этой смерти. Каждый взрыв бомбы наполнял нас радостью, возвращал нам веру в жизнь.

Бомбежка длилась больше часа. Ах, как нам хотелось, чтобы она продолжалась в сто раз дольше... Потом снова наступила тишина. Когда ветер унес звук последнего американского самолета, мы опять оказались на своем погосте. На горизонте поднимался высокий столб черного дыма. Снова взвыли сирены. Конец тревоги.

Все вышли из блоков. Мы полной грудью вдыхали воздух, насыщенный огнем и дымом, и в глазах светилась надежда. Одна бомба упала, не разорвавшись, в центре лагеря рядом со сборным плацем. Нам пришлось выносить ее за пределы лагеря.

Комендант в сопровождении своего заместителя и старшего капо осмотрел лагерь, пройдя по всем дорожкам. Налет оставил на его лице следы сильного страха.

Прямо посреди лагеря лежало распростертое тело человека с испачканным в супе лицом: он был единственной жертвой. Котлы унесли на кухню.

Эсэсовцы вернулись на вышки к своим пулеметам. Антракт окончился.

Через час мы увидели, что возвращаются бригады, как обычно маршируя в ногу. Я обрадовался, заметив отца.

- Много зданий полностью разрушено, - сказал он. - Но склад не пострадал...

Днем мы весело отправились разбирать развалины.

Через неделю, возвратившись с работы, мы заметили в центре лагеря, на сборном плацу, черную виселицу.

Нам сказали, что суп раздадут только после переклички. Она продолжалась дольше обычного. Команды звучали резче, чем всегда, и в воздухе носились непривычные отзвуки.

- Снять шапки! - внезапно прокричал комендат лагеря.

Десять тысяч шапок были мгновенно сняты.

- Надеть шапки!

Десять тысяч шапок с быстротой молнии вновь покрыли головы.

Открылись лагерные ворота. Вошло подразделение СС и окружило нас: через каждые три шага стоял эсэсовец. Дула пулеметов на вышках были направлены на плац.

- Боятся беспорядков, - шепнул Юлек.

Двое эсэсовцев направились к тюремному бункеру. Затем они вернулись, ведя приговоренного. Это был юноша из Варшавы. Он уже отбыл в концлагере три года. Сильный, хорошо сложенный парень, великан в сравнении со мной.

Стоя спиной к виселице и лицом к своему судье - коменданту лагеря - бледный, он казался скорее взволнованным, нежели испуганным. Его связанные руки нисколько не дрожали. Он холодно смотрел на сотни эсэсовцев, на тысячи заключенных вокруг.

Комендант начал читать приговор, отчеканивая каждое предложение:

- Именем Гиммлера... заключенный номер... украл во время тревоги... Согласно закону... параграф... заключенный номер... приговорен к смертной казни. Пусть это послужит предостережением и уроком для всех заключенных.

Никто не шелохнулся.

Я слышал, как стучит мое сердце. Тысячи людей, ежедневно погибавшие в Освенциме и Биркенау в печах крематориев, уже меня не тревожили. Но этот юноша, прислонившийся к собственной виселице, глубоко меня взволновал.

- Скоро вся эта церемония кончится? Есть хочется... - прошептал Юлек.

По знаку коменданта к приговоренному подошел старший капо. Ему помогали двое заключенных. За две миски супа.

Капо хотел завязать юноше глаза, но тот отказался.

Помедлив, палач накинул ему на шею веревку. Он уже собирался дать своим помощникам знак убрать скамью из-под ног приговоренного, когда тот вдруг прокричал сильным и спокойным голосом:

- Да здравствует свобода! Будь проклята Германия! Проклята! Про...

Палачи окончили свою работу.

- Снять шапки!

Десять тысяч заключенных отдали последний долг казненному.

- Надеть шапки!

Затем все заключенные, блок за блоком, должны были пройти мимо повешенного, глядя в его потухшие глаза и на вывалившийся язык. Капо и старосты блоков заставляли каждого прямо смотреть ему в лицо.

После этого нам разрешили разойтись по блокам и поесть.

Помню, что в тот вечер суп показался мне необыкновенно вкусным.

Я не раз видел, как вешают заключенных. И никогда никто из приговоренных не плакал. Их иссохшие тела уже давно позабыли горький вкус слез.

Кроме одного случая. Капо 52-й кабельной бригады был высоченный голландец, ростом больше двух метров. Под его началом работало семьсот человек, которые любили его, как брата. Он ни разу никого не ударил, не оскорбил. При нем состоял мальчик, *пипель*[14/], как их здесь звали. У него было тонкое и прекрасное лицо, совершенно немыслимое в этом лагере.

(В Буне *пипелей* ненавидели: часто они оказывались более жестокими, чем взрослые. Я видел однажды, как подросток лет тринадцати бил своего отца за то, что тот недостаточно хорошо

14/ ***Пипель*** - мальчик, состоявший при капо или старосте блока для личного обслуживания и потому освобождавшийся от другой работы.)

заправил койку. Старик тихо плакал, а мальчик орал: "Если ты сейчас же не прекратишь, я больше не принесу тебе хлеба. Понял?" Но маленького помощника голландца все обожали. У него было лицо печального ангела.)

Однажды произошел взрыв на главной электростанции Буны. Вызванные туда гестаповцы заключили, что это была диверсия. Они обнаружили след. Он привел в блок голландца. А там во время обыска нашли значительное количество оружия.

Капо был арестован на месте. Его пытали в течение нескольких дней, но все было напрасно. Он не назвал ни единого имени. Его перевели в Освенцим, и больше мы о нем не слыхали.

Но его *пипель* оставался в нашем лагере, в бункере, его тоже пытали, но он точно так же молчал. Тогда эсэсовцы приговорили его к смертной казни, а с ним еще двух заключенных, у которых было найдено оружие.

Как-то, вернувшись с работы, мы увидели на сборном плацу трех черных воронов - три виселицы. Перекличка. Нас окружили эсэсовцы, пулеметы охраны были направлены на нас - обычная церемония. Трое приговоренных со связанными руками, и среди них - мальчик, ангел с печальными глазами.

Эсэсовцы казались озабоченными и настороженными больше обычного. Повесить подростка на глазах у тысяч зрителей было делом непростым. Комендант лагеря прочел приговор. Все взгляды были прикованы к ребенку. Он стоял, мертвенно бледный, почти спокойный, кусая губы. На него падала тень виселицы.

На сей раз старший капо отказался быть палачом. Его заменили трое эсэсовцев.

Трое приговоренных вместе встали на табуреты. На три шеи одновременно накинули петли.

- Да здравствует свобода! - крикнули двое взрослых.

А мальчик молчал.

- Где же Бог, где Он? - спросил кто-то позади меня.

По знаку коменданта опрокинулись три табурета.

Во всем лагере наступила полная тишина. На горизонте садилось солнце.

- Снять шапки! - крикнул комендант охрипшим голосом.

А мы плакали.

- Надеть шапки!

Потом мы опять шли мимо повешенных. Оба взрослые уже были мертвы. Их раздувшиеся синие языки вывалились наружу. Но третья веревка еще дергалась: мальчик, слишком легкий, был еще жив...

Больше получаса продолжалась на наших глазах его агония, борьба жизни со смертью. И нас заставляли смотреть ему в лицо. Он был еще жив, когда я проходил мимо. Язык оставался красным, глаза не потухли.

Я услышал, как позади меня тот же человек спросил:

- Да где же Бог?

И голос внутри меня ответил:

- Где Он? Да вот же Он - Его повесили на этой виселице...

В тот вечер у супа был трупный привкус.

Глава V

Лето шло к концу. Завершался еврейский год.

Накануне праздника *Рош га-Шана*, в последний день этого проклятого года, весь лагерь казался наэлектризованным от волнения, наполнявшего наши сердца. Ведь все-таки это был особенный день. Последний день года. Слово "последний" звучало теперь по-новому. А вдруг он вправду будет последним?

Нам раздали вечернюю еду - довольно густой суп, но никто не притрагивался к нему. Все ждали общей молитвы. На сборном плацу, окруженные колючей проволокой под током, молча стояли тысячи евреев с изможденными лицами.

Темнело. Из блоков приходили все новые заключенные, которые неожиданно оказались в силах преодолеть время и пространство, подчинить их своей воле. "Кто Ты, Господи, - думал я со злостью, - в сравнении с этой измученной толпой, пришедшей сюда, чтобы выразить Тебе свою веру, свой гнев, свой протест? Что значит Твое величие, Царь Вселенной, перед лицом всех этих измученных, изможденных, тронутых тленом людей? Зачем Ты опять тревожишь их изнуренные души, их искалеченные тела?"

Десять тысяч заключенных собрались на торжественную службу - старосты блоков, капо, служители смерти.

- Благословите Вечного...

Голос раввина был едва слышен. Сначала мне показалось, что это ветер.

- Благословенно Имя Вечного!

Тысячи голосов повторяли благословение, склоняясь, как деревья во время бури.

Благословенно Имя Вечного!

За что, да за что же мне Его благословлять? Все во мне протестовало. За то, что Он сжег во рвах тысячи детей? За то, что Он заставил работать шесть крематориев, днем и ночью, в праздники и в Субботу? За то, что Он, Всемогущий, создал Освенцим, Биркенау, Буну и еще множество фабрик смерти? Неужели сказать Ему: "Благословен Ты, Вечный, Царь Вселенной, избравший нас из всех народов для пыток днем и ночью, чтобы глядеть, как наши отцы, матери и братья гибнут в крематории? Да святится Имя Того, Кто избрал нас, чтобы зарезать на Своем алтаре"?

Я слышал, как властный - и в то же время надломленный - голос раввина взлетел над плачущей, рыдающей, всхлипывающей толпой:

- Вся земля и вся Вселенная принадлежат Богу!

Он все время останавливался, словно был не в состоянии вновь найти в этих словах их прежний смысл. Мелодия замирала у него в горле.

А я - некогда мистик - думал: "Да, человек сильнее, великодушнее Бога. Когда Тебя обманули Адам и Ева, Ты изгнал их из рая. Когда Тебе не угодило поколение Ноя, ты обрушил на Землю Потоп. Когда Содом лишился Твоей милости, Ты заставил небо пролиться на него огнем и серой. А что делают эти люди, которых Ты обманул и позволил мучить, убивать, травить газом и сжигать дотла? Они молятся Тебе! Они славят Твое Имя!"

- Все творение свидетельствует о величии Бога!

Когда-то Новый Год был самым главным днем в моей жизни. Я знал, что мои грехи огорчают Вечного. Я молил Его простить меня. Когда-то я твердо верил. что Он простит меня. Когда-то я был уверен в том, что от одного моего поступка, от одной молитвы зависит спасение мира.

В тот день я уже ни о чем не молил. Я больше не мог жаловаться. Напротив, я чувствовал себя очень сильным. Я был обвинителем,

а Бог - обвиняемым. Мои глаза открылись, и я оказался одинок, чудовищно одинок в мире - без Бога и без человека. Без любви и милосердия. Я был всего лишь пеплом, но чувствовал себя сильнее, чем этот Всемогущий, к которому моя жизнь была привязана так давно. Я стоял посреди этого собрания молящихся, наблюдая за ними, как посторонний.

Служба закончилась *Каддишем*. Все читали *Каддиш* по своим родителям, по детям, по самим себе.

Мы еще задержались на плацу. Никто не решался расстаться с миражом. Но пришло время ложиться спать, и заключенные медленно разбрелись по блокам. Я слышал, как люди желали друг другу счастливого нового года!

Я побежал к отцу. Но в то же время я со страхом думал о том, что должен пожелать ему в новом году счастья, в которое сам не верил.

Он стоял около блока, прислонившись к стене, сгорбленный, с опущенными, словно под тяжким бременем, плечами. Я подошел к нему, взял его руку и поцеловал ее. На нее упала слеза. Чья она была? Моя? Его? Я ничего не сказал. Он тоже. Никогда прежде мы с ним не понимали друг друга так хорошо.

Удар колокола вернул нас к действительности: пора ложиться. Это было возвращение издалека. Я поднял голову, чтобы взглянуть на склонившегося надо мной отца, в надежде уловить улыбку или хотя бы ее подобие на его высохшем и постаревшем лице. Я не увидел ничего. Никакого выражения. Он был сломлен.

Йом Киппур. Судный день [15/]. Следует ли нам поститься? Все бурно обсуждали этот вопрос. Пост мог облегчить и ускорить приход смерти. Мы и без того все время здесь постились. Каждый день. У нас тут ежедневно был Судный день. Но некоторые говорили, что поститься следует именно потому, что это опасно. Надо показать Богу, что даже в этом кромешном аду мы способны Его славить.

[15/] *Йом Киппур (Судный день)* - один из важнейших еврейских праздников, день поста, покаяния и отпущения грехов. С первого дня *Рош га-Шана* до *Йом Киппура* проходят т.н. 10 дней покаяния.

Я не постился. Прежде всего, чтобы сделать приятное отцу, который мне это запретил. А кроме того, это потеряло для меня всякий смысл. Я больше не принимал молчания Бога. Съесть миску супа - значило для меня выразить Ему свое возмущение и протест.

И я грыз свой хлеб.

Я чувствовал, что моя душа опустошена.

Эсэсовцы преподнесли нам хороший новогодний подарок.

Мы возвращались с работы. Едва миновав лагерные ворота, мы ощутили в воздухе что-то необычное. Перекличка закончилась быстрее, чем всегда. Вечерний суп раздавался очень торопливо, и мы тут же, в тревоге, его проглотили.

Теперь мы с отцом жили в разных блоках. Меня перевели в другую - строительную - бригаду, где я должен был работать по двенадцать часов в день, таская тяжелые каменные плиты. Старостой моего нового блока был немецкий еврей, невысокий человек с проницательным взглядом. Он объявил нам, что в этот вечер после еды запрещается выходить из блока. И тут же разнеслось страшное слово - *селекция.*

Мы знали, что это означает. Нас будет осматривать эсэсовец. Стоит ему заметить слабого - *доходягу*, как мы говорили, - и тут же запишет его номер: годен для крематория.

После супа мы собрались в проходе между койками. "Старики" говорили:

- Повезло вам, что вы сюда попали так поздно. Сейчас это рай по сравнению с тем, что здесь было два года назад. Тогда Буна была просто адом. Не хватало воды, не было одеял. Супа и хлеба давали меньше. Ночью мы спали почти голые, а было ниже тридцати. Трупы ежедневно собирали сотнями. Работа была страшно тяжелой. А сейчас здесь прямо благодать. Тогда у капо был приказ убивать ежедневно определенное число заключенных. И каждую неделю бывала *селекция.* Беспощадная *селекция...* Да, вам повезло.

- Хватит! Замолчите! - умолял я. - Оставьте свои истории на завтра, на другое время.

Они хохотали. На то они и были "старики".

- Боишься? И мы боялись. Тогда было чего бояться.

Пожилые заключенные оставались в своих углах - молчаливые, неподвижные, затравленные. Некоторые молились.

Надо ждать еще час. Через час мы узнаем приговор: смерть или отсрочка.

А как же отец? Я только тут о нем вспомнил. Чем кончится *селекция* для него? Он очень постарел...

Наш староста не выходил из лагерей с 1933 года. Он прошел уже через все бойни, через все фабрики смерти. Около девяти он встал посреди блока:

- Achtung!*

Мгновенно все замерло.

- Внимательно выслушайте то, что я вам сейчас скажу. (Я впервые услышал, как дрогнул его голос.) Через несколько секунд начнется *селекция*. Вы должны будете раздеться. Потом пройдете друг за другом перед эсэсовскими врачами. Я надеюсь, что для всех вас это окончится благополучно. Но вы сами должны помочь успеху. Прежде чем войти в соседнюю комнату, немного разомнитесь, чтобы хоть чуть-чуть порозовело лицо. Не идите медленно, бегите! Бегите так, будто за вами гонится сам черт! Не смотрите на эсэсовцев. Бегите прямо вперед.

Он замолчал на секунду и потом добавил:

- А главное - не бойтесь!

Вот этому совету нам бы очень хотелось последовать - если бы удалось.

Я разделся, оставив вещи на койке. В этот вечер можно было не опасаться, что их украдут.

Тиби и Йосси, которые одновременно со мной сменили бригаду, подошли ко мне:

- Давай держаться вместе. Так мы будем сильнее.

Йосси бормотал что-то сквозь зубы. Должно быть, молился. Я раньше не знал, что он верующий. Я даже был уверен в обратном. А Тиби, очень бледный, молчал. Все заключенные нашего блока стояли голые между койками. Именно так, наверное, и стоят в день Страшного суда.

- Идут!..

---

*Внимание! (нем.)

Три офицера СС окружали знаменитого доктора Менгеле, того самого, который принимал нас в Биркенау. Староста блока, силясь улыбнуться, спросил нас:

- Готовы?

Да, мы были готовы. Эсэсовские врачи тоже. Доктор Менгеле держал список с нашими номерами. Он дал знак старосте: "Можно начинать!" Как будто это была игра.

Сначала должна была пройти "элита" блока: Stubenalteste*, капо, бригадиры, - естественно, все они были в хорошей форме. Потом пришел черед рядовых заключенных. Доктор Менгеле оглядывал всех с головы до ног, время от времени записывая какой-нибудь номер. У меня была только одна мысль: не дать записать свой номер, не показать ему левую руку.

Передо мной оставались только Тиби и Йосси. Они прошли благополучно. Я успел заметить, что Менгеле не записал их номера. Кто-то толкал меня. Моя очередь. Я кинулся бежать, не глядя по сторонам. А в голове навязчиво звучало: ты слишком тощий, слишком слабый, слишком тощий, ты годишся только для крематория... Мне казалось, что я бегу бесконечно долго, уже много лет... Ты слишком тощий, слишком слабый... Наконец, совершенно обессиленный, я добежал. Переводя дух, я спросил Тиби и Йосси:

- Меня записали?

- Нет, - сказал Йосси. И добавил с улыбкой: - Это было бы в любом случае невозможно: ты бежал слишком быстро...

Я рассмеялся. Я был счастлив. Я готов был всех расцеловать. В эту минуту другие меня не интересовали! Меня не записали!

Те, чьи номера отметили, держались в стороне, всеми покинутые. Некоторые из них молча плакали.

Офицеры ушли. Появился староста блока, его лицо выражало нашу общую усталость:

- Все прошло хорошо. Не тревожьтесь. Никому ничего не угрожает. Никому...

Он снова попытался улыбнуться. Несчастный, изможденный и высохший еврей взволнованно спросил его дрожащим голосом:

---

*Староста комнаты (нем.)

- Но... но... меня же записали!

Староста блока дал волю негодованию: что, кто-то осмелился ему не поверить?!

- Это еще что? Значит, я вру? Говорю вам раз и навсегда: вам ничего не угрожает! Никому! Просто вам нравится упиваться своим отчаянием, идиоты!

Ударил колокол, возвещая, что *селекция* окончилась во всем лагере.

Я со всех ног бросился к 36-му блоку, но по дороге встретил отца. Он шел ко мне.

- Ну что? Ты проскочил?

- Да. А ты?

- Я тоже.

Теперь мы оба вздохнули с облегчением. У отца был для меня подарок - полпайки хлеба, которую он выменял на кусок найденной на складе резины, годной на изготовление подметки.

Колокол. Пора было расходиться, идти спать. Здесь все делалось по сигналу колокола. Он подавал мне команды, и я автоматически их выполнял. Я его ненавидел. Когда мне случалось мечтать о лучшей жизни, я мог вообразить себе только одно: мир без колокола.

Прошло несколько дней. Мы больше не думали о *селекции*. Как обычно, ходили на работу и грузили в вагоны тяжелые каменные глыбы. Изменилось только то, что хлеба стали давать меньше. В тот день мы, как всегда, встали до рассвета. Нам раздали черный кофе и хлеб. Мы собирались, как обычно, отправиться на стройку. Прибежал староста блока:

- Помолчите минутку. У меня тут список номеров. Я их вам прочту. Те, кого я назову, сегодня не пойдут на работу. Они останутся в лагере.

И он тихо назвал десяток номеров. Мы поняли: это были результаты *селекции*. Доктор Менгеле не забыл.

Староста направился в свою комнату. Но его окружил десяток заключенных, цеплявшихся за его одежду:

- Спасите нас! Вы же обещали... Мы хотим идти на стройку. Мы в силах работать. Мы хорошие работники. Мы можем... Мы хотим...

Он пытался их успокоить, разубедить, объяснить: то, что они остаются в лагере, ничего не значит, не предвещает ничего страшного.

- Я ведь каждый день тут остаюсь...

Это было не слишком убедительно. Он понял это, больше ничего не сказал и заперся у себя в комнате.

Ударил колокол.

- Строиться!

Теперь неважно было, что работа тяжелая. Главное было уйти подальше от блока, подальше от горнила смерти, от сердцевины ада.

Я увидел, что ко мне бежит отец. Мне внезапно стало страшно.

- Что случилось?

Он задыхался и никак не мог разжать губы.

- Я тоже... Я тоже... мне велели остаться в лагере.

Его номер записали во время *селекции*, а он не заметил.

- Что же делать? - спросил я в ужасе.

Но это он пытался успокоить меня:

- Пока еще не точно. Еще можно этого избежать. Сегодня будет вторая *селекция*... решающая...

Я молчал.

Он чувствовал, что у него мало времени. Он говорил быстро и сбивчиво, прерывающимся голосом. Ему хотелось сказать мне многое. Он знал, что через несколько секунд я должен буду уйти. И он останется один, совершенно один...

- Вот, возьми этот нож, мне он больше не нужен. А тебе может пригодиться. И возьми еще ложку. Не продавай их. Быстро! Ну, бери то, что я даю!

Наследство...

- Не говори так, папа. (Я чувствовал, что сейчас разрыдаюсь). Не надо так говорить. Оставь себе и ложку, и нож. Они нужны тебе так же, как и мне. Мы увидимся вечером, после работы.

Он посмотрел на меня усталым и полным отчаянимя взглядом и повторил:

- Я прошу тебя. Возьми, сделай, как я прошу, сынок. У нас нет времени... Выполни отцовскую просьбу.

Наш капо заорал, приказывая отправляться на работу.

Бригада направилась к воротам лагеря. Левой, правой! Я кусал губы. Отец остался около блока, прислонившись к стене. Потом он бросился бежать за нами. Наверное, забыл мне что-то сказать... Но мы шагали слишком быстро... Левой, правой!

Мы были уже у ворот. Нас пересчитали под гром военной музыки. Мы вышли наружу.

Весь день я бродил, как во сне. Тиби и Йосси иногда говорили мне какие-то теплые слова. Капо тоже старался меня успокоить. В тот день он дал мне работу полегче. На душе было тяжело. Как они хорошо со мной обращались! Как с сиротой. Я думал: даже и сейчас отец мне еще помогает.

Я и сам не знал, хочу ли, чтобы день кончился поскорее или наоборот. Я боялся, что вечером останусь один. Как хорошо было бы умереть здесь!

Наконец мы двинулись обратно. Как мне хотелось теперь, чтобы нам приказали бежать! Военный марш. Ворота. Лагерь.

Я побежал к 36-му блоку.

Неужели еще случаются на свете чудеса? Он был жив. Он выдержал вторую *селекцию*. Ему удалось доказать, что он еще может быть полезен... Я отдал ему нож и ложку.

От нас ушел Акива Друмер, он не прошел селекцию. В последнее время он бродил среди нас с остановившимся взглядом, жалуясь всем на свою слабость: "Больше не могу... Кончено..." Невозможно было приободрить его. Он нас не слушал. Он только повторял, что у него нет больше ни сил, ни веры. Его глаза внезапно становились пустыми, превращались в две открытые раны, в два бездонных колодца, полных ужаса.

Не он один утратил веру в эти дни *селекции*. Я знал раввина из одного польского городка, сгорбленного старика с постоянно дрожавшими губами. Он молился все время - в блоке, на строительной площадке, в строю. Он читал на память целые страницы из Талмуда, спорил сам с собой, задавал вопросы и сам же на них отвечал. И однажды он сказал мне:

- Все кончено. Бог оставил нас.

И, словно раскаиваясь в том, что произнес эти слова - так холодно и резко - он добавил слабым голосом:

- Я знаю, мы не вправе так говорить. Я это прекрасно знаю. Человек слишком мал, слишком ничтожен, чтобы понять таинственные пути Бога. Но что же я могу поделать? Я не мудрец, не праведник, не святой. Я просто человек из плоти и крови. Я бесконечно страдаю душой и телом. У меня есть глаза, и я вижу, что здесь творится. Где Божественное милосердие? Где Бог? Как я могу верить, как вообще можно верить в этого милосердного Бога?

Бедный Акива Друмер! Если бы он мог по-прежнему верить в Бога и видеть в этих мучениях посланные Богом испытания, он благополучно прошел бы *селекцию*. Но с того момента, как его вера дала первую трещину, борьба за жизнь утратила для него смысл и началось умирание.

К моменту *селекции* он был уже обречен и сам положил голову в петлю. Он просил нас об одном:

- Через три дня меня уже не будет... Прочитайте по мне *Каддиш.*

Мы обещали: через три дня, глядя на дым над трубой крематория, мы вспомним о нем. Мы соберемся вдесятером и устроим специальную службу. Все его друзья прочтут *Каддиш.*

Тогда он ушел в направлении больничного блока, шагая почти твердо и не оглядываясь. Его ждала санитарная машина, чтобы везти в Биркенау.

Это были страшные дни. Нам доставалось больше побоев, чем еды, нас выматывала работа. И через три дня после его ухода мы забыли прочитать Каддиш.

Пришла зима. Дни стали короткими, а ночи - почти непереносимыми. В ранние утренние часы ледяной ветер хлестал нас, как кнут. Нам выдали зимнюю одежду - полосатые блузы чуть поплотнее. Это дало "старикам" новый случай позубоскалить:

- Ну вот, теперь вы по-настоящему попробуете лагерной жизни!

На работу уходили насквозь промерзшие. Камни были такими ледяными, что, казалось, руки к ним примерзнут. Но ко всему привыкаешь.

На Рождество и Новый год мы не работали. В эти дни суп дали чуть погуще.

В середине января от мороза начала распухать моя правая ступня. Я уже не мог на нее наступать. Я пошел в больницу. Доктор, знаменитый еврейский врач, сам тоже заключенный, был настроен решительно: "Необходима операция! Если мы будем ждать, придется ампутировать пальцы, а возможно, и всю ногу до колена".

Только этого мне не хватало! Но делать было нечего. Врач решил, что операция необходима, и обсуждению это не подлежало. Я даже был доволен, что решение принял он.

Меня положили на кровать с белыми простынями. Я уже забыл, что люди спят на простынях.

В больничном блоке было совсем неплохо: мы имели право на хороший хлеб и суп погуще. Ни колокола, ни перекличек, ни работы. Время от времени мне удавалось передать кусок хлеба отцу.

Рядом со мной лежал венгерский еврей, страдавший дизентерией. Кожа да кости, потухший взгляд. Я только слышал его голос - других признаков жизни он не подавал. И откуда он брал силы говорить?

- Подожди радоваться, мальчик. Здесь тоже бывают *селекции*. И даже чаще, чем там, снаружи. Германии не нужны больные евреи. Я не нужен Германии. После ближайшего транспорта у тебя будет новый сосед. Так что послушай меня, вот тебе мой совет: уходи из больницы до *селекции!*

Эти слова, звучавшие из-под земли, от безликого существа, привели меня в ужас. Конечно, мест в больнице очень не хватало, если в эти дни появятся новые больные, надо будет освобождать койки.

Но, может быть, мой безликий сосед, боясь оказаться одной из первых жертв, просто хотел прогнать меня, освободить мое место в надежде, что это поможет выжить ему самому? Может быть, он просто хотел меня напугать? А если он все же был прав? Я решил ждать дальнейших событий.

Врач пришел объявить мне, что операция назначена на завтра.

- Не бойся, - добавил он, - все будет хорошо.

В десять утра меня привели в операционную. Мой доктор был уже там. Это меня успокоило. Я чувствовал, что при нем ничего

плохого со мной не случится. Каждое его слово было утешением, а каждый взгляд внушал надежду.

Операция длилась час. Меня не усыпляли. Я все время не сводил глаз с врача. Потом я почувствовал, что проваливаюсь...

Когда я пришел в себя и открыл глаза, то сначала увидел лишь бесконечную белизну простыней, потом заметил склонившееся надо мной лицо врача:

- Все прошло хорошо. Ты молодец, сынок. Побудешь здесь две недели, как следует отдохнешь, и все будет в порядке. Будешь хорошо питаться, дашь покой и телу, и нервам.

Я мог лишь следить за его губами. Я с трудом понимал слова, но звук его голоса был мне приятен. Вдруг у меня на лбу выступил холодный пот: я больше не чувствовал своей ноги. Неужели ее ампутировали?

- Доктор, - я запнулся, - доктор?

- Что, сынок?

Я не решался задать вопрос.

- Доктор, пить...

Он велел принести мне воды. Он улыбался. Он собирался идти к другим больным.

- Доктор?

- Что?

- Я еще смогу пользоваться своей ногой?

Он перестал улыбаться. Мне стало очень страшно. Он сказал:

- Ты мне доверяешь, сынок?

- Очень доверяю, доктор.

_ Тогда послушай, что я скажу. Через две недели ты будешь в полном порядке. Ты сможешь маршировать, как все остальные. Твоя ступня была полна гноя. Нужно было лишь вскрыть эту полость. Ногу не ампутировали. Вот увидишь, через две недели будешь ходить, как ни в чем не бывало.

Оставалось только ждать, чтобы прошли две недели.

Но через два дня после моей операции по лагерю пробежал слух о том, что фронт неожиданно приблизился. Говорили, что Красная армия подходит к Буне, что теперь это вопрос нескольких часов.

Мы уже привыкли к такого рода слухам. Не в первый раз лжепророк возвещал нам мир на земле, переговоры с Красным

Крестом о нашем освобождении и прочие небылицы... И мы нередко верили... Это было как наркотик.

Однако на сей раз пророчества звучали правдоподобнее. В последнее время по ночам была слышна канонада.

Мой сосед - тот самый, не имевший лица, - сказал тогда:

- Не поддавайтесь иллюзиям. Гитлер ясно сказал, что уничтожит всех евреев прежде, чем часы пробьют двенадцать, прежде чем они услышат последний удар.

Я взорвался:

- А вам-то что надо? Что, Гитлер - пророк для нас?

Он посмотрел на меня своими потухшими и остекляневшими глазами. Затем устало произнес:

- Я верю Гитлеру больше, чем всем остальным. Он один сдержал свои обещания, все свои обещания, данные еврейскому народу.

В тот же день, в четыре часа, колокол, как обычно, созвал всех старост блоков для доклада.

Вернулись они совершенно убитые. Их губы с трудом произносили одно слово: "Эвакуация". Лагерь очистят, а нас отошлют в тыл. Куда? Куда-то в глубь Германии. В другие лагеря - уж их-то хватает.

- Когда?

- Завтра вечером.

- Может, русские придут раньше...

- Может быть.

Мы все прекрасно понимали, что это невозможно.

Лагерь стал похож на улей. Все куда-то бежали, перекрикиваясь на ходу. Во всех блоках люди готовились к дороге. Я зыбыл про свою больную ногу. К нам зашел один из врачей и объявил:

- Завтра, как только стемнеет, лагерь отправляется. Блок за блоком. Больные могут остаться в больнице. Их эвакуировать не будут.

Эта новость заставила нас призадуматься. Неужели СС оставит несколько сот заключенных бродить по больничным блокам в ожидании освободителей? Неужели евреям позволят услышать двенадцатый удар? Конечно же, нет.

- Всех больных расстреляют, - сказал безликий. - И с последней партией отправят в крематорий.

- Лагерь наверняка заминирован, - заметил другой. - Сразу же после эвакуации все взлетит на воздух.

Что касается меня, то я не думал о смерти, но не хотел разлучаться с отцом. Мы уже столько выстрадали, столько пережили вместе, что сейчас не время было расставаться.

Я помчался к отцу. Шел густой снег, окна блоков покрылись инеем. Я бежал, не чувствуя ни боли, ни холода, с башмаком в руках, так как он не налезал на правую ногу.

- Что будем делать?

Отец не ответил.

- Что мы будем делать, папа?

Он был погружен в размышления. Мы могли выбирать. На этот раз мы могли сами решать свою судьбу. Остаться ли нам обоим в больнице, куда - с помощью своего доктора - я мог бы устроить его в качестве больного или санитара? Или последовать за остальными?

Я решил, что в любом случае не оставлю отца.

- Ну так что же нам делать, папа?

Он молчал.

- Давай эвакуироваться вместе со всеми, - сказал я.

Он не ответил. Он смотрел на мою ногу.

- Ты думаешь, что сможешь идти?

- Да.

- Только бы нам потом об этом не пожалеть, Элиэзер.

После войны я узнал о судьбе тех, кто остался в больнице. Их просто-напросто освободили русские через два дня после эвакуации лагеря.

В больницу я возвращаться не стал. Я пошел в свой блок. Рана на ноге открылась и кровоточила, так что на снегу оставался красный след.

Староста блока давал каждому на дорогу двойную порцию маргарина и хлеба. Одежду можно было брать на складе в любом количестве.

Было холодно. Мы легли спать.

Последняя ночь в Буне. Опять последняя ночь. Последняя ночь дома, последняя ночь в гетто, последняя ночь в поезде - и вот теперь последняя ночь в Буне. Долго ли нам еще отмерять свою жизнь от одной "последней ночи" до другой?

Я совсем не спал. Сквозь заиндевевшие окна были видны красные вспышки. Ночную тишину разрывала канонада. Русские были совсем близко! Между ними и нами - одна ночь, наша последняя ночь. Мы перешептывались: если повезет, русские будут здесь еще до эвакуации. Люди все еще надеялись.

Кто-то крикнул:

- Постарайтесь заснуть. Набирайтесь сил для дороги.

Это напомнило мне последние мамины советы в гетто.

Но я так и не уснул. Горела нога.

Утром лагерь выглядел по-новому. Заключенные ходили в странном виде - как на маскараде. Все натянули на себя по нескольку одежек, одну на другую, чтобы лучше защититься от мороза. Несчастные шуты, они казались от этого непомерно толстыми и были ближе к смерти, чем к жизни. Бедные клоуны, чьи призрачные лица едва выглядывали из-под многих слоев тюремной одежды. Паяцы.

Я пытался найти башмак побольше. Безуспешно. Тогда я разорвал одеяло и обернул больную ногу. Потом стал бродить по лагерю в поисках куска хлеба или нескольких картофелин.

Некоторые говорили, что нас отправляют в Чехословакию. Нет, в Гросс-Розен. Нет, в Гляйвиц. Нет, в...

Два часа дня. По-прежнему шел густой снег.

Теперь время бежало быстро. Вот уже сумерки, все вокруг стало серым.

Староста вдруг вспомнил, что мы забыли прибрать в блоке. Он приказал четырем заключенным как следует вымыть полы... За час до ухода из лагеря! Зачем? Для кого?

- Для освободительной армии, - крикнул он. - Пусть знают, что здесь жили люди, а не свиньи.

Так значит, мы все-таки люди?

Блок убрали как следует, вымыли каждый уголок.

В шесть ударил колокол. Погребальный звон. Похороны. Прощание. Процессия готова отправиться в путь.

- Построиться! Быстро!

В несколько секунд мы построились по блокам. Наступила ночь. Все происходило в соответствии с выработанным планом.

Вспыхнули прожекторы. Из тьмы возникли сотни вооруженных эсэсовцев с овчарками. Снегопад не прекращался.

Ворота лагеря открылись. Казалось, что за ними нас ожидает еще более темная ночь.

Двинулись первые блоки. Мы ждали. Мы должны были выждать, пока пройдут стоявшие впереди нас пятьдесят шесть блоков. Было очень холодно. У меня в кармане лежали два куска хлеба. Как же мне хотелось их съесть! Но я не имел права. Сейчас было нельзя.

Подходила наша очередь: 53-й блок... 55-й...

- 57-й блок, вперед, марш!

Снегопад продолжался.

Глава YI

Дул резкий, ледяной ветер. Но мы шагали без передышки. Эсэсовцы торопили нас. "Быстрее, сволочи, сукины дети!" Что ж, почему бы и нет? От движения становилось немного теплее. Кровь бежала быстрее. Казалось, что мы оживаем...

"Быстрее, сукины дети!" Мы уже не шли, а бежали. Как роботы. Эсэсовцы тоже бежали, держа в руках автоматы. Казалось, что мы убегаем от них.

Черная ночь. Время от времени в этой ночи раздавались выстрелы. Была инструкция расстреливать тех, кто не может бежать в заданном темпе. Эсэсовцы не отказывали себе в этом удовольствии и постоянно держали палец на спусковом крючке. Стоило одному из нас на секунду остановиться, как выстрел приканчивал еще одного сукиного сына.

Я механически переставлял ноги. Я тащил это костлявое тело, которое все же оставалось слишком тяжелым. Как мне хотелось от него избавиться! Я старался не думать об этом, но все равно чувствовал в себе раздвоение: отдельно от меня существовало мое тело. И я его ненавидел.

Я повторял про себя: "Не думай, не останавливайся, беги".

Около меня на грязном снегу корчились люди. Выстрелы.

Рядом шагал Залман - молодой парень из Польши. Он работал в Буне на складе электроматериалов. Все над ним посмеивались из-за того, что он постоянно либо молился, либо обдумывал какой-нибудь талмудический вопрос. Для него это был способ уйти от действительности, не чувствовать ударов...

Внезапно у него схватило желудок. "У меня болит живот", - шепнул он мне. Он не мог больше бежать. Ему нужно было на секунду остановиться. Я умолял его:

- Подожди немножко, Залман. Скоро все остановятся. Мы же не будем так бежать бесконечно.

Но он, продолжая бежать, стал расстегивать штаны и крикнул:

- Больше не могу. Желудок разрывается...

- Потерпи, Залман... Постарайся...

- Больше не могу, - простонал он.

Его штаны спустились, он упал.

Таким я видел его в последний раз. Не думаю, чтобы его расстреляли эсэсовцы: никто его не заметил. Должно быть, его насмерть затоптали тысячи людей, бежавших позади нас.

Я быстро о нем забыл. Я снова стал думать о себе. Из-за больной ноги от каждого шага меня била дрожь. "Еще несколько метров, - думал я, - еще несколько метров - и конец. Я свалюсь. Короткая красная вспышка... Выстрел". Смерть обволакивала меня, душила. Она льнула ко мне. Я чувствовал, что могу прикоснуться к ней. Мысль о смерти, о небытии начала меня зачаровывать. Больше не быть. Не чувствовать ужасной боли в ноге. Не чувствовать ничего - ни усталости, ни холода, ничего. Выскочить из колонны, проскользнуть к краю дороги...

Сделать это мешало лишь присутствие отца... Он бежал рядом, задыхаясь, на пределе сил, в полном изнеможении. Я не имел права умирать. Что он будет делать без меня? Я его единственная опора.

Я думал об этом некоторое время. И продолжал бежать, не чувствуя больной ноги, не сознавая даже, что бегу, не ощущая своего тела, которое неслось по дороге среди тысяч других.

Очнувшись от этого состояния, я попытался слегка замедлить шаг. Но это было невозможно. Людская лавина катилась, подобно штормовой волне, и раздавила бы меня, как муравья.

Я превратился в сомнамбулу. Мне удавалось закрыть глаза, и тогда я бежал, будто во сне. Время от времени кто-нибудь сильно толкал меня вперед, и я просыпался. Другие кричали: "Беги быстрее! Сам не хочешь, пропусти других!" Но мне довольно было на секунду закрыть глаза, чтобы увидеть, как целый мир проносится мимо, чтобы во сне мне явилась совсем иная жизнь.

Бесконечная дорога. Пусть несет меня толпа, пусть влечет куда-то слепая судьба. Когда эсэсовцы уставали, их меняли. Ну а мы были все те же. С окоченевшими несмотря на бег руками и ногами, с пересохшим горлом, голодные, задыхающиеся, мы продолжали бежать.

Каждый из нас был царем природы, властелином мира. Мы забыли обо всем: о смерти, об усталости, о собственных потребностях. Сильнее мороза и голода, сильнее пуль и желания умереть, мы, бродяги и смертники, безымянные номера - мы были единственными людьми на всей земле.

Наконец на сером небе взошла утренняя звезда. На горизонте обозначилась светлая полоска. Мы больше не могли, у нас не осталось ни сил, ни иллюзий.

Комендант объявил, что после выхода из лагеря мы проделали путь в семьдесят километров. Мы уже давно перестали чувствовать усталость. Ноги передвигались автоматически, независимо от нашей воли, независимо от нас самих.

Мы прошли через покинутую деревню. Ни живой души. Ни собачьего лая. Дома с зияющими окнами. Кое-кто выскользнул из строя в надежде спрятаться в одном из заброшенных строений.

Еще час пути - и наконец приказ сделать передышку.

Все как один мы рухнули на снег. Отец стал трясти меня:

- Не здесь... Вставай... Чуть дальше... Там есть сарай. Пойдем...

У меня не было ни сил, ни желания вставать. Однако я подчинился. Это был не сарай, а кирпичный завод с провалившейся крышей, разбитыми окнами, закопчеными стенами. Попасть внутрь было нелегко. Перед дверью толпились сотни заключенных.

Наконец нам удалось войти. Там тоже лежал толстый слой снега. Я тут же свалился. Только теперь я ощутил бесконечную усталость. Снег показался мне очень мягким, очень теплым ковром. Я забылся.

Не знаю, сколько времени я спал. Несколько секунд или целый час. Когда я проснулся, чья-то ледяная рука шлепала меня по щекам. Я с усилием открыл глаза: это был отец.

Как он постарел со вчерашнего вечера! Его тело как-то все съежилось, скрючилось. Неподвижный взгляд, сухие бесцветные губы. Весь его облик выражал предельную усталость. Голос был влажным от слез и снега:

- Нельзя засыпать, Элиэзер. Спать на снегу опасно. Так можно уснуть навсегда. Пойдем, родной, пойдем. Вставай.

Встать? Но как? Как заставить себя выбраться из этой чудесной перины? Я слышал отца, но его слова казались мне бессмысленными, как если бы он требовал от меня поднять одной рукой все это здание.

- Идем, сынок, идем...

Я поднялся, сжимая зубы. Он под руку повел меня наружу. Выйти было столь же трудно, как и войти. У нас под ногами умирали раздавленные, растоптанные люди. Никто не обращал на них внимания.

Мы вышли наружу. Ледяной ветер обжигал лицо. Я все время покусывал губы, чтобы они не смерзлись. Все вокруг, казалось, несется в пляске смерти. До головокружения. Я шагал по кладбищу. Среди окоченевших трупов, похожих на бревна. Ни криков отчаяния, ни жалобных стонов, лишь безмолвная агония множества людей. Никто не просил о помощи. Умирали, потому что надо было умирать. Все было просто.

В каждом окоченевшем трупе я видел себя. А скоро перестану видеть, я стану одним из них. Вопрос нескольких часов.

- Идем, папа, вернемся в сарай...

Он не ответил. Он не смотрел на мертвых.

- Пойдем, папа. Там лучше. Мы сможем немножко полежать. По очереди. Я послежу за тобой, а ты за мной. Мы не уснем. Мы будем будить друг друга.

Он согласился. Ступая по живым и мертвым телам, мы вошли в сарай. И тут же рухнули на землю.

- Ничего не бойся, родной, спи, ты можешь поспать. А я посмотрю за тобой.

- Сначала ты, папа. Поспи.

Он отказался. Я улегся и постарался уснуть, подремать немного, но ничего не получалось. Я готов был на что угодно, лишь бы уснуть на несколько секунд. Но в глубине души я чувствовал, что заснуть значило бы умереть. И что-то во мне восставало против такой смерти. Она бесшумно и вкрадчиво захватывала пространство вокруг меня. Она набрасывалась на уснувших, проникала в них и постепенно пожирала. Рядом со мной кто-то пытался разбудить своего соседа, может, брата или друга. Безуспешно. Устав от бесплодных усилий, он сам вытянулся рядом с трупом и тоже стал засыпать. Кто же разбудит его? Протянув руку, я дотронулся до него:

- Просыпайся. Здесь нельзя спать.

Он приоткрыл глаза:

- Хватит советов, - сказал он угасшим голосом. - Мне конец. Оставь меня в покое. Оставь.

Отец тоже слегка задремал. Я не видел его глаз. Шапка закрывала ему лицо.

- Проснись, - шепнул я ему на ухо.

Он вздрогнул, сел и осмотрелся вокруг потерянным и непонимающим взглядом. Взглядом сироты. Он рассматривал все, что его окружало, с таким видом, будто вдруг решил составить опись своей вселенной, выяснить, где он находится, в каком месте и почему. Потом он улыбнулся.

Никогда не забуду эту улыбку. Из какого мира она явилась?

Снег продолжал падать на трупы густыми хлопьями.

Дверь сарая открылась.Вошел старик с заиндевевшими усами и посиневшими от холода губами. Это был рабби Элиягу, раввин одной маленькой польской общины. Этого необычайно доброго человека в лагере любили все - даже капо и старосты блоков. Несмотря на испытания и беды, в его лице по-прежнему светилась чистота души. Это был единственный раввин, которого в Буне всегда называли "рабби". Он походил на одного из древних пророков, что всегда были со своим народом, чтобы его утешать. И, как ни странно, его утешения ни в ком не вызывали протеста. Он и в самом деле успокаивал людей.

Он вошел в сарай и, казалось, искал кого-то глазами, блестевшими больше обыкновенного:

-Вы не видели где-нибудь моего сына?

Он потерял сына в толпе. Он безуспешно искал его среди умирающих. Тогда он стал разгребать снег, чтобы найти его труп. Все напрасно.

В течение трех лет они постоянно держались вместе. Всегда рядом, деля страдания и побои, хлеб и молитву. Три года - из лагеря в лагерь, от одной *селекции* до другой. И вот теперь, когда избавление, казалось, совсем близко, судьба их разлучила. Подойдя ко мне, рабби Элиягу прошептал:

- Это случилось по дороге. Мы потеряли друг друга из виду. Я немного отстал от колонны. Больше не было сил бежать. А сын не заметил. Больше я ничего не знаю. Куда он исчез? Где мне его искать? Может, вы его где-нибудь видели?

- Нет, рабби Элиягу, я его не видел.

Тогда он ушел так же, как и пришел, - словно дрожащая на ветру тень.

Он уже был за дверью, когда я вдруг вспомнил, что видел, как его сын бежал рядом со мной. Я забыл об этом и не сказал рабби Элиягу!

Потом я вспомнил еще кое-что: его сын заметил, как отец стал, хромая, отступать к хвосту колонны. Он это видел. И продолжал бежать вперед, увеличивая разделявшее их расстояние.

Меня вдруг поразила страшная мысль: он же хотел отделаться от отца! Он чувствовал, что отец слабеет, решил, что приближается конец и стал искать способа отделаться от этого бремени, освободиться от обузы, которая уменьшала его собственные шансы на спасение.

Хорошо, что я об этом позабыл. И я был счастлив, что рабби Элиягу продолжает поиски любимого сына.

И помимо воли в моей душе сложилась молитва, обращенная к тому Богу, в которого я больше не верил:

- Господи, Царь Вселенной, дай мне силы никогда не сделать того, что сделал сын рабби Элиягу.

Снаружи, в наступившей темноте, послышались крики. Эсэсовцы опять приказывали строиться.

Мы снова отправились в путь. Мертвые остались лежать во дворе, в снегу, словно верные стражи, убитые на посту и непогре-

бенные. Никто не прочел над ними заупокойной молитвы. Сыновья покидали останки отцов без единой слезы.

Пока мы шли, снег все сыпал и сыпал не переставая. Мы шли медленнее. Казалось, даже охрана устала. Больная нога перестала меня беспокоить. Должно быть,была полностью отморожена. Я остался без ноги. Она словно отделилась от моего тела, как колесо от телеги. Ничего не поделаешь. Придется мне смириться с тем, что буду жить с одной ногой. Главное, не думать об этом. Оставить все мысли на потом.

Наше движение утратило всякую видимость порядка. Каждый шагал, как хотел, как мог. Не слышно было выстрелов. Эсэсовцы, наверное, устали.

Но смерть не нуждалась в помощниках. Мороз добросовестно делал свое дело. Каждую минуту кто-нибудь падал: конец мучениям.

Время от времени офицеры СС проезжали на мотоциклах вдоль колонны, стараясь стряхнуть с нас нараставшую апатию:

- Держитесь! Мы уже близко.

- Бодрее! Осталось несколько часов!

- Уже подходим к Гляйвицу!

Эти ободряющие слова, несмотря на то, что они исходили от наших убийц, необычайно помогали. Никто не хотел отстать теперь, когда конец был близок, когда оставалось пройти совсем немножко. Мы пристально смотрели вперед, стараясь разглядеть на горизонте колючую проволоку Гляйвица. Нашим единственным желанием было добраться до него как можно скорее.

Наступила темнота. Прекратился снегопад. До лагеря шли еще несколько часов. Мы заметили его, лишь когда остановились прямо перед воротами.

Капо быстро развели нас по баракам. При этом все толкались и теснили друг друга, словно это было последнее прибежище на пути к освобождению, врата жизни. Люди шли по израненным телам. Шагали по разбитым лицам. Никаких криков, лишь отдельные стоны. Нас самих - отца и меня - эта бушующая человеческая лавина тоже швырнула на землю. Под нами кто-то захрипел:

- Вы меня раздавите... помогите!

Этот голос показался мне знакомым.

- Раздавите меня... Помогите! Помогите!

Я уже где-то слышал этот хрип. Этот голос когда-то со мной говорил. Где? Когда? Много лет назад? Нет, конечно же, это могло быть только в лагере.

- Помогите.

Я чувствовал, что подминаю его. Я не давал ему дышать. Я пытался подняться, стараясь высвободиться, чтобы открыть ему доступ к воздуху. Но на меня самого навалились чужие тела. Я с трудом дышал. Я впивался ногтями в чьи-то лица. Я кусался, лишь бы только дотянуться до воздуха. Никто не кричал.

Вдруг я вспомнил. Юлек! Парень из Варшавы, игравший в оркестре Буны на скрипке.

- Юлек, это ты?

- Элиэзер... Двадцать пять плетей... Да... Я помню.

Он замолчал. Долгая пауза.

- Юлек! Ты слышишь меня, Юлек?

- Да... - произнес он слабым голосом. - Что?

Он был жив.

- Как ты себя чувствуешь? - спросил я, не столько чтобы получить ответ, сколько ради того, чтобы услышать его живой голос.

- Хорошо, Элиэзер... Ничего... Не хватает воздуха... Я устал... Ноги распухли. Отдохнуть— это хорошо, но вот скрипка...

Я решил, что он сошел с ума. Причем здесь скрипка?

- Что, твоя скрипка?

- Он задыхался:

- Я... я боюсь... что сломают... мою скрипку... Я...я принес ее с собой.

Я не мог ему ответить. Кто-то всем телом навалился на меня, закрыв мне лицо. Я уже не мог дышать ни ртом, ни носом. Пот градом катился по лбу и по спине. Все, конец пути. Безмолвная смерть, удушье! Невозможно крикнуть, позвать на помощь.

Я попытался высвободиться из-под тела своего невидимого убийцы. Вся воля к жизни сконцентрировалась в моих ногтях. Я царапался, я боролся за глоток воздуха. Я рвал дряблую плоть, но она не реагировала. Я не мог освободиться от этой тяжести, давившей мне на грудь. Кто знает? Быть может, я сражался с мертвецом?

Я этого никогда не узнаю. Могу сказать одно: я его одолел. Мне удалось пробить брешь в этой стене умирающих, маленькое отверстие, через которое можно было дышать.

- Папа, как ты? - спросил я, как только смог говорить.

Я знал, что он должен быть поблизости.

- Хорошо! - ответил далекий голос, звучавший словно из иного мира. - Я пытаюсь уснуть.

Он пытался уснуть. Правильно это было или нет? Можно ли здесь спать? Не опасно ли потерять бдительность хотя бы на мгновение, когда в любой момент на тебя готова обрушиться смерть?

Эти размышления были прерваны звуком скрипки. Звуки скрипки в темном бараке, где мертвые теснили живых. Что за сумасшедший играл на скрипке здесь, на краю собственной могилы? Или это только галлюцинация?

Наверное, это был Юлек.

Он играл отрывок одного из бетховенских концертов. Я никогда не слышал столь чистых звуков. В такой тишине.

Как удалось ему выбраться? Вылезти из-под меня, так что я не заметил?

Стояла кромешная тьма. Я слышал только эту скрипку, и казалось, что смычком была душа Юлека. Он играл свою жизнь. Она целиком перешла в струны. Утраченные надежды. Ставшее пеплом прошлое, загубленное будущее. Больше никогда он не будет так играть.

Я никогда не забуду Юлека. Невозможно забыть этот концерт для умирающих и мертвых! И по сей день, когда я слышу Бетховена, то закрываю глаза и из темноты возникает бледное и печальное лицо моего польского товарища, который, играя на скрипке, прощался с умирающими слушателями.

Не знаю, сколько времени он играл. Я уснул. А когда проснулся при свете дня, то увидел перед собой скрючившегося, мертвого Юлека. Рядом с ним валялась растоптанная, раздавленная скрипка - маленький мертвец, волнующий и странный.

Мы провели в Гляйвице три дня. Три дня без еды и питья. Мы не имели права выходить из барака. Эсэсовцы охраняли вход.

Мне хотелось есть и пить. Судя по виду остальных заключенных, я, наверное, тоже был очень грязным и истощенным. Взятый из Буны хлеб мы давно уже съели. И неизвестно было, когда нам дадут еще.

Фронт следовал за нами. Мы опять слышали канонаду, совсем близко. Но у нас уже не было ни сил, ни духу надеяться на то, что немцы не успеют нас эвакуировать и что вот-вот придут русские.

Мы узнали, что нас собираются отправить в глубь Германии.

На третий день, рано утром, нас выгнали из бараков. Каждый накинул на себя по нескольку одеял, наподобие молитвенных покрывал. Нас повели к воротам, разделявшим лагерь на две части. Там стояла группа офицеров СС. По колонне пронесся слух: *селекция!*

Эсэсовцы распоряжались: слабых - налево, тех, кто может быстро идти, - направо.

Отца послали налево. Я побежал за ним. Один из офицеров заорал мне вслед:

- Вернись назад!

Я проскользнул в глубь толпы. Несколько эсэсовцев бросились за мной и устроили при этом такую сутолоку, что многим - в том числе и нам с отцом - удалось перебежать из левой группы в правую. Раздались выстрелы, было несколько убитых.

Всех вывели из лагеря и через полчаса ходьбы мы оказались посреди поля, по которому шли рельсы. Надо было дожидаться поезда.

Валил густой снег. Нам запрещалось садиться и вообще двигаться.

Снег лежал на наших одеялах толстым пластом. Нам выдали хлеб, обычную пайку. Мы жадно набросилиь на него. Кому-то пришло в голову утолить жажду, глотая снег. Другие тут же последовали его примеру. Поскольку нам не разрешалось наклоняться, все достали ложки и стали есть снег, лежавший на спине соседа. Ложка снега на укус хлеба. Наблюдавшие это зрелище эсэсовцы смеялись.

Проходили часы. Глаза устали искать на горизонте поезд - наше спасение. Он прибыл лишь поздно вечером. Бесконечно длинный поезд, состоявший из вагонов для скота, без крыши. Эсэсовцы втолкнули нас внутрь, по сотне человек в вагон: такие мы были тощие! Посадка закончилась, эшелон отправился.

Глава YII

Мы прижимались друг к другу, пытаясь согреться; голова казалась пустой и в то же время тяжелой; в мозгу - путаница полуистлевших воспоминаний. Душа онемела от безразличия. Здесь или в другом месте - какая разница? Околеть сегодня, завтра или позже? Наступила долгая, бесконечно долгая ночь.

Когда же наконец на горизонте забрезжил серый свет, я увидел в первых утренних лучах клубок скорченных человеческих тел с втянутыми в плечи головами; громоздившиеся друг на друга люди походили на груду запыленных надгробий. Я попытался понять, кто из них жив, а кто уже умер. Но разницы не было. Мой взгляд надолго задержался на человеке, который лежал с открытыми глазами и внимательно смотрел в пустоту. Его посиневшее лицо покрылось слоем инея и снега.

Отец, завернувшись в одеяло, скрючился рядом со мной. На его плечах лежал толстый слой снега. А вдруг и он тоже умер? Я позвал его. Он не отвечал. Я закричал бы, но не было сил. Он не шевелился.

Внезапно мне стало совершенно ясно: больше незачем жить, незачем сопротивляться.

Поезд остановился посреди пустого поля. Эта резкая остановка разбудила нескольких спящих. Они вскочили и удивленно оглянулись по сторонам.

Снаружи ходили эсэсовцы, крича:

- Выбрасывайте мертвых! Все трупы вон!

Живые обрадовались. Теперь у них будет больше места. Добровольцы взялись за дело. Они ощупывали тех, кто еще продолжал лежать скорчившись.

Мертвого раздевали, и оставшиеся в живых жадно делили его одежду, а затем двое "могильщиков" брали его за голову и за ноги и вышвыривали из вагона, как куль с мукой.

Отовсюду звали:

- Идите же сюда! Тут еще один! Мой сосед. Он уже не шевелится.

Я вышел из состояния апатии, лишь когда двое подошли к моему отцу. Я бросился на его тело. Он был холоден. Я бил его по щекам. Я растирал ему руки и кричал:

- Папа! Папа! Проснись! Тебя выбросят из вагона...

Его тело оставалось неподвижным.

Двое могильщиков схватили меня за ворот:

- Оставь его. Ты прекрасно видишь, что он умер.

- Нет, - кричал я. - Он не умер! Пока еще нет!

Я принялся шлепать его еще сильнее. Через секунду отец приоткрыл остекляневшие глаза. Он слабо дышал.

- Вот видите! - воскликнул я.

Те двое отошли.

Из нашего вагона выкинули десятка два трупов. Затем поезд снова тронулся, оставляя позади, на заснеженной польской земле, несколько сот сиротливых мертвецов, непогребенных и голых.

Нас не кормили. Мы питались одним снегом: он заменял нам хлеб. Дни были похожи на ночи, а ночи оставляли в душах осадок темноты. Поезд двигался медленно, часто останавливался на несколько часов и снова трогался в путь. Снегопад не прекращался. Дни и ночи мы по-прежнему лежали, скорчившись, друг на друге, не произнося ни слова. От нас остались лишь промерзшие тела. Не открывая глаз, мы только и ждали что следующей остановки, чтобы выбросить своих мертвых.

Десять дней, десять ночей в пути. Нам случалось проезжать немецкие городки. Обычно очень ранним утром. Рабочие шли на работу. Они останавливались и провожали нас взглядом, не выражавшим особого удивления.

Как-то во время такой остановки один рабочий достал из сумки кусок хлеба и кинул в вагон. Все разом бросились за куском. Десятки изголодавшихся людей дрались насмерть из-за нескольких хлебных крошек. Немецкие рабочие с интересом наблюдали эту картину.

Много лет спустя я присутствовал при подобной сцене в Адене. Пассажиры нашего парохода ради развлечения кидали в воду монетки, а "туземцы" ныряли и доставали их. Одна аристократического вида парижанка особенно наслаждалась этой игрой. Вдруг я заметил двух детей, которые дрались насмерть, пытаясь задушить друг друга, и стал умолять даму:

- Прошу вас, не бросайте больше монеты!

- Почему? - спросила она. - Я люблю подавать милостыню...

В вагоне, куда упал хлеб, началось настоящее сражение. Люди бросались друг на друга, топтали, царапали, кусали всех вокруг. Это были разъяренные хищники со звериной ненавистью в глазах. Ими овладела невероятная жажда жизни, заострившая их ногти и зубы.

Вдоль поезда столпились рабочие и просто зеваки. Они явно никогда прежде не видели поездов с таким грузом. Скоро куски хлеба полетели во все вагоны. Зрители наблюдали, как эти живые скелеты убивают друг друга за укус хлеба.

Один кусок упал и в наш вагон. Я решил, что не шевельнусь. И, кроме того, я понимал, что у меня все равно не хватит сил, чтобы сражаться с десятками разъяренных людей. Неподалеку я заметил старика, двигавшегося на четвереньках. Он пытался выбраться из этой свалки. Он прижимал руку к сердцу. Сначала я подумал, что его ударили в грудь. Потом понял, что он прячет под курткой кусок хлеба. Он стремительно достал его и поднес ко рту. Его глаза загорелись, улыбка, больше похожая на гримасу, осветила полумертвое лицо. И тут же погасла. Над ним нависла тень. И эта тень бросилась на него. Избитый, обезумевший от ударов старик кричал:

- Меир, мой маленький Меир! Ты не узнаешь меня? Я твой отец... Ты делаешь мне больно... Ты убиваешь отца... У меня есть хлеб... и для тебя... для тебя тоже...

Он повалился на пол, все еще сжимая в кулаке кусочек хлеба. Он хотел положить его в рот. Но противник бросился и отнял его. Старик еще что-то пробормотал, захрипел и умер при всеобщем безразличии. Сын обыскал его, схватил кусок и стал его пожирать. Но и он не преуспел. Его заметили двое и поспешили к нему. Присоединились и другие. Когда они отошли, рядом со мной остались два мертвеца - отец и сын. Мне было пятнадцать лет.

В нашем вагоне ехал друг отца, Меир Кац. В Буне он работал садовником и иногда приносил нам какие-нибудь овощи. Поскольку он питался чуть лучше других, то и заключение переносил легче. Благодаря относительному здоровью он был назначен старшим по вагону.

На третью ночь пути я внезапно проснулся,ощутив, что две руки сжимают мне горло. Я только успел крикнуть: "О т е ц !"

Только это слово. Я почувствовал, что задыхаюсь. Но отец проснулся и вцепился в нападавшего. Но он был слишком слаб, чтобы одолеть противника, и решил позвать Меира Каца.

- Иди сюда, скорее! Моего сына душат!

Через несколько секунд меня освободили. Я так и не узнал, почему тот человек хотел меня задушить.

А несколько дней спустя Меир Кац обратился к отцу:

- Шломо, я слабею. Я теряю силы. Я больше не выдержу...

- Не падай духом, - попытался ободрить его отец. - Надо сопротивляться! Ты должен верить в себя!

Но в ответ Меир Кац глухо простонал:

- Больше не могу, Шломо!.. Что мне делать?.. Больше не могу...

Отец взял его за руку. И Меир Кац, этот сильный мужчина, самый крепкий среди нас, заплакал. Он лишился сына во время первой *селекции*, но только теперь заплакал о нем. Только теперь он не выдержал. Он больше не мог. Силы иссякли.

В последний день пути задул ужасный ветер, а снегопад все не прекращался. Мы почувствовали: приближается наш конец, настоящий конец. Мы не сможем долго выносить этот ледяной ветер, этот шквал.

Кто-то поднялся и крикнул:

- Нельзя сидеть в такую погоду! Мы околеем от холода! Давайте все встанем, будем двигаться...

Мы все встали. Плотнее закутались в свои отсыревшие одеяла. И постарались сделать несколько шагов, повернуться на месте.

Вдруг в вагоне раздался крик, вопль раненого зверя. Кто-то умер.

Другие - те, кто чувствовали, что вот-вот умрут, - повторили этот вопль. И казалось, что эти крики доносятся с того света. Вскоре кричали все. Жалобные стоны, вопли, крики отчаяния рвались сквозь ветер и снег.

Словно зараза, это передалось в другие вагоны. И одновременно раздались сотни воплей. Мы не знали, к кому обращен наш крик. Не знали, почему мы кричим. Это был предсмертный хрип целого эшелона людей, почувствовавших приближение конца. Мы все умрем здесь. Мы перешли все пределы. Ни у кого не осталось сил. А впереди еще долгая ночь.

Меир Кац стонал:

- Почему они не расстреляют нас прямо тут?

В тот же вечер мы прибыли на место назначения.

Стояла глубокая ночь. За нами пришла охрана. Мертвые остались в вагонах. Вышли только те, кто еще могли держаться на ногах.

Меир Кац остался в поезде. Последний день был самым смертоносным. Когда мы входили в этот вагон, нас было сто человек. А вышла из него дюжина. В том числе и мы с отцом.

Мы прибыли в Бухенвальд.

Глава YIII

У ворот лагеря ждали эсэсовские офицеры. Нас пересчитали. Потом повели к сборному плацу. Приказания отдавались через громкоговорители: "Построиться по пять", "Разбиться на сотни", "Пять шагов вперед".

Я крепко сжимал руку отца. Давно знакомый страх: не потерять бы его.

Совсем рядом с нами торчала высокая труба крематория. Но на нас это уже не действовало. Мы ее едва замечали.

Один из старых заключенных Бухенвальда сказал нам, что сначала мы примем душ, а потом нас распределят по блокам. Мысль о горячем душе очень меня обрадовала. Отец молчал. Тяжело дыша, он стоял рядом.

- Папа, - сказал я, - еще чуть-чуть. Скоро можно будет лечь в кровать. Ты сможешь отдохнуть...

Он не ответил. Я сам до того устал, что его молчание меня не встревожило. Мне хотелось только одного: как можно скорее вымыться и лечь.

Но попасть в душ было нелегко. Туда поспешили сотни заключенных. Охранникам не удавалось навести порядок. Они раздавали удары направо и налево, но это не помогало. А те, у кого не было сил не только толкаться, но даже просто держаться на ногах, садились в снег. Отец хотел последовать их примеру. Он стонал:

- Больше не могу... Конец... Я здесь умру...

Он потянул меня к сугробу, из которого проступали очертания человеческих тел и торчали обрывки одеял.

- Оставь меня, - попросил он. - Я больше не могу... Пожалей меня... Я подожду здесь, когда можно будет войти в душ... Ты придешь за мной.

Я готов был плакать от ярости. Столько пережить, столько выстрадать, а теперь бросить отца здесь умереть? Теперь, когда можно принять горячий душ и лечь?

- Папа! - закричал я. - Папа! Встань! Сейчас же! Ты погубишь себя!..

И я схватил его за руку. Он продолжал стонать:

- Не кричи, сынок... Пожалей своего старого отца... Дай мне здесь отдохнуть... Немножко... Пожалуйста, я так устал... нет сил.

Он стал похож на ребенка: слабый, пугливый, беззащитный.

- Папа, - сказал я, - тебе нельзя здесь оставаться.

Я показал на лежавшие вокруг тела: они тоже хотели здесь отдохнуть.

- Вижу, сынок. Я их отлично вижу. Пускай поспят, сынок. Они так давно не смыкали глаз... Они обессилели... обессилели...

Его голос звучал ласково.

Я заорал, перекрикивая ветер:

- Они уже никогда не проснутся! Никогда! Понимаешь?

Мы долго спорили. Я чувствовал, что спорю не с ним, а с самой смертью, потому что он уже принял ее сторону.

Взвыли сирены. Тревога. Во всем лагере погас свет. Охранники погнали нас в блоки. В мгновение ока сборный плац опустел. Мы были только рады, что больше не должны ждать на ледяном ветру. Мы повалились на нары. Они были многоэтажные. Стоявшие у дверей котлы с супом никого не привлекали. Спать - остальное было неважно.

Когда я проснулся, было уже светло. Тогда я вспомнил, что у меня есть отец. Во время тревоги я последовал за толпой, не думая о нем. Я знал, что он обессилел, что он на пороге смерти, и все-таки оставил его.

Я пошел его искать.

Но одновременно у меня возникла мысль: "Хоть бы я его не нашел! Вот бы мне избавиться от этого смертельного бремени, чтобы я мог изо всех сил бороться за собственную жизнь, чтобы заботиться только о себе". И сейчас же мне стало стыдно, на всю жизнь стыдно за себя.

Я искал его много часов. Потом зашел в блок, где разливали черный "кофе". Люди стояли в очереди, дрались за кофе. У меня за спиной раздался жалобный, умоляющий голос:

- Элиэзер... сынок... принеси мне... немножко кофе...

Я бросился к нему.

- Папа! Я так давно тебя ищу... Где ты был? Ты спал? Как ты себя чувствуешь?

Его, видно, мучил жар. Я, как дикий зверь, прорвался к котлу с кофе. Мне удалось наполнить кружку. Я отпил глоток. Остальное оставил ему.

Мне никогда не забыть ту благодарность, которая светилась в его глазах, пока он жадно глотал это питье. То была звериная благодарность. Уверен, что этими несколькими глотками горячей воды я доставил ему больше радости, чем за все годы моего детства...

Он лежал на нарах, мертвенно-бледный, с синеватыми пересохшими губами, сотрясаемый лихорадкой. Я не мог долго оставаться с ним. Нам приказали освободить помещение для уборки. Только больным разрешалось остаться внутри.

Мы пробыли на улице пять часов. Нам раздали суп. Как только разрешили вернуться в блоки, я побежал к отцу.

- Ты ел?

- Нет.

- Почему?

- Нам ничего не давали... Сказали, что мы больны, что скоро умрем, и так что жалко переводить на нас еду... Больше не могу...

Я отдал ему остатки своего супа. Но с тяжелым сердцем. Я чувствовал, что делаю это против воли. Как и сын рабби Элиягу, я не выдержал испытания.

Он слабел с каждым днем, взгляд его затуманился, лицо стало похоже на жухлые листья. На третий день по прибытии в Бухенвальд нам всем приказали идти в душ. Даже больным, которые должны были пройти в последнюю очередь.

Когда мы вернулись, пришлось долго ждать на улице. Еще не была закончена уборка блоков.

Заметив вдали отца, я побежал ему навстречу. Он прошел мимо, как тень, не останавливаясь, не глядя. Я позвал его, он не обернулся. Я бросился за ним:

- Папа, куда ты бежишь?

Он на мгновение остановился и посмотрел на меня: в этом взгляде был какой-то далекий свет, и лицо стало совсем чужим. Только один миг - и он побежал дальше.

У отца была дизентерия, и он лежал в инфекционном боксе, где было еще пятеро больных. Я сидел рядом, наблюдал за ним и не решался верить, что ему удастся еще раз уйти от смерти. Тем не менее я изо всех сил старался внушить ему надежду.

Вдруг он резко сел на койке и приблизил горячие губы к моему уху:

- Элиэзер... Я должен сказать тебе, как найти золото и деньги, которые я закопал... в погребе... Ты знаешь...

И он стал говорить все быстрее, словно боясь, что не успеет все рассказать. Я попытался объяснить ему, что это еще не конец, что мы вместе вернемся домой, но он не хотел слушать. Он больше не мог слушать. Он обессилел. Изо рта бежала струйка слюны, смешанной с кровью. Он закрыл глаза. Дыхание стало прерывистым.

Мне удалось за пайку хлеба поменяться местами с одним заключенным из отцовского блока. Днем пришел врач. Я сказал ему, что мой отец тяжело болен.

- Веди его сюда!

Я объяснил, что он не в силах ходить. Но врач ничего не хотел слушать. Кое-как я привел к нему отца. Врач внимательно посмотрел на него, потом сухо спросил:

- Что ты хочешь?

- Мой отец болен, - ответил я за него. - Дизентерия...

- Дизентерия? Это меня не касается. Я хирург. Идите! Освободите место для других!..

Протесты не помогли...

- Я больше не могу, сынок... Отведи меня обратно.

Я отвел его в блок и помог лечь. Его колотила лихорадка.

- Постарайся немножко поспать, папа. Попробуй уснуть...

Он дышал часто и трудно. Глаза были закрыты, но я знал, что он все видит. Что теперь он видит истинную суть вещей.

В блок пришел еще один врач. Но отец не захотел вставать. Он понимал, что бесполезно.

Этот врач приходил единственно за тем, чтобы покончить с больными. Я слышал, как он орал, что они бездельники, что им просто хочется поваляться в постели... Я мечтал схватить его за горло, задушить. Но у меня уже не было ни смелости, ни сил. Я был прикован к умирающему отцу. Я до боли сжимал руки. Задушить врача и всех остальных! Сжечь весь мир! Убийцы отца! Но я совершал эти злодеяния только мысленно.

Вернувшись после раздачи хлеба, я обнаружил, что отец плачет, как ребенок:

- Сынок, они меня бьют!

- Кто?

Я думал, что он бредит.

- Вот этот, француз... И поляк... Они меня избили...

Еще один удар. Еще новая ненависть. И еще меньше хочется жить.

- Элиэзер... Элиэзер... Скажи им, чтобы они меня не били... Я им ничего не сделал... За что они меня бьют?

Я стал ругать его соседей. Они смеялись надо мной. Я пообещал им хлеба, супа. Они хохотали. Потом они разозлились: говорили, что больше не могут выносить отца, потому что он не в состоянии выходить по нужде наружу.

На следующий день он пожаловался, что у него отняли хлеб.

- Пока ты спал?

- Нет. Я не спал. Они набросились на меня. Они отняли мой хлеб... Они меня избили... Снова... Больше не могу, сынок... Воды...

Я знал, что ему нельзя пить. Но он так долго умолял меня, что я сдался. Вода была для него самым страшным ядом, но что еще я мог для него сделать? С водой или без воды, все равно скоро наступит конец...

- Хоть ты-то меня пожалей...

Он просил, чтобы я его пожалел! Я, его единственный сын!

Так прошла неделя.

- Это твой отец? - спросил меня староста блока.

- Да.

- Он тяжело болен.

- Врач не хочет ничем ему помочь.

Он посмотрел мне в глаза.

- Врач *не может* ничем ему помочь. Как и ты.

Он положил мне на плечо свою тяжелую волосатую руку и добавил:

- Послушай меня внимательно, мальчик. Не забывай, что ты в концлагере. Здесь каждый должен бороться за свою жизнь и не думать больше ни о ком. Будь то даже твой отец. Здесь нет ни отцов, ни братьев, ни друзей. Каждый живет и умирает сам по себе, в одиночку. Вот тебе добрый совет: не отдавай больше свой хлеб и суп старику. Ты уже ничем не можешь ему помочь. А себя ты погубишь... Тебе бы следовало, наоборот, брать его пайку...

Я слушал его, не перебивая. Он прав, согласился я в глубине души, не решаясь самому себе в этом признаться.

Слишком поздно, отца уже не спасти, сказал я себе. Ты мог бы съедать две пайки хлеба, две порции супа.

Это продолжалось всего долю секунды, но я почувствовал себя виноватым. Я добыл немного супа и дал отцу. Но он ни за что не хотел его есть: он просил только воды.

- Не пей воды, поешь супа...

- Я изнемогаю... Почему ты такой жестокий, сынок?.. Воды...

Я принес ему воды. Потом вышел из блока на перекличку. Но тут же вернулся. Я лег на койку над отцовской. Больным разрешалось оставаться в блоке. Значит, я буду больным. Я не хотел оставлять отца.

Теперь вокруг стояла тишина, прерываемая лишь стонами. Перед блоком эсэсовцы отдавали приказания. Один из офицеров прошел между койками. Отец молил:

- Сынок, воды... Я горю... Внутри все горит...

- Тихо там! - заорал офицер.

- Элиэзер, - повторял отец, - воды...

Офицер подошел к нему и закричал, приказывая молчать. Но отец его не слышал. Он продолжал звать меня. Офицер с силой ударил его дубинкой по голове.

Я не пошевелился. Я боялся. Мое тело боялось, что и его тоже ударят.

Отец издал еще хрип, и это было мое имя: "Элиэзер".

Я видел, что он все еще дышит, хотя и с трудом. Я не пошевелился.

Когда я спустился вниз после переклички, его дрожащие губы продолжали что-то шептать. Я просидел больше часа, склонившись над ним, глядя на его окровавленное лицо и разбитую голову, чтобы навсегда запечатлеть их в своей памяти.

Потом пришло время ложиться спать. Я залез на свою койку, расположенную над отцовской. Он был еще жив. Это происходило 28 января 1945 года.

Я проснулся на рассвете 29 января. На месте отца лежал другой больной. Должно быть, отца забрали еще до рассвета и отправили в крематорий. Может быть, он еще дышал...

Над могилой отца не читали молитв. Не зажигали свечей в его память. Его последним словом было мое имя. Он звал меня, а я не откликнулся.

Я не мог плакать, и от этого мне было тяжело. Но слез уже не осталось. А если бы я тщательно пошарил в потаенных уголках своего затуманенного сознания, то, возможно, обнаружил бы там нечто вроде: наконец-то свободен!..

Глава IX

Мне пришлось пробыть в Бухенвальде до 11 апреля. Не буду рассказывать о своей жизни в этот период. Она больше не имела значения. После смерти отца меня уже ничто не трогало.

Меня перевели в детский блок, где нас было шестьсот человек.

Фронт все время приближался.

Я проводил все дни в полном безделье. Хотелось одного: есть. Я уже не думал ни об отце, ни о матери.

Иногда мне случалось мечтать. О ложке супа. О добавке.

5 апреля колесо Истории повернулось.

Близился вечер. Мы стояли внутри блока, ожидая, что придет эсэсовец нас пересчитывать. Он все не шел. Таких задержек еще не случалось на памяти заключенных Бухенвальда. Видимо, что-то произошло.

Два часа спустя громкоговорители передали приказ коменданта лагеря: всем евреям явиться на сборный плац.

Конец! Гитлер собирался выполнить свое обещание.

Дети из нашего блока направились к плацу. Ничего другого не оставалось: Густав, староста блока, убедил нас в этом с помощью дубинки... Но по дороге мы встретили заключенных, которые нам шепнули:

- Возвращайтесь к себе в блок. Немцы хотят вас расстрелять. Возвращайтесь в блок и сидите тихо.

Мы вернулись. А по пути узнали, что организация сопротивления в Бухенвальде решила не бросать евреев и помешать их уничтожению.

Из-за позднего часа и полной неразберихи (многие евреи выдали себя за неевреев), комендант лагеря решил устроить общую перекличку на следующий день. Явиться должны были все.

Перекличка состоялась. Комендант объявил, что лагерь ликвидируется. Ежедневно будут эвакуировать по десять блоков. С этого момента нам уже не выдавали ни хлеба, ни супа. И началась эвакуация. Каждый день несколько тысяч заключенных выходили за ворота лагеря и больше не возвращались.

10 апреля нас оставалось в лагере еще тысяч двадцать, в том числе несколько сот детей. Было решено эвакуировать нас всех одновременно. Все должно было закончиться вечером. Затем лагерь предполагалось взорвать.

И вот мы собрались на огромном лагерном плацу, построившись в колонны по пять и ожидая, когда откроются ворота. Вне-

запно завыли сирены. Тревога. Мы снова разошлись по блокам. Было слишком поздно, чтобы эвакуировать нас в тот же вечер. Эвакуацию перенесли на следующий день.

Нас мучил голод. Мы уже почти шесть дней ничего не ели, если не считать траву и картофельные очистки, найденные около кухни.

В десять утра эсэсовцы забегали по лагерю и принялись сгонять на плац своих последних жертв.

Тогда участники сопротивления решили действовать. Неожиданно повсюду появились вооруженные люди. Автоматные очереди. Разрывы гранат. А мы, дети, лежали на полу в блоках.

Бой был коротким. К полудню опять стало тихо. Эсэсовцы бежали, а участники сопротивления взяли управление лагерем в свои руки.

Около пяти вечера у ворот Бухенвальда появился первый американский танк.

Став свободными людьми, мы прежде всего набросились на еду. Ни о чем другом мы не думали. Ни о мести, ни о родных. Только о хлебе.

И даже когда мы наелись, о мести никто не думал. На следующий день несколько молодых ребят отправились в Веймар в поисках картошки и одежды, а потом - к девицам. Но ни малейшей мысли о мщении.

Через три дня после освобождения Бухенвальда я тяжело заболел: это было пищевое отравление. Меня отправили в больницу, где я провел две недели между жизнью и смертью.

Однажды, собравшись с силами, я смог подняться. Мне хотелось посмотреться в зеркало, которое висело на стене напротив. Я не видел себя со времен гетто.

Из зеркала на меня глядел мертвец.

С тех пор его взгляд не оставляет меня.

КСАНА РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

Неуж от радости плясать,
Неуж от радости скакать,
Неуж от радости кричать
А неужели - нет?
Иль нам от горя помирать,
Иль только слезы собирать?
Да уж, конечно, нет.
Взгляни на леса горизонт,
Взгляни на самолет,
Взгляни на горного коня,
Взгляни хоть на меня.
Ты на меня взгляни опять, -
Так вот тебе ответ:
Неуж от радости плясать,
А неужели - нет?

ПОЕЗДКА К ПУШКИНУ

Окружал верхушкой лес,
И готовы были срубы
Только не дымили трубы,
Этих незнакомых мест.
Плыли воды вдоль дороги,

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ Ксения Юрьевна - русский поэт. Годы жизни в Париже, как и вообще на земле, сказались на ее творчестве самым счастливым образом. Много лет назад я решил: если когда-нибудь стану редактором, непременно напечатаю эти стихи. Очень рад, что Ксана и я дожили до этого дня. -

Вардван Варжапетян

Куры отставляли ноги,
Осветлялся тонкий ствол,
В доме накрывали стол.
У промытого окошка,
Убегала вдаль дорожка,
За сиящим огнем,
Там, за северным плетнем,
По земле, в лесу, по водам.
Многоместным скороходом
Мчались золотые дроги
Отражался черный лес
В черных водах вдоль дороги.

ГЕНИИ

По мартовскому континенту
С беспечностью интеллигента
С уверенностью автострады
Вот близится твоя отрада
Твоя тревога и блаженство
Невиданное совершенство

Торжественное как природа
В грамматике мужского рода

И заполняя пустоту
Он изгоняет простоту
Из упрощенных поселений
Загадочный и сложный гений
Что как последняя осинка
Боролся в округе инстинкта
Где он никак не умещался
И постоянно возвращался
На этот странный континент
Где что момент, что ни момент
Все перекрещивает зыбко
Резвящаяся золотая рыбка

Весьма изысканного вида
И два особых индивида:
Мужчина и его подруга
Которые глядят друг в друга
Так неподвижно и влюбленно
Как две ростральные колонны.

А гений, опустивши веки
Сидит в тени библиотеки
И ждут его аплодисменты
Признательного континента.

***

По направленью, без воды
Под парусами
Фарватер выстроил следы
Меж корпусами
И путеводным кораблем
Морской рябинки
Чудоковатым серебром
Одной тропинки
Звенело озеро во сне
Акульим звоном
И ясень расцветал во мне
В снегу зеленом
Все путалось в сплошном снегу
Ворона метко
Свалила на спину врагу
Сухую ветку
И вновь открылся перевал
Блестящим взорам
Всем утонувшим деревам
В ночных озерах

***

Нет, почему я не певица
С ночным певцом и микрофоном
И почему я не певец
С его чудесным микрофоном
С его оркестром, подчиненным
Холодному земному лету.
Я б в ночь отправила ракету
И вознесенный акробат
Вернулся прямо на Арбат,
Как скрученный осенний лист,
Зачем я не эквилибрист?
Все потому что осени листва,
Как ночью ухающая сова,
Где высший класс
Совиный ухающий глаз.

ПРИ ВЫХОДЕ ИЗ ДОМА ЛИТЕРАТОРОВ

Я все об этом размышляю,
Какие мокрые дома,
Какая скользкая мозаика
И для чего теперь зима.

Хоть снег валится на макушку,
Рассыпав соли вещество,
Под снегом прыгнула лягушка,
Летающее существо.

И в ожидании полета
Взлетел, взлетел вишневый сад,
Без января, без самолета
Опять летает снегопад.

Расправит будущие листья
Ледок зазубренных остей
В покое неспокойной мысли
И в ожидании гостей.

О ПОЭТЕ

Памяти О. МАНДЕЛЬШТАМА

Зоологический музей при свете,
Хребты зоологических зверей,
И чудный двор при университете,
И желтый свет московских фонарей.

Ты проходил здесь, может быть и ночью,
Ты проходил и видел все воочью:
Трамваев померещившихся гам,
Церквей, присущих всяческим богам,
Мне нужно бы тебя сегодня встретить,
В толпе седой единственно приметить,
Остановить, поклясться и обнять,
И отпустить, и догонять опять,

И обещать, что будет вдохновение,
И у тебя спросить благословения,
При знамени приспущенном стоять,
И помнить, и любить, и прославлять.

***

Каштаны, говоришь, каштаны
Каштаны, говоришь, в Сокольниках каштаны
Капель в Сокольниках, я говорю, капель
Я говорю, олений зов, олений

Балконы, говорю, в Сокольниках, балконы
На них повешены заветные знамена
Олений вал в Сокольниках, олений
И непотнятность наших устремлений
Я говорю, откройтесь мне, Сокольники,
Разбойники
Каштаны, говоришь, каштана веточка
Вот на столе каштана ветка, вот она
И рядом с тополем и рядом с вербою
Каштан - ведь это лист медвежьей лапою,
Ведь это свет настольной белой лампою
Каштан - ведь это лист, помимо прочего
Из недалекого, из прошлого
Как вкус давнишний дедовский наливочный,
Ствол у каштана сливочный
Каштан - заветный вид,
Каштан - мечтательство,
Быть может риск, быть может плот
Каштан - разумный плод, орех разумный
Каштан бесплодный - индивид бездумный
Тот вид - ускоренная быстрота
Ведь это наша, наша широта.
Каштаны, говоришь, каштаны, говоришь,
в Сокольниках
Откуда бы им взяться в этих вот Сокольниках
Они, каштаны, более пьяны,
Чем лозовые, ждущие весны.

***

Ждет каштан горбатою уздечкой
Дождь окутывает голову и - сплин.
Так жила бы и жила здесь вечно
Средь московских дождевых долин.

Не грозит тем листьям промоканье,
Мелким бисером украсит их вода,
Раздробит единое сиянье
Мокрая блестящая слюда.

Радугой возникшего фонтана
Вскрикнет солнца вешний поворот,
Мягкий лист весеннего каштана
Лето повернет наоборот.

Только ты, лукавенький соколик,
Купидон, мечатель и боксер,
Не придешь в дождливые Сокольники
Под покровом мира мокрых пчел.

МАРЬИНА РОЩА

Старых домов этот ряд,
Где всюду окна горят,
Где в каждодневном дворе
Купы деревьев стоят
В самой лучшей поре.
Остов сожженного дома,
Как эманация дыма,
Как результаты набега,
Возникновен из-под снега
Некий подснежный хоральчик,
Как золотой одуванчик,
Снова повергнутый в ряд,
Как из концертного зала
Скрип деревянного жара,
Верностью древнего юга,
Зелень дворового луга
В мае холодного лета -
План городского портрета.

КОСМОНАВТ

Вот он уже на луне,
Космонавт,
На ее половине львиной,

Вот он спускается с неба
Походкою длинною,
Словно идет по лугам
И альпийским долинам.
Небо и сине, и хмуро,
А он,
Сложным путем увлечен,
С предупреждающей улыбкою Амура,
С очами круглыми безумного лемура,
С ясной идеей, нисколько пока
не нарушенной,
С челкой подстриженной и надушенной,
Что обещает покой
С парты вскочивший воронежской или липецкой,
Сеятель, деятель древнеегипетский,
Что приумножил безмерное состояние, -
Ждет появление Северного сияния,
Полный неведомой силой космической,
Что измеряется цифрою астрономической,

И оглашаются сферы стенаниями,
Обуреваемый воспоминаниями:
Что ж, мамочка моя в могиле,
Когда я в самой, самой силе...

Вдруг обернется Офелией или Морозкою
Древнеегипетский муж
со своею повозкою,
Слон,
В мире стройная глыба,
Рожденный под знаком Рыбы.

* * *

В их действиях достигнуты границы,
как скажет их любимый Кантемир,

как скажет Кант,
как защебечут птицы
в акациях системы Антимир,
им слышен шум бессонного вещанья,
им ясен путь прозрений видовых,
они оставят в виде обещанья
очарованье света ВАС двоих.
Где синих глаз голубизна такая,
где серых глаз такая синева,
что там весна с морозного Алтая,
и точкою земного рождества
здесь волны встреч
и взрывы ожиданья,
здесь танец свеч
и вешний самолет,
рокочущий о взрыве созиданья,
сам уходя в неслыханный полет.

О КОСМОСЕ

Слушаю космические сказы,
Слушаю космические волны,
До чего солидны эти вязы,
До чего печальны эти вороны.

Очень красны осенью рябины,
очень желты голые деревья,
Очень громок говор воробьиный,
Воровских котов ясны поверья,

Все сухи ноябрьские дороги,
Ломки травы уж под снегом -
недотроги,
Темны окна, что светлеют незабвенно,
Выгнуты нордически антенны.

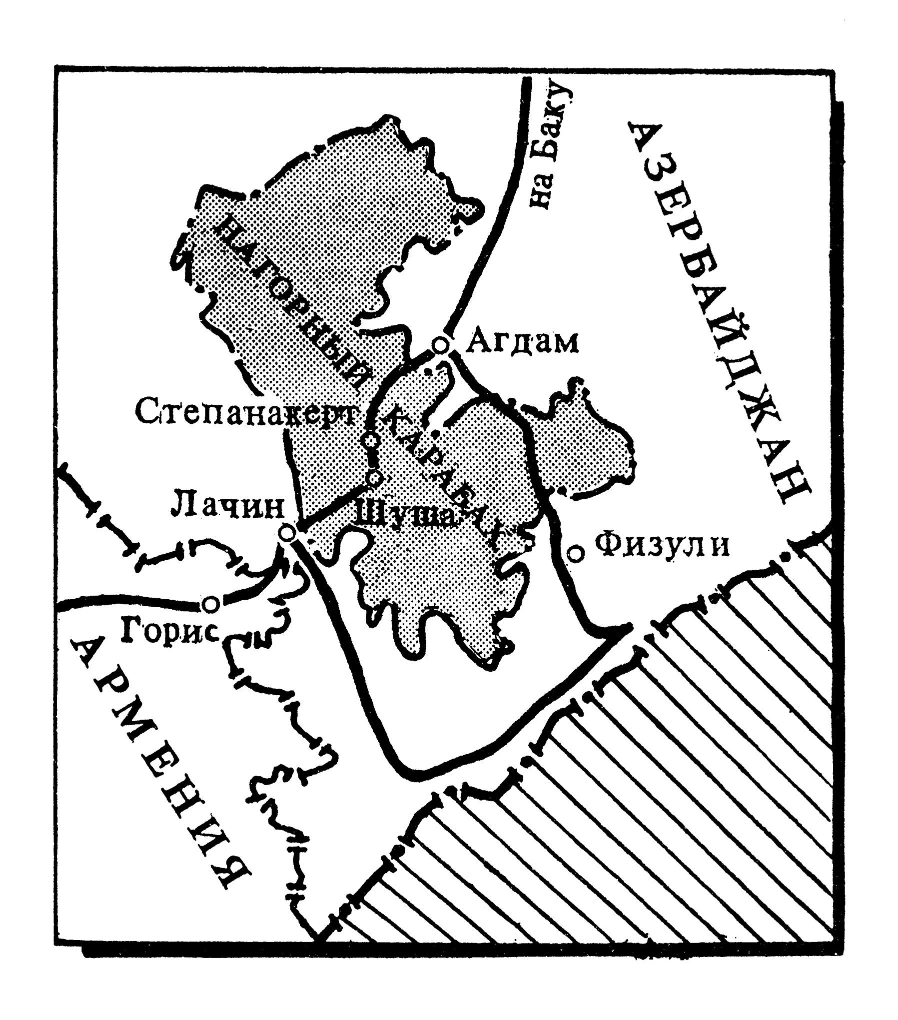
Слушаю космические сказы -
Видно, во-время приходят волны,
Я их жду, и солнечны наказы,
Мы на месте - сферы неспокойны.

РУССКИЙ АЛФАВИТ

Аб
Вгд
Ежз
Икл
Мн
Опр
Стуф
Хцч
Шщ
Эюя
Из этих букв состоит наша литература
плюс буквы *ь ъ е й*
и еще
Ы

КАРАБАХСКИЙ УЗЕЛ:

РАЗВЯЗЫВАТЬ ИЛИ РУБИТЬ?



ПРЕЗИДЕНТУ ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ГОСПОДИНУ ТУРГУТУ ОЗАЛУ

Досточтимый господин президент!

Неразумное противостояние в Арцахе (Нагорном Карабахе) грозит окончиться пирровой победой. Гордиев узел взаимных обид, похоже, не удастся разрубить, но развязать его можно. Обращаясь к Вам, как к возможному лауреату Нобелевской премии мира, смею надеяться, что мир будет потрясен великодушием здравого смысла, а именно - Вашим участием в ликвидации опаснейшего очага межнациональных конфликтов. Еще есть время, хотя каждый час промедления уносит чью-то жизнь. Но необратимость куда страшнее.

Нагорный Карабах из символа неразрешимости противоречей может, благодаря Вам, стать символом доброй воли. Ваш голос слышен в мире, к нему прислушиваются президенты Армении и Азербайджана. Прошу Вас обратиться к ним, ко всем враждующим сторонам с призывом превратить Нагорный Карабах в зону свободного предпринимательства для всех стран и народов.

У многих народов Кавказа существовал древний обычай: если женщина, сняв с головы платок, бросала его между врагами, мужчины опускали оружие; если мать убитого усыновляла убийцу, прекращалась самая страшная вражда - кровная месть. Сегодня наступил час проявить мудрость и великодушие мужчинам. Должен же кто-то остановить кровь, отвести от Карабаха смерть.

Печально, что все предыдущие попытки примирить враждующие стороны оказались бесплодными, но мир XX века знает примеры торжества разума над безумием вражды. Достаточно вспомнить усилия США и Вьетнама, Египта и Израиля. Огромное значение имело признание исторической вины немецкого народа перед евреями. Долготерпению человеческой памяти можно принести извинения и низким поклоном на виду у всего мира, как это сделал недавно премьер-министр Японии.

Армяне помнят черные дни своей истории. Равным образом и Турция не может отречься от прошлого. Но минувшее не должно довлеть над будущим, брать его в заложники. Цивилизованным нациям Европы уместно решать все спорные вопросы в Европейском парламенте и Международном суде. Но, принеся свои сожаления по поводу исторической несправедливости Турции в отношении армянского народа в прошлом, Вы, господин президент, открыли бы новые перспективы в развитии добрососедских отношений между двумя странами.

Первым президентом Турецкой республики стал Мустафа Кемаль, названный Ататюрком - Отцом турок. Он был не только политическим деятелем, но и поэтом. Тогда в нем возобладал политик. Возможно, теперь в нем заговорил бы поэт.

Целостность нашего хрупкого мира зависит от посильных стараний каждого, - именно вера в это и позволяет мне обратиться к Вам.

Ашот САГРАТЯН,
поэт и художник
6 февраля 1992
Москва

НЕОБХОДИМОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ

Это письмо Ашота Сагратяна редакция предполагала напечатать в первом номере "Ноя", и оно было набрано, сверстано, но совершенно фантастическим образом исчезло со страниц вестника при печатании тиража.

Не пытаясь оправдаться перед автором, перед господином президентом Тургутом ОЗАЛОМ и, конечно, перед читателями, не считая приличным искать других виновников случившегося недоразумения, кроме самих себя, сотрудники редакции приносят Ашоту САГРАТЯНУ свои извинения в надежде, что он по-прежнему останется другом и автором "Ноя".

Редакция

НАЦИОНАЛЬНЫЕ НЕВРОЗЫ И КАРАБАХСКАЯ ВОЙНА

Доктор исторических наук Дмитрий ФУРМАН отвечает на вопросы редактора вестника "Ной" Вардвана ВАРЖАПЕТЯНА.

ВАРЖАПЕТЯН. Дмитрий, можно ли говорить о национальном характере, в частности - армянском и еврейском, или все разговоры на эту тему лишь пустая трата времени? Почему попытки описать национальный характер часто приводят к сомнительным результатам?

ФУРМАН. А разве не так же обстоит дело с попыткой описать характер индивида? Индивидуальность человека, единство личности во всех ее реакциях и проявлениях, вплоть до почерка - очевидны и относительно легко схватываются нами. Но попытайся мы это выразить словами, сразу же поймем, что слов не хватает; "добрый - злой", "умный - глупый", "красивый - некрасивый" - все подобные характеристики очень сомнительны. Поэтому психология их не использует, а изобретает свои термины, тоже, впрочем, насколько я представляю, не совсем точные. Вот почему разговоры о национальном характере часто превращаются в пустословие, в восхваление "традиционного" гостеприимства (русского, грузинского, узбекского и т.д.), "свободолюбия" или, наоборот, в оскорбление народа: "жадные" евреи, "хитрые" армяне, "вороватые" цыгане. Конечно, это не означает, что национальных характеров нет, но их очень трудно выразить словами. Любой специалист по русской живописи без труда различает произведения Репина, Левитана, Врубеля, даже если видит картину впервые, а вот слова, описывающие интуитивный механизм определения стилевого своеобразия художника, найти крайне сложно.

Есть единство и уникальность личности, свободной изменяться в результате различных обстоятельств, но изменяться в определенных рамках, часто даже создающих сами обстоятельства, которые человек иногда принимает за "перст судьбы".Как сказано: "Человек - это стиль", "Судьба - это характер". Точно также существует единство и уникальность "личности" народа, проявляющиеся во всех аспектах - от спорта и музыки до политики и экономики, и также меняющиеся в ходе истории (биографии народа), однако сохраняя "ядро" национального характера, во многом определяющего ход истории народа.

ВАРЖАПЕТЯН. Откуда же берется характер, что его определяет?

ФУРМАН. Думаю, здесь также полезна аналогия индивида и нации. Прежде всего, обратим внимание на то, что чем ближе мы по времени к истокам, к началу формирования личности, тем шире веер возможностей и тем важнее для будущей личности осуществленный выбор. Самые важные для человека события происходят задолго до его рождения; встреча его родителей - уже ограничение бесконечности. Зачатие - еще одна определенность из великого множества возможностей.

Нечно подобное, видимо, происходит с народами. Евреев вообще могло не быть, если б не было каких-то очень смутно, через рассказы Библии, известных нам обстоятельств Исхода. Предков армян на их пути в земли Урарту могли остановить другие народы. Когда возникает народ, возникает его самосознание ("мы - евреи", "мы - армяне", "мы - русские"), т.е. реализуется лишь одна из множества возможностей.

ВАРЖАПЕТЯН. И дальше, видимо, происходят новые сужения возможностей, новый выбор, как и в жизни каждого из нас?

ФУРМАН. Безусловно. Когда рождается человек, его личность и его будущее во многом уже предопределены генетически, хотя известно, какую громадную роль в становлении личности играют обстоятельства раннего детства. Так же и с этносами. Возникла группа семитов, бежавших из Египта, от "Египетского рабства", у которой было общее самосознание: "мы - евреи", "мы - дети Авраама, Исаака и Иакова", но (если не говорить о божественном предопределении) вряд ли можно утверждать, что завоевание ими Палестины было предопределено. Между тем история Исхода и завоевание Палестины - события, в громадной степени определившие душу евреев, это как бы самые сильные детские впечатления, отразившиеся и на сознании, и на подсознании еврейского народа. Точно также были какие-то племена, которые могли не дойти до Урарту, погибнуть, свернуть по дороге, просто остановиться, но они дошли и поселились в этих горах, которые стали их родиной. А кто знает, как шла экспансия восточнославянских племен на территории нынешней России и какие здесь были альтернативы?

Подросток - это уже практически сформировавшаяся личность, его возможности выбора ограничены, но они есть. Наверное, ни вы, ни я не могли бы стать профессиональными военными. Я бы никогда не смог стать инженером. Но то, что я поступил на исторический факультет , а не на филологический или философский того же Московского университета - в общем-то случайность, а ведь вместе с факультетом я выбрал бы не только иную профессию, но иных друзей, иные мысли, даже другую жизнь. А выбор будущей жены или мужа?!

Так и народы, даже в какой-то мере сформировавшиеся, совершают важнейший для их дальнейшей судьбы выбор - например, выбор религии. Правда, у евреев его не было - иудаизм формировался вместе с еврейским народом и неотделим от него, хотя и здесь, конечно, реализовался лишь один из вариантов религиозного развития. А какую роль в истории армян значило то, что армянская церковь отвергла в V-VI веках "православную" христологию, сделав тем самым армян еретиками для православных и католиков.

ВАРЖАПЕТЯН. Общеизвестны притеснения армян за их "ересь" со стороны других христианских государств (например, Византии), но, интересно, что армян не допускали и в русские церкви, священникам под угрозой лишения сана запрещалось венчать русских с армянами, крестить детей от смешанного брака. Архимандрит Аграфений, совершивший в XIV в. паломничество в Святую землю, называет армян "проклятыми еретиками".

ФУРМАН. Мне очень нравится легенда, как князь Владимир выбирал веру, она передает самую суть - выбор одной из вер, выбор в громадной степени случайный, без ясного понимания отдаленных последствий (как все человеческие выборы) и одновременно действительно судьбоносный. Между прочим, есть и у хазар похожая легенда, только там каган выбрал иудаизм.

ВАРЖАПЕТЯН. Князь Владимир отверг западное христианство, ислам и иудаизм, выбрав византийское христианство. Но мог ли он выбрать, например, ислам?

ФУРМАН. А почему нет? В каких-то мусульманских хрониках есть записи, что Русь приняла ислам - возможно, это отголоски далеких, исчезнувших из исторической памяти событий, - допустим, кто-то из князей принял ислам, или какие-то общины. Даже иудаизм князь Владимир мог принять, - в конце концов, это не более абсурдная вероятность, чем выбор иудаизма тюркскими кочевниками хазарами. Как, впрочем, и выбор армянами монофизитства. Приняв христианство, русские избрали свою судьбу, избрали самих себя как нацию, ибо католическая или исламская Россия - это совсем другая страна, так же как стали бы другими вы и я, избери мы совершенно другие жизненные поприща.Как и армяне в громадной мере избрали свою судьбу, выбрав монофизитство.

Конечно, нельзя слишком увлекаться аналогиями между личностью и нацией, - например, возраст в жизни народа имеет куда меньшее значение, чем в жизни человека, срок жизни которого отмерен вариантами средней продолжительности, а главное - самим осознанием своей смертности. Деление народов на "старые" и "молодые" весьма условно и мало что значит. Энергично входящие в современный мир китайцы Тайваня, Сингапура и самого Китая, кто они - юная нация или древняя? В современной цивилизации

все большую роль играют силы, не разъединяющие народы, а сближающие, да и сама национальность сегодня в меньшей степени определяет психологию и поведение человека, чем в прошлом.

БАРЖАПЕТЯН. Теперь мы вплотную подошли к очень интересному вопросу. Мы признали, что национальный характер есть, хотя описать его невероятно трудно, как невозможно до конца, исчерпывающе объяснить словами любую индивидуальность, любое неповторимое явление. Мы согласились, что такие понятия, как "храбрый", "добрый", "талантливый" мало применимы к нациям, - они и в человеке мало что объясняют. И тем не менее мы все-таки оставляем за собой моральную оценку если уж не самого индивида, то его поступков, и говорим о патологиях, отклонениях в поведении, психике. Но можно ли говорить о неврозах и фобиях целых народов, например, евреев и армян?

ФУРМАН. Думаю, можно, ибо сама природа возникновения невроза у человека и у народа весьма сходна - часто это пережитое страшное событие. Представьте женщину, которую зверски изнасиловали, когда она возвращалась ночью домой, шла через лес. В большинстве случаев это означает неизлечимую психическую травму, страх перед темнотой, перед лесом, страх (иногда и ненависть) перед мужчинами, возможна даже неприязнь несчастной к самой себе, как нечистой, грязной. Нормальный человек просто не способен пережить такое без последствий для психики.

Но здесь я хотел бы подчеркнуть один важный момент: то, что пережили евреи и армяне в XX веке, они сами, да и другие народы, уже переживали в древние и средние века. Еврейская история - вообще в громадной мере летопись изгнаний и преследований, но иудаизм спасал народ от массовых неврозов. Еврейская религия давала силы пережить все несчастья, ибо сами евреи верили: все беды на их голову - лишь испытания, посланные Богом избранному народу, а, значит, "нормальны", в конце концов обязательно придет Мессия и обетования Бога своему народу исполнятся. "На следующий год - в Иерусалиме".

Сложности начинаются, когда слабеет вера, когда наступает процесс секуляризации нации, - вот тут начинаются еврейские (армянские и какие хотите) муки: объяснить уже в секулярных терминах происходящее, а если это не удается сделать, страдания становятся бессмысленными, иррациональными, и страх все нарастает. Наверное, страх - одна из причин невероятных успехов евреев, стремившихся, получив образование или нажив капитал, достичь безопасного положения в обществе. Но напрасно! Чем больше успехи, слава, капитал, тем сильнее зависть и ненависть, тем ужаснее погромы и еще исступленнее стремление евреев избавиться от ставшей бессмысленной и опасной "избранности", - это и есть один из психологических источников сионизма, который, по

словам Мартина Бубера, стал попыткой классифицировать неклассифицируемое. Сионизм - это мощное волевое приведение себя в норму, превращение евреев в нормальный народ с собственным государством. Ощущение "ненормальности" (в корне отличное от чувства "избранности") пронизывает сочинения идеологов сионизма Л.Пинскера, Аарона Гордона и других,причем о силе этого чувства можно судить по той титанической работе, которую совершил сионизм. Сионизм сотворил "чудо" и чудо это приблизительно совпадало во времени с самым ужасным испытанием, выпавшим на долю еврейского народа. Немыслимым волевым усилием этот народ возродился в новом облике, новом бытии - в новом Израиле.

Разумеется, создание государства не сняло все еврейские комплексы, фобии, неврозы. Израилю пришлось вести упорную борьбу за свое существование, пережить войны, и только после войны Судного дня (1973) и Кемп-Дэвида (1978) появились первые, постепенно крепнущие, признаки того, что спокойная жизнь Израиля все же возможна. Давид Бен-Гурион, один из выразителей идей "нормальности", был счастлив, узнав, что в Израиле появились проститутки - для него они стали еще одним признаком нормальной жизни.

ВАРЖАПЕТЯН. Владимир Жаботинский и Хаим-Нахман Бялик в разных выражениях требовали даровать еврейскому народу право иметь собственных мерзавцев. По одной из легенд, когда Бялика обокрали в Тель-Авиве, он бежал по улице и радостно кричал: "У нас тоже есть свои воры!"

ФУРМАН. Невроз быстро появляется, а избавиться от него невероятно трудно. Поэтому и евреи Израиля полностью не избавились от страха перед возможностью повторения геноцида, теперь уже - арабами, этот страх постоянно фиксируют опросы общественного мнения в Израиле, он проявляется и в комплексе Израиля как государства-гетто, осажденной крепости, Масады. А евреев диаспоры периодически захлестывают волны страха перед антисемитизмом, погромами (у нас, например, "Память" была воспринята евреями совершенно неадекватно и вызвала реацию, явно превосходящую реальную угрозу со стороны младочерносотенцев). И тем не менее объективная нормализация положения "залечивает" психику евреев - в Израиле быстрее, чем в диаспоре, но и в диаспоре тоже.

ВАРЖАПЕТЯН. А армяне? Как можно обозначить их неврозы?

ФУРМАН. У армян много общего с евреями. У тех и других - совпадение национальности и религии, но у евреев полное, а у армян - относительное. Из-за этого оба народа так трудно подда-

ются ассимиляции, так развили в себе исключительную стойкость выживания, оказались рассеянными по всему миру . Оба народа, как диаспорические, усиленно и успешно занимались коммерцией, торговлей; есть, вероятно, сходство экономической роли армян в Турции, Иране и евреев в Польше, Германии. Оба народа, как правило, культурнее и восприимчивее к новому, чем их соседи; оба становятся "козлами отпущения" для народов, среди которых разбросаны армянские и еврейские общины. Но у армян все, если так можно выразиться, "мягче": связь религии и этноса не такая прочная; их роль в духовной и экономической жизни нового времени гораздо меньше, чем евреев; евреи пережили самый настоящий геноцид, армяне же скорее чудовищных масштабов погром; евреи полностью утратили свое государство, землю, даже язык и два тысячелетия спустя воссоздали независимое государство на своей исторической родине, армяне же и не полностью утратили родину, и государство независимое создают только сейчас, после распада СССР. То есть евреи (так уж получилось) оказались "ненормальнее" армян, но зато они и пережили больше великих свершений, больше побед, чем армяне.

Страшные события 1915 года, принесшие неисчислимые бедствия армянскому народу, не могли не породить (или усугубить) в нем болезненного страха, что пережитые ужасы могут повториться, боязнь и подозрительность к "диким" соседям-мусульманам, естественную (но ненормальную) враждебность к туркам и азербайджанцам.

ВАРЖАПЕТЯН. Недавно прочитал в газете "Армянский вестник" репортаж о Нагорном Карабахе, перепечатанный из "Либерасьон". Французский корреспондент беседует с армянским партизаном Хачиком, и тот спрашивает журналиста: "Назовите мне имя хотя бы одного азербайджанца или турка, который привнес бы что-нибудь в человеческую культуру?" Поскольку ни французский журналист, ни сотрудники газеты не ответили Хачику, я написал письмо в редакцию, где назвал великих азербайджанских поэтов: Низами, Хакани, Физули, назвал Назыма Хикмета, которого очень люблю. Дмитрий, я могу представить азербайджанца, ненавидящего армян, но азербайджанца, задающего такой идиотский вопрос, не представляю. Мало того, я заметил, что в среде армянской интеллигенции стало чуть ли не обязательным поддакивать невеждам, соглашаться с нелепостями и россказнями об азербайджанцах, "научно" аргументировать чушь и небылицы. В Ленинакане, разрушенном землетрясением, мне довелось слышать, будто это военные устроили невероятной силы взрыв, чтобы погубить армян (другая версия: о землетрясении предупреждали японцы, но Москва скрыла сигнал тревоги).

ФУРМАН. То, о чем вы говорите - чисто невротические, болезненные проявления, переходящие уже в манию преследования. Эти неврозы и фобии породили в армянах сильнейшее, но долгое время остававшееся подавленным, стремление к реваншу. Помните "Уроки Армении" Андрея Битова, то место, где он разглядывает атлас?

Сейчас мне все это представляется в ином свете, чем тогда, когда я впервые читал книгу Битова. И со мной случилось нечто подобное, - я был аспирантом, интересовался историей Армении, и однажды в исторической библиотеке листал атлас, о котором рассказывает Битов. Увлекся, и вдруг слышу: "Да, вот какой великой была Армения и вот какой стала. Но народ этого не забыл!" Говорил студент-армянин, которого, как магнитом, притянул атлас. И вот при первых трещинах в твердыне "нерушимого" Союза ССР, при первом дуновении свободы в 1988 г. в Армении со всей силой вырвались эти невротические, болезненные чувства. По моему мнению, все рациональные объяснения карабахского конфликта проясняют лишь второстепенное, но не главное, пытаются "рационализировать" иррациональное; в основе мощного, объединившего весь народ в едином порыве движения - невротический страх и навязчивое желание реванша. Народ устремился в пропасть. Ринулся именно туда, чего так стремился избежать.

Одна из особенностей невротического поведения блестяще показана К.Хорни в ее книге "Невротик нашего времени": поведение невротика просто неотвратимо приводит его именно к тем последствиям, которые он стремится избежать. Например, женщина, не верящая, что ее любят, требует все новых заверений и доказательств, стремится всеми силами привязать к себе мужчину, причем стремится к этому так навязчиво, что добивается прямо противоположного: любовь мужчины исчезает, он ее бросает, и тогда женщина говорит: "Я так и знала, - меня никто не любит!"

Что преследовало армян, не давало покоя? Страх повторения 1915 года, страх своей слабости - он-то и породил карабахское движение. И к чему это привело? В Азербайджане жили сотни тысяч армян (десятки тысяч в одном Баку), получали образование, занимали хорошие должности, были известными людьми. Конечно, в какой-то степени азербайджанцы угнетали армян, но вряд ли больше, чем русские украинцев, литовцы - поляков, чукчи - эскимосов и т.д., причем процесс демократизации открывал громадные возможности улучшить положение армян Азербайджана. Но что вышло, мы знаем. Случилось именно то, чего армяне больше всего опасались - ужас резни 1915 года настиг их в Сумгаите в 1988 году!

А теперь, Вардван, давайте на минуту представим, что могло произойти, не прими 20 февраля 1988 года сессия Верховного Совета Нагорно-Карабахской автономной области (точнее, депута-

ты-армяне) решение о выходе НКАО из состава Азербайджана? Не было бы Сумгаита, погромов в Баку и Гяндже, депортации беженцев, блокады, разрухи, а главное - в о й н ы, конца которой не видно.

Спокойнее и гораздо эффективнее шли бы демократические процессы в Азербайджане, причем роль армян в республике, конечно, была бы весьма заметной и значительной, была бы фракция армян-депутатов в меджлисе, были бы армяне-министры, были бы гарантии безопасности для армян Нагорного Карабаха, была бы армянская пресса в Азербайджане и т.д. Не сомневаюсь, что и армянская диаспора тогда могла бы оказать помощь гораздо более весомую и результативную.

Четыре года войны в Карабахе... Допустим, что пожертвовав сто тысяч жизней, армяне победят, создадут второе армянское государство на Кавказе, которое объединится с Арменией. И что дальше? Ведь ясно, что Азербайджан никогда не смирится с этим. И Турция, конечно. Такая "победа" отбросит (уже отбросила) обе враждующие стороны в средневековье, Карабах постоянно будет лихорадить, дестабилизировать все Закавказье, вызывая недоверие соседних стран: а где гарантии, что завтра армяне не потребуют Арарат?

ВАРЖАПЕТЯН. Почему вы считаете, что создание государства Израиль привело к нормализации еврейского сознания, а карабахское движение сравниваете с национальным неврозом?

ФУРМАН. Тут нет ничего обидного для армян. Сионизм тоже порожден закомплексованностью евреев, но его пафос - стремление к нормализации. Выступая перед молодыми сионистами в 1944 году, Давид Бен-Гурион говорил: "Наша революция направлена против судьбы, против уникальной судьбы уникального народа". Сионизм стремился вовсе не к "реваншу" и не был направлен против арабов (хотя антиарабские настроения, конечно, были) - он хотел самого трудного: осуществить право евреев жить как все народы, а для этого надо было совершить подвиг, чудо.

Пафос карабахского движения другой. У армян было "полугосударство", и если бы они стремились просто к независимости, они создали бы независимое и сильное государство. Но будем говорить честно: они стремились прежде всего к реваншу, к экспансии, а путь реванша - это путь бесконечного продления вражды, движение не к нормальной жизни, а от нее.

ВАРЖАПЕТЯН. И не нашлось никого, кто бы предупредил армян, что они мостят дорогу в ад?

ФУРМАН. Такие люди были. Горбачев предупреждал. Помню, как Михаил Сергеевич, обычно невозмутимый, впервые на глазах у всех был в истерике - на заседании Президиума Верховного Совета СССР, куда были приглашены посланцы Армении и Азер-

байджана. Да, армянская депутация выглядела представительней и симпатичней - академики, выдающиеся умы! Но как снисходительно, с каким высокомерием и раздражением они слушали Горбачева: "По какому праву он объясняет нам, армянам, что лучше для армянского народа?!" А ведь Горбачев был прав, но у него, увы, не нашлось убедительных доводов и слов, хотя и того, что он тогда сказал, было достаточно, - ведь он обещал армянам выполнить все их требования, кроме передачи Карабаха, чего он просто не мог сделать, ибо это все равно означало войну в Закавказье, и вдобавок послужило бы сигналом к перекройке границ во всем СССР, превратило бы страну в кровавое месиво.

ВАРЖАПЕТЯН. Я прекрасно помню заседание Президиума, о котором вы говорите. Тогда я воспринял позицию Горбачева как нежелание партийного вожака ссориться с партийной верхушкой Азербайджана и стремление преподнести "урок" "непослушной" Армении.

ФУРМАН. Горбачев был прав и он предупреждал, а армянские академики, возможно, в сто раз более культурные, были не правы и среди них не нашлось никого, кто бы попытался спокойно взвесить все последствия начинавшейся тогда борьбы за Карабах.

ВАРЖАПЕТЯН. Дмитрий, вы считаете, что армянская интеллигенция несет моральную ответственность за карабахскую войну?

ФУРМАН. Когда говорят о моральной ответственности, о долге интеллигенции перед народом, в этом есть что-то от представлений прошлого века, от народничества. И все-таки какая-то ответственность есть, - академики обязаны смотреть дальше обывателя, быть дальновиднее, мудрее, осторожнее. Между тем, насколько я себе представляю, спичку в пороховой погреб бросила именно армянская интеллигенция, ее верхушка.

В недавнем интервью газете "Комсомольская правда" Гейдар Алиев утверждает, будто через две недели после его отставки в конце октября 1987 года в Париже выступил академик Абел Аганбегян с заявлением о необходимости присоединить Нагорный Карабах к Армении, сказав, что этот вопрос согласован с Горбачевым. Что тут правда, а что нет, сказать не берусь, но как московская интеллигенция была охвачена карабахскими страстями, я знаю очень хорошо. На разжигании массового психоза делались политические карьеры, и почему-то ни одному журналисту не пришло в голову задать теперешним армянским лидерам простой вопрос: "Вы понимали в 1988 году, к чему приведет разжигание карабахского конфликта?" Логически возможны только два ответа: "Нет" (но тогда, какие же вы политики?!) и "Да" (как назвать человека, который ответит "да"?!). Но не только армянские политики... С

моей точки зрения, объективно на совести Галины Старовойтовой больше армянской крови, чем на любом погромщике-азербайджанце. Я вижу ее на телеэкране - совершенно безмятежную, спокойную, невозмутимую, без малейших сомнений на лице, не говоря уже о муках совести. Вообще, русская интеллигенция проявила в карабахском вопросе, по-моему, еще большую безответственность, чем армянская.

ВАРЖАПЕТЯН. Дмитрий, в "Независимой газете" была напечатана ваша статья "Наши интересы в Закавказье". А как бы вы обозначили интересы Армении в Закавказье?

ФУРМАН. Одним словом - м и р . Армянам, пережившим так много страшного за свою историю, больше, чем любому другому народу, нужен мир и добрые отношения с соседями в условиях независимости, то есть необходимо то, чего победа в этой войне, даже если она возможна, все равно не даст. Думаю, нужны международные гарантии нерушимости границ в Закавказье и прав армян в автономном Карабахе в составе Азербайджана. Уверен, этого добиться можно - при условии, что среди армян найдутся политики, которые не испугаются мира (ибо для армянских политиков, очевидно, сейчас мир страшнее войны), не побоятся искать мирное решение, даже рискуя жизнью, подставив себя под пули фанатиков. Нужны люди масштаба Анвара Садата. А дальше - надо залечивать раны (которых могло и не быть) и строить отношения с соседями. Необходимы хотя бы десять лет мира в условиях независимости - и Армения с ее мощным интеллектуальным потенциалом, с колоссальными ресурсами диаспоры станет процветающей страной - для этого у нее больше возможностей, чем у любого государства СНГ. И постепенно будут уходить страх и ненависть.

Апрель 1992

ТЕПЕРЬ Я ЗНАЮ, ЧТО ЧУВСТВОВАЛИ ЕВРЕИ ГЕРМАНИИ В 1938 ГОДУ

(Бакинский дневник)

22.11.88.

Шестые сутки подряд народ митингует на площади круглосуточно, но если 4 дня все ограничивалось площадью, то вчера все выплеснулось в город. Шлялись толпы народа, кричали: "Кара-

бах!", "Сумгаит!". Вчера бастовал транспорт (автобус, троллейбус, трамвай, такси, часть дня - метро), заводы Шмидта, кондиционеров, ряд других, часть магазинов. На площади было тысяч 200, если не больше, притом контингент сменный - шел поток на площадь и поток с площади беспрерывно. Немногие автобусы, которые ездили, останавливались и выгоняли народ, а всех гнали в парк. В городе появилось много БТРов, но в общем-то милиции практически не видел. Сегодня все то же самое, но намного резче. Появились флаги суверенного Азербайджана (сине-красно-белый с полумесяцем и звездой). Ходят типы с повязками на голове а-ля иранские смертники. Обстановка достаточно нервная. По городу носятся машины с торчащими из окон флагами и гудящими сиренами. Вчера было в основном без эксцессов (хотя перевернули автобус и положили его поперек трамвайных путей и побили несколько такси), а сегодня уже веселее. С утра в Арменикенде уже швыряли камни, а сейчас говорят, что уже переворачивают машины. Правда, надо отдать должное - на площади порядок. Организовано все достаточно прилично, но в городе, в целом, неприятно.

Толчком ко всему послужили события в Ногорно-Карабахской автономной области. Армяне, не сумев отделиться юридически, решили сделать то же самое де-факто, то есть разорвать все экономические и политические связи с Азербайджаном и наладить связи с Арменией. В районе Шуши они стали строить алюминиевый завод, вырубили при этом ценный курортный лес. Азербайджанцы тут же стали утверждать, что это их лес - их национальная реликвия, там был Бабек. В результате этого на площади собралась огромная толпа. Энтузиасты там пьют, едят и спят. По ночам жгут костры. На бульваре брезентовые палатки. в одной штаб с казначеем, в другой - голодающие. Демонстрантам бесплатно раздают жратву и питье, по слухам, Зейнаб Ханларова (певица, народная артистка Азербайджанской ССР, народная артистка Армянской ССР - ред.) прилала в подарок грузовик с сервелатом. Доска почета, металлические конструкции для портретов вождей увешаны лозунгами: "Армяне- вон из Азербайджана", "Армяне, убирайтесь", "Свободу Ахмедову" (это сумгаитский убийца, его огромный портрет висел на Доме правительства). Рядом висят портреты Хомейни, Гейдара Алиева и Муслим-заде. Я видел у демонстрантов плакаты с карикатурами: молодцеватый азербайджанец пинком под зад выгоняет из своего дома подлого вида красноносых армян, среди которых - женщина с отвислыми грудями и крестом на шее.

23.11.88.

Беспорядки продолжаются, причем, по-моему, еще более активно, хотя транспорт уже ходит. Вчера по местному телевидению (центральное молчит, как Зоя Космодемьянская) показывали ми-

тинг на площади. С трибуны выступали братья-палестинцы в своих одеялах. Их пригласили, очевидно, поделиться опытом. Телевизор продолжает показывать выступления знатных азербайджанцев, но я мало что понимаю из-за незнания языка. Кроют Балаяна, Аганбегяна, Сильву Капутикян. Бахтиар Вагабзаде в своей речи по телевизору посетовал, что молодые ребята - выпускники азерсектора по окончании института не находят работу в Баку и уезжают в Россию, а для других наций в Баку работа есть. Он выразил также свое восхищение азербайджанскими девушками, которые до 40 лет не дают, лишь бы не выйти замуж за другую нацию. Армяне первые дни ходили, как обосранные, потом стали массами уезжать из Баку. Их очень жалко. Временами, в моменты наибольшего разгула страстей мне с ужасом представляется обстановка в Германии.

Теперь я знаю, что чувствовали германские евреи в 1938 году!

Недавно на моей работе одна хомейниобразная дама, обращаясь ко мне, кипятилась: "Они едят наш хлеб и плюют нам в лицо! Вся история Армении - это гадость!" И все это при сидящей здесь окаменевшей армянке, которая спустя несколько дней уехала в Ереван. Про Сумгаит упомянутая выше дама заявила: "Сумгаит - это город, где азербайджанцы героически защищали армян". Резню, конечно, (по ее мнению) спровоцировали армяне. Армяне передали подсудимых в РСФСР, чтобы скрыть свои грязные делишки. В газетах появилась статья о некоем всемирном армянском заговоре. Доводы типа: "У Дукакиса заместитель - армянин". Каждый день какие-то новые пикантности: разбили мемориальную доску на доме-музее Шаумяна, сегодня я ехал в метро, на схеме заклеено название станции "Шаумян" и сверху написано "Карабах". Народ на площади требовал Шуйского, то есть, пардон, Везирова, нор он показываться не пожелал. На работе у нас юные патриоты отправились на площадь. Их лидер, некто Натик, очень интеллигентная личность, даже заявил директору, пытавшемуся их удержать, что сообщит его (директора) данные истинным патриотам.

24.11.88.

Сегодня ночью введено особое положение и комендантский час с 22.00 до 5.00. По всему городу стоят танки, БТР, БМП, солдаты в бронежилетах и с автоматами. Запрещены ддемонстрации, митинги, закрыты кинотеатры. Но, несмотря на это, народ шляется, причем несет портреты убийц Сумгаита, получивших "вышку". С площади не расходятся. Площадь окружена танками, их уговаривают разойтись. Позавчера были столкновения с войсками в Кировабаде и Нахичевани, вчера - в Нахичевани и Махачкале. Это то,

что точно известно. Только в Кировабаде 3 убитых солдата и 126 раненых демонстрантов. Жгут и громят райкомы. Короче говоря, весело.

Руководит бепорядками некий Панахов, рабочий, 26 лет. Но я думаю, что его скоро уберут, потому что он призывал присоединиться к Ирану или Турции. По площади Ленина ходит собака с привязанной к ней надписью "Вазген" (бедного католикоса всех армян кроют на всю катушку).

Еще одно отрицательное явление: все кроют матом перестройку. Некоторые ностальгически вздыхают об Иосифе Виссарионовиче Сталине. Надо сказать, что армяне в Армении тоже ведут себя по-скотски и выгоняют азербайджанцев. Евреев пока не трогают, но недавно одной знакомой девчонке на работе медсестра, с которой у нее были прекрасные отношения, заявила: "Надо будет и с евреями разобраться". Интересно наблюдать изменения в массовой психологии людей: интеллигентные люди вдруг начинают беззастенчиво честить армян.

25.11.88.

Вчера я в перерыв наблюдал происходящее. Жуть. Площадь была оцеплена кольцом солдат. Между Домом правительства и универмагом "Баку" стояла колоссальная толпа, орала, скандировала, пыталась пробраться на площадь, задевала солдат. Было очень нервно, на грани столкновения. Потом, очевидно, решили избежать столкновения и пропустили их на площадь. Запрет на митинги и демонстрации практически не работает. Силу применять боятся во избежание беспорядков, но все равно стало поспокойнее. Никогда не думал, что придется жить при комендантском часе и особом положении.

28.11.88.

Понедельник. Тьма солдат (говорят, сто семьдесят тысяч).

Два вечера подряд прямо под балконом стоят три БМП, человек тридцать солдат. Комендантский час. На каждом углу задерживают машины, проверяют документы, багажник. Эффектное зрелище. И что любопытно, никто из водителей не выясняет отношений. Очевидно, автомат с примкнутым штыком, направленный в живот - достаточно сильный аргумент.

Опять по телевизору выступают знатные азербайджанцы. Один из них рыдал, говоря, что азербайджанцы в своей собственной республике подвергаются дискриминации, что все лучшие рабочие места, должности, квартиры занимают армяне, евреи, русские, что надо принимать меры.

1.12.88.

Уже зима. Шум здесь уменьшился, но все еще очень напряженно. Солдаты, митингующие, которые пренебрегают особым положением. Продолжает действовать комендантский час.

Продолжается массовое бегство, усиливающееся с каждым днем. Кто в Ереван, кто подальше. Через 2-3 года в Баку не будет ни армян, ни евреев. Все будут довольны.

Кипит вся республика. Говорят, что было безобразие в Шемахе, где-то еще. Надо сказать, что все это очень и очень не смешно. Выясняется, что Сумгаит - это не самое худшее, что могло быть.

5.12.88.

Сегодня ночью, по слухам, митинг на площади все-таки разогнали. Точно еще не знаю, но, во всяком случае, транспорт не ходит намертво, опять демонстрации под крики "Карабах!", "Месть!". Очень занятно. Последние дни в городе неважно. Бьют армян, громят квартиры. Напряженность уже почти 3 недели.

6.12.88.

Около 10.30 возле МВД собралась толпа в несколько десятков тысяч человек, которые стали забрасывать его камнями. Меня потряс "героизм" нашей милиции, которая не поддалась на провокацию, храбро заперла двери и хранила гордое молчание. Нас с работы распустили, и я пошел домой. По городу неслись группами по 4 БТР, машины и автобусы с солдатами. Когда я был на уровне консерватории, началась стрельба. Побежал в обратную сторону, еще взял машину и доехал до дому. Весь день шатались толпы, их разгоняли, шла стрельба по всему городу. В итоге всего этого, как сообщил на следующий день комендант города: " были убитые и раненые".

7.12.88.

Сегодня все тихо, но город забит танками, БМП, солдатами. И слава Богу, а то здесь было бы почище, чем в Сумгаите. Среди солдат, как сообщило радио, 3 убитых и 14 раненых. Ранено таже 30 гражданских лиц. Это уже ближе к истине, хотя вопрос - насколько ближе. Наблюдал вчера отряд армянской самообороны. На Завокзальной стояло человек 20 с собаками, ждали гостей. Говорят, что так было во многих местах. Но ведь "гости" народ осторожный и при соотношении меньше чем 10:1 визитов не наносят.

12.12.88.

Тут уже поутихло. Имеет место большая народная радость по поводу землетрясения в Армении. Во многих городах устраиваются банкеты. Короче говоря, реакция, несколько отличающаяся от "плечом к плечу", упоминаемого в газетах. Вообще, конечно, кошмар...

Эти дневниковые записи опубликовал 23 июля 1989 года еженедельник "Круг" (Тель-Авив). Имя автора нам неизвестно, знаем лишь то, что он - бывший житель Баку, а ныне гражданин Израиля. - Ред.

Виктор КОЗЛОВ

Профессор

КАК НАРОДЫ СХОДЯТ С УМА?

Решившись изложить свои размышления по вопросу о том, являются ли развернувшиеся в последние годы на территории СССР этнические конфликты своего рода массовым безумием, я долго думал о том, с чего начать. Легче всего, вероятно, было бы пойти по пути, уже достаточно проторенному нашими публицистами: дать более или менее подробное описание одного-двух этнических конфликтов в наиболее горячих точках, скажем, в Закавказье, Средней Азии или Приднепровье, рассмотреть причины их возникновения и ход их развития, осудить неразумность их зачинщиков и жестокость их участников, выразить свое сочувствие пострадавшим и оптимистически предположить, что в ближайшем будущем недавняя крепкая дружба и даже "братство" советских народов восстановятся. Однако такой путь показался мне нецелесообразным, ибо я хорошо знал, что этнические конфликты происходили с самого возникновения человечества и по всей Ойкумене, а потому у меня мало надежд, что они прекратятся в будущем, тем более - на территории развалившегося Советского Союза. Задача объяснения этнических конфликтов имеет более широкий этно-антропологический и этно-психологический смысл, чем это представляется на первый взгляд; особенно же трудным делом является объяснение быстрого перехода многих

этнических конфликтов в стадию насильственных действий с такими жестокостями, в которые ранее трудно было поверить.

В течение многих десятилетий большинство советских граждан считали, что национальный вопрос в СССР успешно решен, и для этого были довольно веские основания. Не буду повторять известный тезис о том, что дружба советских народов выдержала, дескать, суровые испытания в годы Великой Отечественной войны, во-первых, потому, что ссылка дается на экстремальную ситуацию смертельной угрозы почти для всех советских граждан вроде страшного стихийного бедствия, во время которого трудно спастись поодиночке, а во-вторых, потому, что именно прошедшие годы этой войны и первые послевоенные годы были омрачены сталинскими репрессиями против нескольких этносов, включая детей, женщин и стариков, по одному лишь признаку национальной принадлежности, при безучастном отношении к этому других "братских" народов. Не буду поддерживать и внедренный при Брежневе тезис об уже сформировавшейся, якобы, в Советском Союзе новой исторической общности людей - многонационального "советского народа". Тем не менее, есть основания утверждать, что в послесталинский период межэтнические отношения в Советском Союзе были вполне удовлетворительными. Об этом достаточно объективно свидетельствовал продолжавшийся рост числа национально смешанных семей с 5,2 млн. в 1959 г. до 9,9 млн. в 1979 г., что составило окло 15% всех семей, и до 12,8 млн. в 1989 г., что составило уже 17,5% от их общего числа. Почти каждая пятая семья в городах была национально смешанной, что, казалось, предотвращало возможность серьезных конфликтов между этнической группой отца и этнической группой матери.

Из сказанного не следует, разумеется, что в Советском Союзе была какая-то бесконфликтная, почти райская жизнь. На личностном уровне конфликты между людьми из-за несхожести взглядом, а тем более - из-за различия их интересов можно считать будничным явлением. Среди мальчишек такие конфликты нередко кончаются драками, и это обстоятельство, наряду с пристрастием их к различного рода "военным" играм, можно рассматривать как свидетельство каких-то элементов агрессивности, заложенных от рождения. Показательно, однако, что взрослые люди, более контролирующие свои поступки, обычно разрешают конфликты мирным путем, не прибегая к насильственным действиям, если рассудок не замутнен вспыхнувшей яростью (состоянием "аффекта"), алкоголем или наркотиками. Большое значение при этом имеет страх наказания за насильственные действия, определяемого сложившимися традициями или уголовным кодексом. Были в Советском Союзе и межгрупповые, в том числе и межэтнические конфликты. Наиболее серьезным из них был конфликт между

абхазами и грузинами на территории Абхазии летом 1977 г., о чем мне подробно рассказывали его участники осенью того же года, когда в Абхазии были начаты крупные экспедиционные исследования. Его удалось разрешить сравнительно мирным путем.

Ситуация резко изменилась во второй половине 80-х гг. Ранее едва заметные межэтнические конфликты резко обострились и вначале в азербайджанском городе Сумгаите, а затем и во многих других местах вылились в массовые зверские погромы этнических меньшинств со многими десятками и даже сотнями убитых и тяжело раненых, в том числе - женщин, детей и стариков. Пресса, радио и телевидение старались отделаться скупыми сообщениями о таких конфликтах, как о неожиданно обнажившемся позоре, но все шире и шире распространялись леденящие душу подробности не только о количестве жертв, но и об изуверских способах расправы над ними: о групповых изнасилованиях маленьких девочек с выкалыванием глаз, вырезанием грудей, отрезанием голов и т.д. Люди гибли в подожженных домах, живых обливали бензином и поджигали. Наиболее страшным стал межэтнический (а точнее - этнополитический) конфликт в Нагорном Карабахе и в соседних районах с преобладающим армянским населением, подвергшимся нападениям со стороны азербайджанцев; он очень бытро перерос в настоящую войну: вначале с применением легкого стрелкового оружия, а затем - с применением артиллерии, бронемашин, вертолетов и ракетных установок массового поражения (типа "Град"), от которых, как и от продолжавшихся погромов в захваченных селениях, гибло преимущественно мирное население.

Моему поколению, прошедшему через Великую Отечественную войну, знакомо чувство ненависти не только к миллионному смертельно опасному воинству, вторгшемуся в нашу страну, но и к породившему его немецкому народу; раздавшийся в первый период войны призыв "убей немца!" понимался, по правде говоря, весьма расширительно. Но к чести советской армии, вступившей на территорию Германии, это чувство не получило массового проявления. Насколько мне известно, были лишь отдельные эксцессы. В памяти остался старшина нашей роты, у которого гитлеровцы уничтожили всю семью и который, поклявшись отомстить, в первом же взятом нами немецком городе вбежал в небольшой дом и дал очередь из автомата по жившей там семье; вместе с тем, вспоминается почти единодушное осуждение однопольчанами этого эксцесса, поддержка решения об отдаче виновника под суд. Но то была действительно страшная длительная война, за годы которой психике людей были нанесены тяжелые раны. А что же случилось сорок лет спустя? Какие силы подняли молодежь на безжалостные погромы своих соседей? Действовал ли при этом какой-то странный микроб ненависти, вызывавший помутнение

рассудка у азербайджанцев и армян или у грузин и осетин в Закавказье, у киргизов и узбеков в Ферганской долине, у молдован и русских в Приднестровье? И почему сходные, не менее драматические конфликты развернулись в Шри Ланке, в Югославии? Каждому из таких межэтнических конфликтов можно дать конкретное объяснение, но для того, чтобы подойти к более общему ответу, мне придется заглянуть в начало человеческой истории и коснуться некоторых скрытых тайн человеческого бытия, чего почти все исследователи этой проблематики предпочитают не делать.

Начну свой экскурс в прошлое с того печального факта, что человек современного вида, появившийся на Земле около 50 тысяч лет тому назад и получивший у биологов название "человека разумного" (Homo sapiens), не был существом, созданном по образу и подобию божьему, и что он в период своего формирования приобрел не только позитивные, но и некоторые негативные качества. Один из видных советских ученых - историк и антрополог Б.Ф.Поршнев, пытаясь установить видовые отличия человека от человекообразных приматов (обезьян), выделил две специфические, хотя и не ведущие, особенности: способность человека в мыслях и действиях к абсурду, а также его тенденцию к систематическому уничтожению себе подобных. Этот вывод, сделанный в конце 60-х гг., сам Поршнев не успел развить в обстоятельную концепцию, а другие исследователи не придали ему должного значения, вероятно, из-за опасения, что их станут обвинять в попытках "оправдания" всех нелепостей и насилий в истории человеческого общества органическими, так сказать, пороками людей вместо того, чтобы выявлять роль историко-материалистических, прежде всего классовых факторов. По моему мнению, Б.Ф.Поршнев был совершенно прав, и его вывод может быть сравним по значению и универсальности с выводами З.Фрейда о мощном влиянии, которое оказывает на жизнь людей половой инстинкт, причем вовсе не для того чтобы оправдывать этим инстинктом какие-то плохие поступки, а для того, чтобы постоянно учитывать его и регулировать различные формы его проявления.

Следует сказать также, что отмеченная тенденция людей к уничтожению себе подобных не означала какого-то всемерного человеконенавистничества, ибо во многом компенсировалась тем, что человек по своему происхождению был существом коллективным, обращавшим подобные негативные тенденции на людей, не принадлежащих к этому коллективу или общности. Первыми из таких человеческих общностей, бывшими основными формами коллективной борьбы за существование, являлись род или клан, объединявшие людей по отцовской или по материнской линии кровного родства, и п л е м я, соединявшее д в а или несколько

взаимно брачующихся родов, что обеспечивало ему автономное существование. Существовали строжайшие запреты на убийство сородича или соплеменника и, вместе с тем, разнообразные обычаи взаимопомощи. Однако все, что было вне племени, было вне закона. Убийство иноплеменника не только допускалось, но во многих случаях и поощрялось; известно, например, что у даяков на о.Борнео мужчина мог вступить в брак, лишь добыв голову иноплеменника, и чем больше черепов висело вокруг его жилища, тем большим уважением он пользовался. В некоторых межплеменных столкновениях победители оставляли в живых лишь девочек.

В раннеклассовых государствах племенные этнические общности утратили свое былое значение, однако родовые объединения, а вместе с ними родовая солидарность продолжали существовать. Широко распространились обычаи кровной мести за сородичей, что, наряду с вводимыми законами по обеспечению мирной жизни внутри таких государств, в какой-то степени сдерживало насильственные конфликты. Появились классы и сословия и вместе с ними новые формы противостояния по принципу "мы - они", а также регуляция отношений между различными группами с явным преимуществом для высших слоем общества. В рыцарских поединках не могли участвовать простолюдины, и в описанных В.Шекспиром схватках между родом Монтекки и Капулетти челядь сражалась отдельно от своих господ. Военные столкновения по мере совершенствования оружия и появления крупных армий стали более кровопролитными, но победители обычно не были чрезмерно жестокими, так как пленных воинов стало целесообразно обращать в рабов, а жителей захваченных областей облагать данью. Исключением были главным образом религиозные войны, в которых нередко уничтожались все иноверцы, включая женщин и детей.

Эпоха капитализма и связанного с ним демократизма принесла с собой новую систему социальных отношений с новыми видами противоречий и конфликтов. В принципе, по мере становления гражданского демократического общества все прежние классово-сословные, религиозные и даже этнические группировки и общности должны были отойти на задний план перед разделением людей по величине доходов на бедных, среднеобеспеченных и богатых с нечеткими границами между ними и свободным переходом из одной категории в другую при равноправии всех граждан страны перед законом. Однако в разных странах мира этот процесс имел свои особенности и шел с различной скоростью: в Швейцарии он достаточно определился уже к концу XVIII в., во Франции - примерно к середине XIX в., в США же, где борьба аболиционистов приняла затяжной характер, а психологические установки расового неравенства сохранялись у многих и после принятия законов

против рабства, такой процесс окончательно восторжествовал лишь к середине XX в.

Необходимо учесть также, что на стадии раннего капитализма формировавшаяся буржуазия старалась в конкурентной борьбе опереться на этническую (языково-культурную) базу и хотя бы временно отгородиться от конкуренции со стороны инонациональной буржуазии государственными границами и протекциями, что привело к широкому развитию движений за национальную независимость и созданию национальных государств. Такие стремления буржуазии во многом совпадали с интересами национальной интеллигенции; их совместными усилиями в XIX в. оформилась идеология национализма вначале в виде обязательной любви к своей нации (этносу), а затем - с опорой на естественный этноцентризм - и в виде утверждения превосходства своей нации над другими. Для внедрения такой идеологии в массы широко использовалась терминология, связанная с привычными понятиями кровного родства: "родной язык, "родная земля", "Родина", "Отечество" и т.п.

Широкое распространение национализма можно в какой-то степени объяснить и тем, что развернувшийся примерно в то же время в европейских странах рост атеизма оставлял в душах людей пустоту, внушал им мысли о бесцельности существования, что хотя бы отчасти компенсировалось идеей служения своему народу, образ которого принимал черты новой святыни. Многим это представлялось (и представляется до сих пор) своего рода прогрессом, но имело и негативные последствия, так как тенденция противостояния людей по принципу "мы - они" приняла более четкие национальные (этнические) формы и стала чаще реализоваться насильственным путем именно в этих формах. В государствах со сложным этническим составом национализм стал использоваться растущей местной буржуазией против более продвинутых иноэтнических групп, особенно против евреев, чему, впрочем, способствовала и религиозная отчужденность последних; результатом этого был например ряд еврейских погромов в Кишиневе и некоторых других городах юго-западных губерний России в последние десятилетия XIX - начале XX вв. Весьма показательна в этом отношении и ситуация в западных и восточных регионах Закавказья, где поднимавшаяся грузинская и азербайджанская буржуазия старалась вытеснить армянскую буржуазию, ранее занявшую некоторые важные позиции в торговле и промышленности. В Азербайджане, где этнические различия были усилены религиозными, это привело в 1905 г. к кровавым азербайджанско-армянским столкновениям.

В середине XIX в., по существу в противовес распространявшемуся национализму, К.Марксом и Ф.Энгельсом была разработана

и к началу XX в. получила довольно значительное распространение идеология интернационализма, идей братства трудящихся всех национальностей в их борьбе против господства буржуазии за установление во всем мире коммунистического рая. Однако попытка заменить национальную парадигму, сплачивающую нацию, классово-интернациональной парадигмой, разделяющей нации на враждебные части, потерпела неудачу. Это особенно явно обнаружилось с началом первой мировой войны, когда почти все марксистские партии, образовавшие Второй Интернационал как международное товарищество рабочих, проявили свой патриотизм и многие их члены отправились на фронт убивать своих недавних инонациональных товарищей. Уместно напомнить, что период этой кровопролитной войны был ознаменован первым в современной истории актом этнического геноцида армян в Турции. После того как в конце 1917 - начале 1918 гг. части бывшей российской армии покинули Закавказье, Турция двинула свои войска на Ереван, получила отпор от армянских добровольцев, но успешно заняла почти всю территорию Азербайджана, что при активном участии азербайджанцев привело к сильному урону жившего там армянского населения. Как мне удалось установить во время экспедиционной работы в Азербайджане и Армении, память о событиях 1918 и даже 1905 гг. сохранялась довольно отчетливо, что во многом обусловило развитие азербайджанско-армянского конфликта в период так называемой перестройки.

Поражение Германии в первую мировую войну, выполнение ею условий грабительского Версальского мирного договора, тяжелый экономический кризис и некоторые другие факторы резко ухудшили жизнь основной массы немецкого населения и нанесли тяжелые раны национальным чувствам. Все это способствовало распространению там националистических идей в их наиболее крайней, слившейся с расизмом форме, несколько украшенной псевдосоциалистической концепцией равенства всех классово-сословных групп перед жизненными интересами нации. Так возник гитлеровский национал-социализм (неточно называемый многими нашими авторами "фашизмом"), провозгласивший верховенство немецкой нации и "арийской" расы над всеми другими этно-расовыми общностями людей, а вместе с этим и призывы к завоеванию немцами "жизненного пространства" с порабощением или уничтожением "неполноценных" и "вредных" этносов, в первую очередь, - евреев и цыган. История злодеяний гитлеровцев достаточно известна, чтобы излагать ее еще раз; но необходимо обратить внимание на странную легкость, с которой нацистам удалось привлечь на свою сторону большинство немцев, казавшихся до того достаточно образованными добропорядочными

людьми, превратив часть из них в фанатиков, относившихся к массовому уничтожению людей как к обычной производственной задаче. Освободившись от гитлеровского угара немцы поняли необходимость строжайшего контроля над националистическими тенденциями; в ФРГ был принят даже специальный закон, запрещающий выявление национальной принадлежности людей.

А теперь обратимся к развитию событий в многонациональной России, где большевикам-ленинцам - приверженцам марксизма и классово-интернациональной парадигмы - в октябре 1917 г. удалось захватить государственную власть. Государственная система, утвердившаяся при Ленине и окончательно оформившаяся при Сталине, представляла собой странное сочетание ряда компонентов социализма с элементами капитализма, феодализма (особенно в сельском хозяйстве) и даже рабства (труд миллионов заключенных в ГУЛАГе); вследствие внутренних противоречий такая система держалась главным образом на лжи и насилии, осуществляемом репрессивными органами. Как только в период "перестройки" то и другое было ослаблено, эта система пала.

Существенные противоречия были и в попытках решения национального вопроса путем национально-государственного строительства. Официально провозглашенное и закрепленное в Конституции СССР равноправие граждан не зависимо от их национальности, фактически почти никогда и нигде не соблюдалось. Это объясняется, с одной стороны, тем, что созданные союзные республики, автономные республики, автономные области и автономные (национальные) округа имели различный государственно-правовой статус и различные экономические возможности, определявшие статус и возможности их "титульных" национальностей, с другой стороны, тем, что такие "титульные" национальности пользовались различными привилегияи (например в кадровой политике) перед иноэтническими группами. Сформировавшаяся в таких "тепличных" условиях национально-республиканская элита, и значительная часть национальной ителлигенции, всячески старались сохранить свои привилегии, избавиться от конкуренции с иноэтническими группами. Еще в доперестроечный период распространились идеи республиканского национализма, выражающиеся в том, что данная республика создана, дескать, для жизнеобеспечения "титульной" национальности, что только она является хозяйкой природных богатств и экономического потенциала, а кому это не нравится, могут убираться. Некоторые республики уже в то время превратились в своего рода удельные княжества во главе с властителями типа Гейдара Алиева или Шарафа Рашидова.

Фактическое национальное неравноправие в Советском Союзе должно было неизбежно привести к межнациональным конф-

ликтам, как на уровне отношений "титульных" национальностей между собой и с обиравшими их центральными властями, так и на уровне отношений этих национальностей с ущемленными ими иноэтническими группами в пределах соответствующих республик. Существовало два основных пути разрешения межэтнических конфликтов. Первый из них заключался в повсеместном внедрении принципов национально-культурной (общинной) автономии, подобной деятельности церковных общин с созданными при них школами, клубами и другими учреждениями на общественных началах, национальная принадлежность при этом должна была считаться личным делом граждан и не фиксироваться в паспортах и анкетах. К сожалению, такой путь был по существу полностью проигнорирован. Второй путь заключался в сохранении принципов национально-территориальной автономии, но с повсеместным уточнением необоснованно установленных в прошлом границ, чтобы дать возможность хотя бы компактно расселенным этническим меньшинства решить свою судьбу на основе, казалось бы, всеми признанного тезиса о праве наций (народов) на политическое и административно-территориальное самоопределение. Однако этот путь был заблокирован Конституцией СССР 1977 г., в которой утверждалось право правительства национальных республик на сохранение целостности всей их территории, включая и области с численно преобладающим иноэтническим населением, имеющим право на самоопределение. В таких обстоятельствах конфликты между "титульной" национальностью и ущемленными компактно живущими группами этнических меньшинств не могли получить компромиссного решения, опирающегося на закон, и получали тенденцию к проявлению в насильственных формах.

Этнические конфликты в Закавказье назревали давно. Еще в специальной резолюции XII съезда партии (1923 г.) по национальному вопросу говорилось: "Шовинизм грузинский (в Грузии), направленный против армян, осетин, аджарцев и абхазов, шовинизм азербайджанский (в Азербайджане), направленный против армян... и пр. - все эти виды шовинизма, поощряемые в тому же условиями НЭПа и конкуренции, являются величайшим злом, грозящим превратить некоторые национальные республики в арену грызни и склоки". Чтобы там не говорилось в интернационалистических тостах за дружбу народов, но ситуация в Закавказье все время оставалась сложной и напряженной. Новое обострение ее произошло в 1977 г., когда вначале в Грузии, а затем в других республиках были приняты законы, провозгласившие языки "титульных" наций - "государственными", т.е. обязательными для изучения и использования. Это обстоятельство, наряду с другими формами давления на этнические меньшинства, привело абхазов

Абхазии к движению за суверенитет или за присоединение к РСФСР, а армян НКАО - за большую автономию или присоединение к Армении, отделенной от Карабаха узкой слабозаселенной полосой земли. Аналогичные процессы развивались и среди осетин Юго-Осетинской АО, издавна тяготевших к слиянию с Северо-Осетинской АССР в РСФСР.

Нетрудно было предвидеть наступление в Грузии и в Азербайджане шовинистической пропаганды, направленной против непокорных этнических меньшинств, посягнувших на владения национальной элиты. Однако я вновь и вновь возвращаюсь к вопросу о том, почему это привело к столь жестоким насильственным действиям? Какие еще факторы, кроме охарактеризованных выше, способствовали тому, чтобы скрывавшаяся в подсознании тенденция умерщвления себе подобных проявилась со столь явной силой?

Важной причиной расширения насильственных межэтнических конфликтов, является, по моему мнению, распространившаяся уверенность в безнаказанности коллективных действий толпы, что, в свою очередь, во многом объясняется странным невмешательством центральных властей. Полагаю, что одного лишь взвода десантников, которым было бы дано право расстреливать погромщиков на месте преступления, было бы достаточно для быстрого прекращения насилий в Сумгаите, продолжившихся, как известно, около трех суток, а массовые аресты с незамедлительным рассмотрением дел в суде и суровые приговоры всем активным участникам погрома, надолго охладили бы пыл у потенциальных погромщиков во всех "горячих" местах страны. Другой причиной является широкое, сложившееся еще в период массовых сталинских репрессий и поддерживаемое до сих пор в тюрьмах и лагерях, да и в армии, представление о малой ценности человеческой жизни; преодолеть такое представление, вероятно, удастся лишь в будущем, по мере формирования подлинно демократического гражданского общества. А до тех пор и для этого всем средствам массовой информации, очевидно, следует уделять внимания не столько национальным, сколько общечеловеческим ценностям, побуждать развитие запущенных ныне отделов социальной психологии и социальной психиатрии.

Владимир
МИКУШЕВИЧ

ГЕНОЦИД В ПОДСОЗНАНИИ И СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

В одной из передач телепрограммы "Пятое колесо" ученый, исследующий проблему снежного человека, высказал мысль, которая формулируется примерно так: особи видов, биологически близких, не переносят друг друга. При этом ученый ссылался на то, как невыносимо для людей соседство снежного человека, в особенности его рев, его голос. Имеются материалы, противоречащие этим сведениям. Говорят не только о соседстве, но и о сожительстве человека со снежным человеком, однако в этих слухах ощущение несовместимости с таинственным существом сквозит едва ли не отчетливее, чем в настороженном страхе и гадливости. Обращает на себя внимание то, что доброжелательные защитники снежного человека заранее пытаются оградить его от человеческой агрессивности. Поистине "о бедный homo sapiens!" От него ничего другого и не ждут, и нельзя сказать, что для подобных опасений нет оснований. Предполагается, что человек будет хватать снежного человека или даже убивать его. Подобную ситуацию описал Веркор в своей философской притче "Люди или животные". Наука не очень рьяно опровергает гипотезы, согласно которым предками современного человека были истреблены другие виды гоминидов, то есть человекоподобные существа. Спекулируя на подспудных человеческих, слишком человеческих чаяниях, некоторые фантазеры и фантасты не прочь в этом плане дополнить гоминидов гуманоидами. За всеми дискуссиями о пришельцах из космоса таится вопрос, не нападут ли они на нас и не напасть ли нам на них. Неслучайно в знаменитом романе Герберта Уэллса контакт между землянами и марсианами описан как война миров. Несколько десятилетий назад в Америке вызвала панику трансляция радиопостановки по роману Уэллса. Радиослушатели приняли радиопостановку за последние известия, за репортаж о происходящем в действительности вторжении из космоса.

Зигмунд Фрейд в своей работе "Тотем табу" устанавливает у истоков истории культуры коллективное отцеубийство. При этом исследователь тонко замечает: даже е с л и не имел места такой исторический факт, т е м характернее для человеческого рода

упорное, навязчивое конструирование мифа об отцеубийстве как в хорах греческой трагедии, так и отчасти даже в хрристианской традиции. Отвлекаясь от фрейдовской аргументации, подкрепим ее апокрифическим сказанием об Иуде-отцеубийце. В свою очередь, Артур Шопенгауэр сочувственно цитирует основоположника расовой теории графа Гобино, назвавшего человека "животным, злобным по преимуществу". Шопенгауэр считал самой дурной чертой человеческой природы злорадство, близко родственное жестокости и вообще относящееся к жестокости как теория к практике. Впрочем, немецкий философ говорит в этом контексте главным образом о страсти человека мучить себе подобных, однако история заставляет задуматься над более высокой степенью этой же страсти: над страстью себе подобных истреблять. Мы делаем вид, будто человеконенавистничество - лишь расхожая метафора в литературно-политическом обиходе, хотя фактически это зловещая реальность, хорошо знакомая каждому на собственном опыте, причем не только страдательном, но и активно агрессивном, что проявляется и в очереди, и в коммунальной квартире, и в городском транспорте.

В тех же толках о снежном человека проскальзывает упоминание о том, что настоящий мумие - не минеральная смола, а бальзам, варившийся из жира таинственных гоминидов. Этот жир использовался будто бы и при мумифицировании, отсюда родство слов "мумия" и"мумие". С такими толками согласуются и смутные предания о капищах, где снежного человека приносили в жертву. По Фрейду, слухи существенны для нас безотносительно к своей достоверности. Человеку свойственно искать козлов отпущения, но если четвероногого козла он прогоняет в пустыню,то двуногого все-таки по старинке убивает.

Судя по многим данным, человек, встречая другого незнакомого человека в первобытном лесу, настораживался, если не приходил в ужас. Вспомните, что вы испытываете на темной безлюдной улице, когда вам навстречу движется человеческая фигура. Древний ужас не только не изжит, он углубился, изощряясь в поисках идеологических мотиваций. Очевидно, сам человеческий облик раздражает и провоцирует другого человека. Человек судит о другом человеке по себе,бессознательно приписывая ему все дурное, преступное, опасное, свойственное его собственной природе. Бросается в глаза мистический аспект этой ситуации. Религии всех времен и народов так или иначе напоминают о грехопадении. Человек узнает в другом человеке Бога, но видит, что сходство с Богом искажено или извращено; человек приходит от этого в ярость, но и сама ярость его подтверждает, как искажена человеческая природа, общий источник трагического и комического. Человек оправдывает свою ярость, настаивая на том,

что другой - не человек, но настаивает на этом именно потому, что другой - человек, иначе откуда же столь яростная настоятельность, дурная бесконечность ненависти? Не только в городской толпе, но и с телевизионных экранов и университетских кафедр все чаще слышится возглас: "Это уже не человек... Нелюди! Нелюди!" Обычно этот возглас относится к преступникам, к наркоманам или к дебилам, но мы выслушиваем его с напускным спокойствием, стараясь не думать, чем угрожает он каждому из нас, ибо каждый из нас - другой для другого.

Если, по Фрейду, истории человечества предшествовало отцеубийство, Ветхий Завет объявляет прямым наследником и продолжателем грехопадения братоубийцу Каина. Писатели двадцатого века называют современную семью "клубком змей" (в оригинале название романа Мориака еще выразительнее: "гнездо гадюк") или "концлагерем в миниатюре". И первобытная семья-орда вряд ли могла служить примером идиллического сожительства. Впрочем, сам образ этой семьи-орды, возможно, является спекулятивным мифом, и за первобытные коллективы мы принимаем одичавшие осколки великих и древних цивилизованных обществ. Археологи находят черепа с пулевыми пробоинами и со следами трепанаций, сделанных за многие тысячелетия до нашего времени. Сам Каин был уже земледельцем, а его потомки начали ковать железо и строить города. Мы удивляемся, почему в мировом пространстве не отвечают нам братья по разуму, но позволительно предположить: как раз тогда, когда возникает техническая возможность завязать такие контакты, цивилизация гибнет, взорванная собственной техникой, безучастной прислужницей ненависти.

Но цивилизация не может основываться на одной только ненависти хотя бы потому, что сама ненависть нуждается в сплоченности. С незапамятных времен сплачивающей силой становится эрос народности, возникающий из взаимодействия экзогамных и эндогамных обычаев. Экзогамия запрещает браки внутри определенных родственных и возрастных групп, эндогамия, напротив, предписывает браки между другими, более широкими, но столь же определенными группами. Сочетанием экзогамных и эндогамных обычаев образуется сначала племя, потом народность. В этом же сочетании вырисовываются своеобразные архетипы женственности и мужественности, вызывающие взаимность между полами внутри народности. Архетипы эти чрезвычайно живучи. Они сказываются в культуре и, возможно, закрепляются генетически. Так, эрос ветхозаветного Израиля представлен "Песнью Песней". Русская традиция немыслима без добра молодца и красной девицы. Эти архетипы распознаются не только в людях, но и в природе, придавая, например, дубу и березе щемящую поэтичность, отголоски которой слышатся в позднейшей поэзии: "Учись у них - у

дуба, у березы". Эрос народности с необузданной силой прорывается у Блока в строке, шокирующей некоторых своей откровенностью: "О Русь моя! Жена моя..."

Экзогамные запреты имеют тенденцию со временем расширяться. Так, у многих народов запрещаются браки между двоюродными братьями и сестрами, распространенные в свое время. Вместе с тем расширяются и эндогамные контакты, при которых в сферу брачных отношений вовлекаются представители и представительницы все более отдаленных этнических групп. Эротические архитипы народности оказываются привлекательными и для других. Вспомним своеобразную иконографию и мифологию русской красавицы в культуре двадцатого века от классического балета до конкурсов красоты. Фольклору памятны и некоторые осложнения нетрадиционных любовных союзов. Таков комплекс хазарейки в известном фильме "Русь изначальная". Впрочем, низкопробная романтика фильма опровергается "Словом о полку Игореве", в котором один половецкий хан намерен опутать молодого сокола красною девицей-половчанкой, а другой половецкий хан предостерегает: "Аще его опутаев красною девицею, ни нама будет сокольца, ни нама красны девице, то почнут наю птици бити в поле Половецком". Эросом народности предвосхищен эрос человечности, когда эротический архетип обретается в самом человеческом образе, что происходило как раз в мироощущении русского человека. "А у нас чувство родства со всеми составляет отличительную черту народного характера, выработанного формой быта (родового), в которой мы до сего жили", - писал Н.Ф.Федоров (см. Н.Ф.Федоров. Сочинения, М., 1982, с.321). Ретивые последователи философа тенденциозно внедряют в массовое сознание идею принудительного воскрешения, чтобы не говорить об этом чувстве родства со всеми, со своими и с чужими, с живыми и с мертвыми, хотя именно исследованию такого родства посвящена глубоко русская философия Федорова.

Но человеконенавистничество со своей сатанинской изощренностью воспользовалось даже эросом народности, разжигая и культивируя то темное и жестокое, что таится в грешных глубинах человеческой любви: "Возлюбленных все убивают". Зверство начинается с воинствующего сладострастия ("ведите в плен младых рабынь, делите бранную добычу!"), усиливается в праведном желании оградить своих соплеменниц от участи рыбынь и при этом самим "укрощать рабынь строптивых", но подлинный оскал человеконенавистнического зверства виден тогда, когда распаляют "своих" эротическим архетипом народности, чтобы натравить их на других, на чужих, на "нелюдей". Первые войны, сохранившиеся в памяти человечества, разыгрались из-за женщины: Троянская война, война пандавов и кауравов. Союзом Эроса и Ареса были

созданы родовые религии, религии "наших", направленные против чужих и ориентированные на их уничтожение.

При всей возвышенной сострадательности древнего индуизма ему свойственна специфическая черта: индуизм нельзя принять, индуистами рождаются. С такой точки зрения вполне естественно и последовательно членение общества на различные варны и касты, когда превыше личных дарований и заслуг ставится происхождение, что по достоинству было оценено позднейшими расовыми теориями. Правда, индуизм запрещал истребление живых существ, но он если не уничтожал физически, то уничтожал низших до полного морального изничтожения. Низшим было отказано даже в почитании богов; они могли молиться только демонам. Индуизм сделал крайние выводы из принципов, присущих любой родовой религии: наши боги для наших, они враждебны всем ненашим, а ненаши - обозначение злых духов, которых грешно даже называть по именам. Так другому приписывается статус метафизического зла, а ненависть к нему освещается и санкционируется родовой религией. Мы даже не задумываемся над тем, почему убийство, совершенное на войне, не только не карается, но и не расценивается как убийство. Американский летчик Клод Изерли, всю жизнь искупавший свое участие в ядерной бомбардировке, был единственным исключением среди своих боевых товарищей. Нам внушают, будто десять библейских заповедей принадлежат так называемой общечеловеческой морали, но общечеловеческая история никак не вяжется с подобным утверждением. Израильтяне в пустыне явно были застигнуты врасплох Божьими заповедями, в особенности, заповедью: "Не убий!" Точно так же до сих пор средний человек ошеломлен этой заповедью. Что-то древнее в глубине человеческой души кое-как мирится с распространением библейского запрета на сограждан и сородичей, но непоколебимо уверено в том, что убить чужака - высочайшая доблесть и если очень хочется кого-нибудь убить, "достаточно" объявить его "ненашим". Не отсюда ли пристрастие наших современников к слову "достаточно" ("достаточно много", "достаточно умен") в совершенно бессмысленных комбинациях? Варварское действо вокруг золотого тельца было "достаточно" явным противодействием заповедям. Золотой телец требовал кровавых жертв, и его требования продолжают удовлетворяться.

Идолы родовой религии обрекают себе в жертву всех и каждого, отказывая человеку в личном бессмертии. Во времена их засилия смертность была объявлена главным признаком человечности, и с тех пор человека так и называют "смертный". В родовой религии, вероятно, сказывается инстинкт вымирающего вида, каковым является homo sapiens. Искусство, наука и техника веками вырабатывают способы противостоять "естественному" в человеке, ибо

нет ничего естественней смерти. В то же время древнейшая агрессивная реакция человека на человека, по-видимому, вызвана тем, что смертный вымещает на другом смертном свою смертность, убеждаясь в общем унизительном уделе. Вот откуда провоцирующее воздействие человеческого образа. Надо прямо сказать: человечество до сих пор застигнуто врасплох заповедью "Не убий!", что само по себе свидетельствует о внечеловеческом, сверхчеловеческом происхождении этой заповеди.

Издревле в разных культурах замечается подспудная уверенность в том, что сам человек не смог бы сформулировать заповедь: "Не убий!" Эта заповедь не могла исходить и от родового бога, который мобилизует и ориентирует своих именно на убийство инородцев. Таковы языческие боги, о которых Псалтырь говорит: "Яко вси бози язык бесове, Господь же небеса сотвори" (Пс. 95,5). Этот Господь, сотворивший небеса и заповедавший: "Не убий!", может быть только единым, единственным Богом, несовместимым с кровожадными божествами рода и племени, так как Он один для всех людей. "Не убий", - заповедь мировой религии, и она определенно присутствует не только в христианстве, но также в буддизме и в исламе.

Религия Ветхого Завета, первоначальная мировая религия человечества, сразу же навлекла беды и гонения на тех, кто осмелился отождествить себя с ней. До этого против израильтян были только родовые боги Египта, теперь израильтяне противопоставили себя всем родовым богам, стали другими для всех остальных, оказались человечеством для человеконенавистников, и эта ситуация не только не изживалась, а, напротив, усугублялась и обострялась в течение тысячелетий, что само по себе говорит о том, какие цепкие архаические чаянья нередко маскируются поверхностной злобой дня. Имена грозных языческих божеств забыты или преображены звуком истинного Божьего имени, таившегося в них. (Уже древние сближали форму имени Юпитера Jovis и Яхве; имя славянского бога Рода затеплилось иным светом в слове "Богородица"). Зловещие же силы, став безымянными, обратились против человечества с новой яростью и коварством. Именно своей бессмысленностью страшен термин "антисемитизм", ибо какое отношение к семитам имеет то, что обозначается этим термином с науськивающей приблизительностью? Гораздо точнее и откровеннее обосновывается геноцид в библейской книге "Эсфирь", где описывается один из первых его опытов: "Есть язык разсеянный во языцех во всем царстве твоемъ: законы же ихъ странны, паче всех языкъ, и законовъ царскихъ не слушаютъ, и не пользует царю оставити ихъ" (Эсф. 3,8). Слово "язык" в значении "народ" придает особую выразительность этому манифесту воинствующего язычества. Традиционные обвинения против евреев, обычно разбавляе-

мые инсинуациями и недомолвками, здесь отличаются ясностью, сжатостью и прямотой. По существу, всегда евреев обвиняют в том, что они придерживаются странных законов, и "законов царских не слушают", то есть не считают обязательными для себя законы государства, в котором они живут. У ветхозаветного народа были странные законы, так как они не совпадали с привычными культами родовых божеств и представляли иную, всечеловеческую, мировую религию, но трагедия приобретала особую, мучительную, внутреннюю напряженность, поскольку своими странными законами тяготились сами их носители, то пытаясь найти себе все-таки родовые божества, предшественником которых был золотой телец, а преемниками различные идеологические кумиры, включая марксизм, то стремясь выдать мировую религию за родовую, но родовое при этом непрерывно опровергается мировым, доказывая, что нет ничего родового, кроме мирового, и национальное в иудаизме не может скрыть своей вечной судорожной проблематичности.

Термин "антисемитизм" возник именно при рационалистической установке на затушевывание этой религиозной проблематики. Как во многих других случаях, в просветительском, атеистическом рационализме дает себя знать жуткая иррационалистическая подоплека. Вне и помимо религиозных обетований еврейский вопрос теряет свой смысл, но не только не снимается, а, наоборот, приобретает особую губительную остроту. В христианских и мусульманских государствах евреи терпели жесткие ограничения, иногда подвергались гонениям и преследованиям, но государство так или иначе защищало их, иначе у них не было бы богатств и влияния, которым они, бесспорно, пользовались. Никогда ни в христианском, ни в мусульманском государстве не могло быть речи о поголовном истреблении евреев. Окончательное решение еврейского вопроса в гитлеровском духе - преступная практика безбожного иррационализма, овладевшего умами в двадцатом веке. Однако никогда не удавались и попытки подойти к еврейскому вопросу благожелательно или хотя бы объективно на атеистической почве. В своих "Размышлениях о еврейском вопросе" Жан-Поль Сартр обнаружил свойственный ему интеллектуальный и аналитический блеск. Интересны некоторые его выводы, например, утверждение, согласно которому еврейство -квинтэссенция человечности. Вызывает, однако, серьезные сомнения мысль Сартра, будто "антисемитизм есть мифическое и буржуазное представление классовой борьбы, и что он не мог бы существовать в бесклассовом обществе" ("Нева", N 8, 1991, с.169). Не говоря уже о том, что мыслитель попадает в ловушку неточного, двусмысленного термина "антисемитизм", любой непредвзятый читатель ви-

дит, как история противится схеме Сартра. Подхватывая отталкивающую тенденциозность марксовой статьи "К еврейскому вопросу", Сартр конструирует новый миф, едва ли не более опасный, чем прежние. Достаточно вспомнить гибель Михоэлса и дело врачей-"вредителей", чтобы оценить отношение к еврейскому вопросу общества, провозгласившего себя бесклассовым. В монархической, "классовой", но все-таки православной России Бейлис был оправдан, а в свободомыслящей либеральной Франции Дрейфус был осужден. Именно во имя бесклассового атеистического общества практиковалось массовое истребление людей, которое не назовешь иначе как геноцид.

Религиозная точка зрения остается неприемлемой для многих ученых, но демонстративный отказ от нее приводит, на мой взгляд, к утрате самого понятия "история". Очень трудно отрицать, что центральное положение в истории занимает Иисус Христос. Убежденнейшие атеисты располагают исторические события по отношению ко Христу - до и после Него, что едва ли объяснимо курьезами летоисчисления. Ни к чему не приводят попытки усмотреть в Христе мыслителя, моралиста или социального реформатора. Уникальность Его положения в истории не определяется ни тем, ни другим, ни третьим. Очевидно, сама личность Богочеловека воздействовала и продолжает воздействовать на историю. Христос опроверг естественность человеческой смерти, доказав тем самым, что человек - существо не биологическое или не только биологическое. Отсюда несомненный расцвет культуры, науки и техники в эпоху после Христа, в сфере христианства, так как духовная жизнь человека всегда была своеобразной компенсацией его смертности, то есть физиологической ущербности, поэтому против Христа и Его мировой религии выступают все адепты родового, биологического, не человеческого, а людского, играющие в истории роль союзников смерти. Неслучайно фарисеи решают убить Христа после того, как Он воскресил Лазаря. Этим объясняется и то, что явление Христа в истории привело не к смягчению нравов, а к целой череде войн, мятежей и революций. Так сопротивляются силы смерти открытому вызову Богочеловека. Впрочем, Сам Он предрекал: "Мните ли, яко мир прiидох дати на землю, ни, глаголю вамъ, но разделение" (Лука, 12,51).

Христианство вызвало в Римской империи реакцию, продолжающуюся поныне. Рим по-своему решил проблему языческих (народных) религий. Римский закон предписывал почитать каждого бога при условии, что почитаются боги всех остальных народов, населяющих империю. Такой снисходительный имперский плюрализм был неприемлем для иудеев, отказывавшихся поклоняться идолам и всем богам, кроме своего Бога. Так снова привлекли к себе внимание и накликали неприязнь на своих носителей странные (по библейскому выражению) законы иудеев. Этой неприязни было далеко еще до позднейшего еврейского вопроса, но

контуры его уже наметились. А первые христиане заняли по отношению к имперским богам позицию, еще более радикальную и непримиримую. Христиане не только признавали Римскую империю, они были преданы ей; доблестно и с готовностью служили христиане в римской армии. Христианскому писателю принадлежит фраза: "Pax romana - Pax Dei" ("риский мир - божий мир"). Но христиане категорически отвергали государственный культ "всех" богов, за что христиан затравливали дикими зверями на цирковых аренах. Образованные римские политики пытались представить христианское исповедничество как тупое, невежественное противодействие просвещенному многобожию. Приверженцы истинного Бога не обманывались в своих чаяньях. Недаром взбунтовался народ при Понтии Пилате, когда в Иерусалим внесли римские знамена с изображением императора и орла. Неразборчивое совмещение бывших родовых божеств обосновывало и подразумевало подлинную государственную религию: культ кесаря-человекобога, предвосхищающий тоталитарные режимы двадцатого века.

Геноцид предшествует и сопутствует тоталитаризму, чей символ веры - культ смерти. Речь идет не об исторических аналогиях и параллелях, на которых построены романы Фейхтвангера. Речь идет о прямой преемственности и типологии тоталитарных режимов. Истребление людей для них - не временная мера и не средство, а само содержание и принцип их существования. "Бытие определяет сознание", - утверждает тоталитарный режим, ссылаясь на физическую природу человека, отсюда возврат к старинной практике пыток. Истинная же суть тоталитарного режима - непрерывная апелляция к смерти, что выражается в грандиозных человеческих жертвоприношениях (holocauste), совершавшихся в древнем Риме публично, а в новое время засекреченных, но так, чтобы о них знал каждый участвующий в массовых шествиях и спортивных состязаниях. Энтузиазм подогревается геноцидом, обстоятельство, упущенное из виду авторами антиутопий Замятиным и Оруэллом.

В этом смысле преследование христиан не прекращалось никогда. Владимир Соловьев указывал на то, что и после принятия христианства позднейший строй жизни представлял собой лишь исторический компромисс между христианством и язычеством. Древний антагонизм между культом смерти и религией воскресения лишь обострился в рамках этого антагонизма, перерастая в откровенную вражду к христианству, столь характерную для гитлеровского и для сталинского рейха. Знаменательна в этом смысле историческая судьба народов, причастных к христианской традиции или отождествивших себя с ней. Армянская Апостольская Церковь самим своим наименованием подчеркивает свою привер-

женность к раннехристианскому символу веры, и участь гонимой христианской церкви тысячелетиями остается участью армянского народа. В современном либерально-прогрессивном мире армяне продолжают жить жизнью первых христиан под постоянной угрозой мученического геноцида. Если Рождество - главный праздник западной церкви, обретающей в христианстве человечность Бога, то Армянская Церковь - церковь Богоявления, чей религиозный опыт - божественность человека, таящаяся в монофизитской догматике. Божественностью человека сформирован не только духовный, но и телесный облик армянской красоты, запечатленный поэзией и живописью. Фильм Сергея Параджанова "Цвета граната" - зримая симфония этого иконописного облика, свидетельствующего против насилия каждой своей чертой. Биография самого Сергея Параджанова вписывается в "Цвет граната" как частный случай геноцида, направленного в мещанском обществе против художника. Творец хрупких изысканных образов не от мира сего подвергся преследованиям, превосходящим своей жестокостью обычные мероприятия против диссидентов. И сейчас вынужденные реверансы перед памятью Параджанова нередко выдают плохо скрытую неприязнь к божественным веяньям в искусстве.

Близорукие публицисты склонны истолковывать геноцид армян как историческое противостояние ислама и христианства, что не подтверждается историей. Гонения на христиан, тем более их физическое истребление, противоречат Корану и не характерны для классических мусульманских государств, славящихся своей просвещенной веротерпимостью. Геноцид армян проводился младотурками, отнюдь не отличавшимися особой мусульманской религиозностью. Со временем обнаруживаются скрытые пружины и мотивы первой и второй мировой войны. В мировых войнах не бывает победителей. Истребление людей в мировых войнах - для всех воюющих сторон самоцель, которую они не всегда сами отчётливо осознают, но тем ревностнее преследуют. Геноцид армян был негласным, но главным достижением первой мировой войны, прецедентом, привлекательным для многих. Гитлеру приписывают высказывание, согласно которому человечество промолчало в ответ на геноцид армян и промолчит в ответ на последующие мероприятия такого рода. Подобные мероприятия, обусловленные союзом Гитлера и Сталина, составили содержание второй мировой войны.

Гитлер честно отбросил идеологический камуфляж, оправдывающий ненависть к евреям их участием в распятии Христа. В подобном камуфляже сказывалась некая психологическая инверсия, помеченная, помнится, Отто Вейнингером: склонность приписывать предмету своей антипатии то, что втайне испытываешь сам и ненавидишь или, напротив, культивируешь в себе самом.

Гитлер прямо усмотрел в еврействе прохристианскую силу, подтачивающую основы арийского мира. Между тем неприятие Христа некоторыми еврейскими кругами - факт исторический, сложный и недостаточно изученный. Складывается впечатление, будто вожди синедриона в Иерусалиме предчувствовали преследования и пытались их избежать, отвергая Христа. Все это слышится в страшной фразе первосвященника Каиафы: "...уне есть намъ, да единъ человек умретъ за люди, а не весь языкъ погибнетъ" (Иоанн, 11,50). Однако и в этой фразе, по-своему обосновывающей принцип тоталитаризма, евангелист усматривает пророчество о том, что Христос не только умрет за людей, но и соберет воедино "чада Божія расточенная". Бессмыслен вопрос, был или не был Христос евреем. Богочеловек принял всю полноту человечности. Он принадлежит всем народам и всем расам, и не так уж неправы те, кто придает Ему черты негра или китайца. В конце концов, такие черты в той или иной степени присущи каждому человеку. Несомненно одно: за ненавистью к евреям всегда скрывается ненависть ко Христу. Эта ненависть может маскироваться мусульманской или даже христианской фразеологией, лишь усугубляясь от такого лицемерия. У Достоевского Великий Инквизитор собирается во имя Христа сжечь Христа. Несправедливо было бы считать Великого Инквизитора представителем только католической церкви. "Инквизитор твой не верует в Бога, вот и весь его секрет", - замечает Алеша Карамазов. Инквизитор не верует в Бога, потому что верует в смерть и в уничтожение. Таков лик тоталитаризма, не пренебрегающего и православной личиной.

Мы видели, как в подсознании современного человека шевелятся архетипы исторических и доисторических эпох, прошедших лишь в календарном, а не в экзистенциальном времени. Противопоставление сознания и подсознания было для Фрейда методом исследования, а не конечным выводом. Фрейд ни мог не видеть: архетипы подсознания проникают в сознание, превращая его в свое орудие, и, напротив, стереотипы сознания внедряются в подсознание, так что одно не отличишь от другого. Вторгнувшись из подсознания в сознание, первобытное человеконенавистничество сформулировало в девятнадцатом веке расовую теорию, практически незнакомую предшествующим эпохам. Потребовалась фальсификация новейшего естествознания, чтобы низвести человека на уровень зверя, не переносящего другой биологический вид, то есть себе подобных. Паразитируя на эротических архетипах народности, расовая теория разожгла давние идеосинкразии и антипатии, которых человек устыдился и которые изживал. Из сознания в подсознание закралось детище начального образования, привычка делить, подсчитывать и считать. В окружающих средний человек увидел едоков, которые его объедают. Средний человек

произвел нехитрый подсчет: чем меньше будет едоков, тем больше достанется остальным и мне в том числе. Такая калькуляция легла в основу знаменитого принципа: "Социализм - это учет". Такая калькуляция скрывается за обывательским культом купонов и репрессий. Этой же калькуляцией руководствуется уличный демагог, с пеной у рта вопящий: "Стрелять! Стрелять надо!"

Жертвой этого уравнительно-распределительного мракобесия стала в двадцатом веке, прежде всего, Россия. Многие соблазнились его доходчивостью в надежде уменьшить число инакомыслящих и просто мыслящих, политических противников, конкурентов, едоков так или иначе. Геноцид русского народа совершался, согласно этому иррационалистическому рационализму. Страшнее всего было то, что занимались этим и бывшие русские. Если русские цари, несмотря на свое иноземное происхождение , действительно, становились русскими людьми в силу Богопомазания (мысль принадлежит покойному художнику Юрию Селиверстову), то новоявленные вожди перераспределителей, отрекаясь от православия, переставали быть русскими, на собственном примере доказывая, что "рабочие не имеют отечества" (см. К.Маркс, Ф,Энгельс, Сочинения.- М., 1955, т.4, с.444). Теперь преемники не имеющих отечества пытаются подкрепить классовое чувство расовыми инсинуациями. Они забывают или не знают: расовая теория была направлена своими немецкими основоположниками именно против русского народа как против "грязной расы", подлежащей насильственному сокращению, что и было осуществлено красными и коричневыми национал-социалистами. В подсознании и в сознании современного человека продолжает назревать нарыв или взрыв геноцида. Эта опасность не изживается одними только духовными средствами. Историческим обоснованием власти всегда было противодействие насилию. Такие функции выполняла антропократическая монархия и демократия, но власть человека над человеком всегда таит в себе зародыш тоталитаризма. Мы вступили в эпоху, когда не имеет оправдания никакая власть, кроме власти над бесчеловечными в человеке.

ЦИФРЫ. ДАТЫ. ИМЕНА

111 ДАТ АРМЯНСКОЙ ИСТОРИИ

1280-1270 г. до н.э.	После опустошительных нашествий ассирийского царя Салманасара I племенной союз Уратри распался, и его место занял более мощный племенной союз Наири.
сер.1Х в. до н.э.	Распад племенного союза Наири и воссоздание союза Уратри.
2-я пол. 1Х в. до н.э.	Основан г.Тушпа (ныне Ван) - древнейший из армянских городов.
845 г. до н.э.	Царь Арам стал первым правителем объединенного Урарту.
782 г. до н.э.	Аргишти (786-760), сын царя Минуа, основал крепость Эребуни (ныне Ереван).
743 г. до н.э.	Битва ассирийских войск Тиглатпаласара III с Сардури II и его союзниками закончилась разгромом урартов. Разрушена Тушпа - столица Урарту.
675 г. до н.э.	Поход урартского царя Русы II (680-660) против Фригии, Мелитены и халдов.
609 г. до н.э.	Первый поход вавилонян на Урарту.
VI в. до н.э.	Письменными источниками засвидетельствованы армяне на нагорье, получившем впоследствии название Армянского.
593-591 гг. до н.э.	Мидяне уничтожили царства урартов, маннеев и скифов.
590-580 гг. до н.э.	Урарту навсегда сходит с исторической арены
520 г. до н.э.	Бехистунская трехязычная надпись впервые упоминает страну Армина (персидский и эламский текст); в вавилонском написании - Урарту.
401 г. до н.э.	Битва при Гавгамелах - войска Александра Македонского нанесли поражение Дарию III; в составе армии персов воевали армянские полки.

376 г. до н.э.	Армянский цар Вараздат стал победителем сто первых Олимпийских игр по кулачному бою.
77 г. до н.э.	Тигран II основал город Тигранакерт и переселил в него десятки тысяч ремесленников и торговцев из завоеванных им городов Малой Азии и Сирии, в том числе тысячи иудеев.
66 г. н.э.	Имп. Нерон короновал армянского царя Трдата.
114 г.	Имп. Троян вторгся в Армению и объявил ее римской провинцией.
298 г.	Нисибинский договор между Персией и Римом, восстановивший целостность царства Великой Армении.
362-440	Жизнь Месропа Маштоца, создавшего армянский алфавит.
371	Войска персидского царя Шапура II разбиты соединенными силами римлян, армян и грузин. Шапур вынужден был признать Папа (сына Аршака II) царем Армении, а Саурмага - царем Иверии.
387	По договору между римским имп. Феодосием I и персидским царем Шапуром III Армения разделена на две части: Восточная подпала под владычество Персии, Западная - Византии.
405, июнь	На берегу р.Ерасх католикос Саак встречал Маштоца, принесшего народу армянскому алфавит. Этот день стал праздником "наших святых переводчиков Саака и Маштоца", который и теперь отмечается в Армении.
439, 7 сентября	Умер католикос Саак, осуществивший вместе с учениками перевод Библии на армянский язык.
440, 17 февраля	Смерть Месропа Маштоца. Его могила, ставшая святыней для армян и известная как "могила переводчика", сохранилась до наших дней и находится под алтарем церкви в селе Ошакан.
443-451	Корюн пишет "Житие Маштоца".
480-481	"Отец армянской истории" Мовсес Хоренаци создал "Историю Армении".
481-484	Восстание армян против персов под руководством Вагана Мамиконяна и при поддержке грузинского царя Вахтанга I Волчьей Головы.

490-495	Лазар Парпеци по предложению князя Ваана Мамиконяна написал "Историю Армении".
506-508	Первый Двинский собор армянских, грузинских и албанских епископов.
536	В результате административной реорганизации имп. Юстиниана, Зап.Армения, находящаяся под властью Византии, разделена на четыре провинции: Первую Армению, Вторую, Третью и Четвертую.
554	Осуждение халкидонства и разрыв армянской церкви с византийской на втором Двинском соборе.
571	Антиперсидское восстание Красного Вардана (Вардана Мамиконяна-младшего).
591	Второй раздел Армении между Ираном и Византией.
608	Раздел армянской и грузинской церквей.
640	Войска Арабского халифата впервые вторглись в Армению.
661	Завершено строительство храма Звартноц.
717	Византийским императором стал Лев III. Начиная с него, четыре века подряд Византия имела императоров армянского происхождения, - как правило, они проявляли к армянам больше враждебности, чем греки.
762	Антиарабское восстание князей Саака и Амазаспа Багратуни.
832	В Италию прибыл князь Мушег Мамиконян, ставший впоследствии правителем Сицилии.
851-852	Повстанцы под командованием Ашота и Давида Багратуни нанесли поражение арабской армии под командованием эмира Юсуфа.
855	Армяне нанесли поражение арабскому эмиру Буге.
885	Ашот Багратуни провозглашен армянским царем Ашотом I (885-890), признанным и Арабским халифатом, и Византией.
908	Эмир Юсуф от имени халифа вручил царскую корону Гагику Арцруни. Начало династии Арцрунидов (908-1021) в Васпуракане.
910-918	Крестьянские восстания в центральных областях Армении.

923	Отряд под командованием царя Ашота II (914-928) разбил арабов на берегу оз.Севан.
935	Армянские монахи, вытесненные греками из Малой Армении, основали на берегу оз.Ван Нарекский монастырь. Эта обитель прославлена тем, что ее инок и вардапет Григор Нарекаци написал здесь "Книгу скорбных песнопений" (1003), которую народ назвал "Нарек". Монастырь разрушен в нач. XX века.
957	Основан Ахпатский монастырь.
966	Аннексия Тарона, начало завоевания Армении Византией.
987-1010	Деятельность зодчего Трдата - строителя последнего сохранившегося купола св.Софии в Константинополе.
995	Ужасное землетрясение в Четвертой Армении, полностью разрушившее Хаштианк, Хардциан, Цопк, Балу, Пахнатун. Как пишет историк Асохик: "Вместо пророков Бог заставил говорить стены, и вместо апостолов горы возвысили свои голоса, дабы бесчувственные познали и разумели страшную силу Божию".
1032	В Армении одновременно произошло затмение солнца и землетрясение. То же повторилось в 1036 г.
1064	Сельджуки захватили Ани.
1113	Католикосом всех армян стал (и оставался 53 года) Григор III Пахлавуни (1093-1166).
1166, 17 апреля	Католикос Григор III отрекся от патриаршьего престола. Его преемником стал его младший брат Нерсес Пахлавуни (1102-1173), прозванный Шнорали-Благодатный.
1185-1206	Армяно-грузинские войска освобождают северо-восточную Армению от сельджуков, устанавливая власть Захаридов.
1198, 6 января	В Тарсе коронован Левон II из династии Рубенидов. Провозглашение Киликии армянским царством.
1236-1243	Завоевание монголами коренной Армении, новая эмиграция армян в Киликию.
1245	Монголы захватили Южную Армению.
1266	Мамлюки, нанеся поражение союзникам армянского царя Гетума I, вторглись в Киликию и, раззорив ее, вернулись в Египет.

1270	Князь Галицкий Лев, основав Львов, призвал туда армян и даровал им привилегии.
1292	Взятие Ромклы мамлюками, перенесение престола армянских католиков в Сис.
1307	Убийство монголами в Анзарбе царя Киликии Левона IV и сорока армянских князей. Разрыв армяно-монгольского договора.
1344	Польский король Казимир Великий подписал закон о самоуправлении польских армян - "армянский статут Казимира".
1367	Основано армянское епископство во Львове.
1373	Иоаннес Воротнеци (1315-1386) основал Татевский университет.
1375	Мамлюки после трехмесячной осады взяли Сис - столицу киликийской Армении, что стало началом падения Киликийского армянского царства (1080-1375).
1393	В Париже умер Левон VI Лузинян - последний армянский царь.
1400	"В лето нынешнее Тамр-бек (Тимур) завладел городом Севастом, который разрушил и разорил; всех перерезал, много женщин и детей положил, а 3000 человек, которые пускали в него стрелы, закопав в землю, заживо похоронил".
1410, 15 июля	Битва при Грюнвальде, закончившаяся разгромом Тевтонского ордена. В составе польско-литовско-русско-чешской армии под командованием польского короля Владислава II сражались два полка галицийских армян.
1440	Ереван стал административным центром Восточной Армении.
1519	Король Сигизмунд I утвердил на сейме в Петроково свод законов, который составили армяне для собственного судопроизводства.
1590	Турецко-иранский договор, по которому Армения, Азербайджан и Грузия отошли к Турции.
1660	Торговец из Нор-Джуги армянин Ходжа Закар привез для русского царя Алексея Михайловича трон, украшенный алмазами (трон хранится в Оружейной палате Московского Кремля).

1667	Договор между Россией и Армянской торговой компанией Нор-Джуги, по которому армянским купцам даровалась не только привилегия свободной торговли в России, но и право транзита через Россию и Зап.Европу.
1724, март	Армяне Арцаха и азербайджанцы Гянджи заключили договор о взаимопомощи.
1771	Основана первая типография в Армении - в Эчмиадзине.
1780, январь	Переговоры представителей России с главой армянской епархии в России Иосифом Аргутинским и московским богачом Ованесом Лазаряном (Иваном Лазаревым). В переговорах принял участие полководец А.В.Суворов.
1795	Во время нашествия Ага Мухаммед-хана в Тбилиси погиб ашуг Саят-Нова (Арутюн Саядян), слагавший песни на армянском, грузинском, турецком языках.
1813, 12(24) октября	В селе Гюлистан (Карабах) заключен русско-иранский мирный договор, по которому Дагестан, Вост.Грузия, Гянджинское, Карабахское, Шекинское, Ширванское, Бакинское, Кубинское, Талышское и Дербентское ханства, а также Ширак, Лори, Шамшадин, Зангезур окончательно признаны владениями Российской империи.
1826, 21 сентября	Русские войска под командованием генерала Дениса Давыдова, освободив от персидских войск северные провинции Армении, вступили в пределы Ереванского ханства.
1827, 20 сентября	Русские войска заняли Сардарапатскую крепость, а 1 октября - Ереван.
1828, 22 февраля	В селе Туркманчай (близ Тебриза) заключен мир, завершивший русско-турецкую войну 1826-28 гг. По мирному договору к России отошли Эриванское и Нахичеванское ханства.
1828	В Ереване впервые поставлена пьеса Грибоедова "Горе от ума".
1829, 27 июля	Русские войска взяли Эрзерум. Очевидцем боевых действий был А.С.Пушкин.
1840, 20 июня	Под обвалом со склона Арарата погибло село Аркури, где по преданию Ной взрастил первую виноградную лозу. Погибли 5000 жителей села.

1878, 1 июля	Берлинский конгресс представителей великих держав (Россия, Германия, Англия, Франция, Австро-Венгрия, Великобритания, Италия) и Турции под председательством Бисмарка, созванный для пересмотра Сан-Стефанского договора. Согласно решениям Б.к. к России присоединены Карс, Ардаган, Батум, а Баязет, Эрзерум и Алашкертская долина возвращены Турции. Права армян на конгрессе отстаивали епископы Хримян и Нарбей - посланцы константинопольского патриарха Нерсеса Варжапетяна.
1881	В Эрзеруме основан тайный союз "Защита Родины", целью которого стало вооруженное антитурецкое восстание.
1887	Создана партия "Гнчак" (по названию газеты "Гнчак" - "Колокол").
1892	Католикосом всех армян избран Мкртич Хримян (1820-1907).
1895, май	Английский, французский и русский послы в Константинополе разработали программу ("Майские реформы"), предусматривающие местное самоуправление в Зап.Армении, и вручили ее турецкому правительству для утверждения.
1895	Жители одного из городов Колумбии, узнав о резне армян в Турции, дали своему городу новое название - Армения.
1904, весна	Антитурецкое восстание армян Сасуна. Жестоко подавлено войсками султана Абдул-Гамида.
1905	Армянская резня в Шуше, Баку, Нахичеване, Ереване, Елизаветполе.
1909, апрель	Армянская резня в Адане и других киликийских районах. Жертвами погромщиков стали 30 тысяч человек.
1914, 22 декабря - 1915, 17 января	Сарыкамышская операция. Русская Кавказская армия (ген. А.З.Мышлаевский) окружила и разгромила наступавшую 3-ю турецкую армию (ген. Энвер-паша). Турки потеряли до 90 тысяч убитыми и ранеными.
1915, 7 апреля - 6 мая	Армянские повстанцы обороняли Ван до подхода русских войск.
1915, 24 апреля	В Константинополе убиты выдающиеся представители армянской культуры Григор Зохраб, Даниэл Варужан, Сиаманто, Рубен Севак, Рубен Зардарян.

1917, 29 декабря	Декрет Совета народных комиссаров "О Турецкой Армении", подписанный В.Лениным.
1918, 22 апреля	Закавказский сейм объявил Закавказье "независимой республикой".
1920, март-октябрь	Резня армян в киликийских городах Урфе, Аджне, Айнтабе, Зейтуне.
1920, май	Безрезультатные переговоры между делегациями Советской России (рук. нарком иностранных дел Георгий Чичерин) и Армении (рук. Левон Шант).
1920, 24 ноября	Симон Врацян возглавил правительство Независимой Армении.
1921, 18 февраля	Антисоветское восстание в Армении. Восставшие, взяв Ереван, свергли коммунистический режим, но были разгромлены частями Красной Армии.
1923	"Шовинизм грузинский (в Грузии), направленный против армян, осетин, аджарцев и абхазов, шовинизм азербайджанский (в Азербайджане), направленный против армян... и пр. - все эти виды шовинизма, поощряемые к тому же условиями НЭПа и конкуренции, являются величайшим злом, грозящим превратить некоторые национальные республики в арену грызни и склоки". (Из резолюции XII съезда ВКП(б)
1935, 22 октября	В Париже умер архимандрит Комитас (р.1869) - великий армянский композитор. В 1915 г., увидев ужасы резни, сошел с ума.
1988, 26-29 февраля	Резня в Сумгаите (Азербайджан). По официальным данным, погибли 32 человека - 26 армян и 6 азербайджанцев. Убийцы остались безнаказанными.
1989	Американский астронавт армянского происхождения Джеймс Бадьян (р.1952) совершил семидневный полет на космическом корабле "Дискавери". Второй космический полет Джо Бадьяна состоялся в июне 1991 г.
1992, 16 февраля	Азербайджанские войска начали обстрел Степанакерта из реактивных установок "Град" - оружия массового уничтожения, применение которого против мирного населения запрещено международной конвенцией. Вскоре "Град" стали использовать и армянские боевики, обстреливая Шушу и Агдам.
1992, 3 марта	Армения принята в члены ООН. Одновременно с Азербайджаном, Казахстаном, Киргизией, Молдавией, Таджикистаном, Туркменией и Украиной.

1992, 9 апреля	Вблизи села Балаовит (в 10 км от северной окраины Еревана) взорвались склады с 60 тыс. тонн боеприпасов. Было эвакуировано около 500 тыс. жителей Еревана и Абовяна. Жертв, к счастью, нет.
1992, 22 апреля	Министр иностранных дел республики Армения Раффи Ованнисян и чрезвычайный и полномочный посол государства Израиль в Российской Федерации Арье Левин, находившийся с визитом в Ереване, обменялись нотами об установлении полных дипломатических отношений между государством Израиль и республикой Армения.

111 ДАТ ЕВРЕЙСКОЙ ИСТОРИИ

ок.1000 г. до н.э.	Царь Давид построил город и назвал его Иерусалим (Иерушалаим), перенеся сюда из прежней столицы Хеврона Ковчег Завета, где хранились Скрижали - две каменные таблички с высеченными Десятью Заповедями.
ок. 960 г. до н.э.	Строительство Первого Храма. Царь Соломон перенес в него Скрижали и Менору - золотой светильник.
ок. 928-907 гг. до н.э.	Правление первого израильского царя Иорована I.
IX в. до н.э.	Основана новая столица Израильского царства - Самария (Шомрон).
VII в. до н.э.	Древнейшее изображение Маген-Давида (щит Давида) - шестиконечной звезды обнаружено в Сидоне на печати, принадлежавшей Иехошуа бен Асаяху.
720 г. до н.э.	Саргон II угнал из Самарии в Месопотамию и Мидию десятки тысяч жителей, а в города Израиля пригнал кочевников, позднее - халдеев из Вавилона. Переселенцы, смешавшись с оставшимися израильтянами, переняв местную религию и язык, образовали новую народность - *самаритяне.*
604 г. до н.э.	Иеремия (ок. 645-конец VI в. до н.э.) диктует своему секретарю Баруху книгу пророчеств.
598/7 г. до н.э.	Войска Новуходоносора вторглись в Иудею, вошли в Иерусалим и увели в плен 10.000 человек, среди них царя Иехояхина и пророка Иезекииля.
516 г. до н.э.	Заново отстроен Храм. Во Втором Храме уже не было Скрижалей Завета - они таинственно исчезли незадолго до разрушения Первого Храма.

444 г. до н.э.	Первое из известных публичных чтений Торы в Иерусалиме.
301 г. до н.э.	В Иудее установилась власть египетской ветви наследников Александра Македонского - династии Птолемеев. Наступил столетний период относительного мира. К годам правления Птолемея II Филадельфа (285-245) относится создание Септуагинты (перевод семидесяти старцев) - первого перевода Библии на иностранный (греческий) язык.
III в. до н.э.	Сочинение египетского эллинизированного жреца Манефона - кажется, это первый литературный источник, где вражда к евреям представлена как одно из проявлений борьбы между цивилизованным миром и варварством.
164 г. до н.э., декабрь	Отряды Иуды Маккавея освободили Иерусалим. Возобновилось богослужение в Храме. В ознаменование этого события установлено восьмидневное празднество освящения - Ханука.
161 г. до н.э.	Первое достоверное упоминание о прибытии в Италию евреев - послов Иуды Маккавея.
160 г. до н.э.	Битва иудеев с селевкидским войском. Иуда Маккавей пал в бою, восстание возглавили его братья Ионатан и Шимон.
142 г. до н.э.	Еврейские общины существуют в Спарте, на Самосе, Делосе, Косе, Крите, Родосе.
132 г. до н.э.	Внук Иисуса сына Сирахова перевел книгу своего деда с иврита на греческий язык.
67 г.н.э., 20 июля	После упорной осады легионеры Веспасиана взяли город Иодфат - последний оплот войск Иосифа Флавия. Среди 1.200 пленников, захваченых римлянами, оказался и Иосиф Флавий.
212	Все евреи Римской империи получили римское гражданство.
305	Церковный собор в Эльвире запретил христианам жить в домах евреев, есть с ними за одним столом и т.п.
438	Кодекс имп. Феодосия II свел воедино все антиеврейские законы и запретил строительство новых синагог.
468	"Год разрушения мира". Начиная с этого года, персы разрушают синагоги, запрещают евреям изучение То-

	ры, еврейских детей насильно отдают жрецам-зароастрийцам. Гонения длились до воцарения Хосрова I.
500	Завершение Вавилонского Талмуда.
531	Имп. Юстиниан ввел особую форму судебной присяги для евреев при тяжбах с христианами. Эта присяга, которой присягающий призывал на себя проклятия за ложные показания.
628, май	Пророк Мухаммед покорил оазис Хайбер - последний оплот активно выступавших против него евреев.
нач. VIII в.	В Багдаде возникла секта караимов (букв. *читающие*), доктрина которой основана на отрицании раввинистическо-талмудической традиции.
850	Халиф Мутавакиль принял указ, впервые обязывающий богатых евреев носить желтые головные уборы, а бедных - желтые лоскуты на груди и спине.
879	Восставшие китайцы, захватив Гуанчжоу, перебили ок. 120.000 иностранцев, среди которых были и евреи.
986	В Киев из Хазарского каганата прибыли евреи склонять князя Владимира обратить Русь в иудаизм.
1000	Население Иудеи - 450 тыс. чел., Израиля - 1.350 тыс.чел.
1113	Еврейский погром в Киеве.
1135	В Кордове родился Моше бен Маймон - Маймонид (ум. 1204), величайший еврейский философ, каббалист, поэт, врач.
1144	Обвинение евреев Нарвича (Англия) в убийстве христианского младенца - первый засвидетельствованный кровавый навет на евреев в Европе.
1243	В Белитце (под Берлином) евреев обвинили в осквернении гостии (облатки для причастия). Обвиняемых сожгли на костре. В Румынии подобное обвинение было выдвинуто против евреев даже в 1836 г.
1264	Польский князь Болеслав V даровал привилегии (Калишский статут) евреям Калиша.
1267	В Иерусалим прибыл из Испании рабби Моше бен Нахман. Он нашел в городе ок. 2 тыс.чел., среди которых были лишь два еврея.
1301	Мамлюки обязали евреев в Египте носить желтые тюрбаны (христиан - синие, самаритян - красные).

1348	Эпидемия чумы в Европе, "вину" за которую взвалили на евреев, что привело к разгрому большинства еврейских общин в Германии, Франции, Богемии, Польше.
1470	Из Киева в Новгород выехал Схария Жидовин, с которым связывают зарождение на Руси ереси жидовствующих.
1492, 31 марта	После падения Гранады, последнего оплота мусульман на Пиринсйском полуострове, король Фердинанд Арагонский подписал указ об изгнании 120 тыс. евреев. 31 июля последний еврей покинул Испанию.
1492, 12 октября (официальная дата открытия Америки)	Христофор Колумб достиг о.Самана. Первым на землю нового континента ступил переводчик экспедиции Луис де Торрес - крещеный еврей из Мурсии.
1496, 5 декабря	Декрет короля Мануэла I об изгнании евреев и мусульман из Португалии.
1516	Евреям в Венеции выделен для проживания специальный квартал "джетто нуово" (новая литейня), куда поселили в основном евреев итальянского и германского происхождения. В 1541 г. евреи из Леванта были выселены в соседний район - "джетто веккио" (старая литейня).
1528	Аутодафе в Мехико, на котором сожжены три "тайных еврея", в том числе соратник Кортеса Эрнандо Алонсо (1460-1528).
1534	В Кракове издана первая из дошедших до нас печатных книг на идиш - словарь "Миркевет ха-Мишна".
1563	В Полоцке, захваченном русскими войсками, по приказу государя Ивана IV Грозного утоплены в Двине около 300 евреев, отказавшихся принять крещение.
1654	Первые евреи (23 чел.) прибыли в Новый Амстердам (ныне Нью-Йорк) из Бразилии, спасаясь от преследования инквизиции.
1656	При торжественном собрании верующих евреев Амстердама проклят и навсегда изгнан из еврейской общины Барух Спиноза (1632-1672). "Предупреждаем вас, что никто не должен говорить с ним ни устно, ни письменно, ни оказывать ему какую-либо услугу, ни проживать с ним под одной кровлей, ни стоять от него ближе, чем на четыре локтя, ни читать ничего им оставленного или написанного".

1703	Основан Санкт-Петербург. Среди первых жителей города были крещеные евреи: вице-канцлер П.Шафиров, генерал-полицмейстер А.Дивьер, почт-директор Ф.Аш, камердинер Петра I П.Вульф и государев шут Ян д'Акоста.
1738, 15 июля	В Санкт-Петербурге преданы публичному сожжению флотский офицер А.Возницын и еврей Борох Лейбов, склонивший его принять иудаизм.
1768	Резня, учиненная гайдамаками в Умани; погибло ок. 20 тыс. горожан, в основном евреев.
1804	По предложению поэта и министра Гавриила Державина российским евреям стали давать фамилии.
1806	Наряду с запретами (носить хорошую одежду и т.д.) на еврейскую общину Саны (Йемен) воозложена обязанность вывоза нечистот - она оставалась в силе до 1950 г.
1821, 1 сентября	Американский политик и драматург Мордехай Ноах (1785-1851) выпустил прокламацию, призывающую евреев всех стран в основанную им возле г.Буффало колонию "Арарат".
1839	Указ султана Мухаммада-Али о равных правах мусульман, евреев и христиан.
1844	В России издан указ об упразднении кагала, т.е. о лишении еврейской общины статуса юридического лица.
1853-1875	Издание 11-томной "Истории евреев с древнейших веков до настоящего времени" Генриха Греца (1817-1891) - первого монументального труда по всеобщей истории евреев.
1868	Премьер-министром Великобритании стал крещеный еврей Бенджамин Дизраэли.
1871	Открыта первая в Москве синагога.
1903, 6 апреля	Еврейский погром в Кишиневе (убито 49 чел., ранено 586, разгромлено более 1500 домов и лавок). Хаим Бяляк написал поэму "Сказание о погроме", а Владимир Короленко очерк "Дом N 13".
1906	Депутатами I Государственной Думы (Россия) избраны 12 евреев (всего депутатов - 478).
1908	Немецкий врач, бактериолог Пауль Эрлих (1854-1915), удостоенный вместе с И.Мечниковым Нобелевской

	премии, стал первым евреем - Нобелевским лауреатом. Евреи из разных стран составляют примерно пятую часть всех нобелевских лауреатов.
1911	Януш Корчак (1878-1942) основал в Варшаве еврейский Дом сирот, которым руководил до своей гибели в Треблинке.
1920, март	Нападения арабов на еврейские поселения в Верхней Галилее. Тель-Хай был разрушен, несмотря на героическую оборону, при которой погибли Иосиф Трумпельдор и еще семь защитников.
1921	В Москве создан Госет - первый в истории государственный театр на идиш. В 1929-1949 его возглавлял Соломон Михоэлс.
1925-1929	В Берлине издан на немецком языке 10-томный труд Семена Дубнова (1860-1941) "Всемирная история еврейского народа".
1926	В Полтаве вышел труд Ицхака Красильникова "Твуна" ("Разум") - последняя раввинистическая книга на иврите, изданная в Советском Союзе.
1927	Давид Цемах, Менахем Гнесин и Хана Ровина основали в Москве театр "Габима" ("Сцена") - первый в мире профессиональный театр на иврите.
1930	"Обращение к советскому правительству" - протест против запрещения изучать иврит в СССР - подписали Альберт Эйнштейн, Якоб Вассерман, Якоб Клячкин, Арнольд Цвейг и другие.
1932, 28 марта	В Тель-Авиве началась I Маккабиада - международные соревнования спортсменов-евреев. В них участвовали почти 500 спортсменов из 22 стран.
1934, 7 мая	Образована Еврейская автономная область в Хабаровском крае СССР с центром в г.Биробиджан.
1935, 15 сентября	На съезде национал-социалистической партии в Нюрнберге приняты "Закон о гражданстве рейха" и "Закон об охране германской крови и германской чести", фактически лишившие евреев Германии гражданства.
1936-1939	Гражданская война в Испании. В интербригадах (всего ок. 40.000 чел.) воевали 8.000 евреев, в том числе 300 бойцов из Палестины.

1938, 7 сентября	Папа Пий XI в публичном выступлении осудил участие католиков в антисемитском движении, указав, что христиане - духовные потомки патриарха Авраама - являются "духовными семитами".
1938, с 9 по 10 ноября	"Хрустальная ночь" в Германии и Австрии. 25 тысяч евреев отправлены в концлагеря. Только в Вене разрушены 42 синагоги, 680 евреев убиты или покончили с собой, 8 тысяч арестованы.
1940	Евреи-беженцы, прибывшие на трех судах из Румынии, интернированы англичанами в Хайфе. Чтобы помешать отправке нелегальных иммигрантов на о.Маврикий, агенты Хаганы устроили взрыв на французском корабле "Патрия", надеясь лишь повредить его, но судно затонуло, что привело к гибели 267 пассажиров из 1770.
1942, февраль	Советская подлодка Щ-215 потопила в Черном море судно "Струма", на борту которого находились еврейские беженцы из Румынии. Погибли 769 человек, спасся один.
1942, 9 мая	Нацисты издали указ об обязательном ношении евреями Амстердама желтой повязки со звездой Давида - это вызвало возмущение голландцев, многие из которых в знак протеста стали носить шестиконечную звезду.
1943	Демонстрация немецких женщин в Берлине на Розенштарссе - с требованием вернуть их арестованных мужей-евреев. Мужья были освобождены.*
1943, 17 мая	Закончилась ликвидация Варшавского гетто. Его защитники во главе с М.Анелевичем 5 недель героически сражались с фашистами, потеряв в боях 7 тысяч бойцов.
1944	Польско-еврейский юрист Рафаэль Лемкин (1901-1959) в книге "Европа под властью оси Берлин-Рим" впервые применил термин "геноцид" (от греч. genos - *род, племя*, и лат. caedo - *убиваю)* для обозначения нацистской политики полного истребления евреев.
1946, 4 июля	Еврейский погром в Кельце (Польша), вызванный слухами о похищении евреями христианского ребенка.

---

*ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ: Очень просим сообщить в редакцию журнала "Ной" (113534, г.Москва, 34 п/о, до востребования ВАРЖАПЕТЯНУ В.) всех, кто хоть что-нибудь знает, читал, слышал об этом поразительном событии. - *Ред.*

	42 еврея были убиты погромщиками, многие ранены. Потрясенные евреи Кельце и многих других мест Польши покинули страну.
1946, 22 июня	В знак протеста против запрета британскими властями иммиграции евреев в Палестину еврейская подпольная организация Эцель взорвала в Иерусалиме отель "Царь Давид", где находились британские учреждения. При взрыве погибли 90 человек.
1948, 9 апреля	Нападение еврейских террористов на арабскую деревню Дейр-Ясин, что привело к гибели многих мирных жителей.
1948, 17 сентября	Еврейские террористы убили в Иерусалиме шведского политического деятеля, посредника ООН графа Фольке Бернадотта.
1948, 8 ноября	Первая перепись населения в Израиле; по ее данным в стране проживало 713 тыс.евреев и 69 тыс. арабов.
1949, 28 января	Советская газета "Правда" напечатала редакционную статью "Об одной антипатриотической группе театральных критиков", начавшую компанию против космополитов, "ненавидящих все русское, все советское"- первую в СССР публично организованную акцию против евреев.
1949, май	За первый год существования государства Израиль прибыли 203 тыс. репатриантов.
1949, июнь - 1950, сентябрь	Операция "Волшебный ковер" по переселению в Израиль почти 50 тыс. йеменских евреев.
1950, март	Операция "Эзра и Нехемия", когда были вывезены в Израиль ок. 110 тыс. евреев из Ирака.
1951, весна	Процесс генерального секретаря коммунистической партии Чехословакии Рудольфа Сланского (1901-1952) носил подчеркнуто антисемитский характер.
1953	В Иерусалиме основан Яд ва-Шем - центр памяти жертв нацизма и героев Сопротивления.
1960	Образована Академия наук Израиля, ее первым президентом стал Мартин Бубер (1878-1965).
1960	1-я Международная конференция в защиту советских евреев (Париж).
1963	Закрыто последнее еврейское кладбище в Москве - Востряково.

1964, январь	Папа Павел VI первым из понтифексов совершил паломничество в Иерусалим.
1967, 7 июня	На третий день шестидневной войны израильские парашютисты вышли к Стене плача, и звук шофара главного военного раввина Шломо Горена возвестил об освобождении святыни еврейского народа. Во время боев за Старый город израильское командование отдало приказ любой ценой избегать разрушения христианских и мусульманских святынь, что потребовало дополнительных жертв и усилий.
1967	Несколько студентов-евреев исключены из Кишиневского университета за отказ публично осудить "Израильскую агрессию".
1968	Публичная пощечина Беаты Кларсфельд канцлеру ФРГ Курту Георгу Кизингеру, бывшему члену нацистской партии.
1970, март	В боевых действиях Египта против Израиля начинают участвовать советские ракетчики и летчики.
1971	Начало массового выезда советских евреев в Израиль.
1972, 5 сентября	Арабские террористы убили 11 израильских спортсменов, приехавших на Олимпийские игры в Мюнхене.
1977, 19 ноября	Египетский президент Анвар Садат выступил в кнессете Израиля.
1978, 11 марта	Террористы, проникшие из Ливана, напали на автобус, убив 36 и ранив 76 израильтян. Ответом на это преступление стала "операция Литани" - захват территории Южного Ливана и ликвидация террористических формирований.
1978	Верховный суд РСФСР приговорил правозащитника Натана Щаранского по ст.70 и 64 УК РСФСР (измена Родине) к тринадцати годам лишения свободы.
1980	Президент Израиля Ицхак Навон выступил в египетском парламенте с речью на арабском языке.
1980, июнь	Кнессет принял Закон об Иерусалиме, объявивший Иерусалим неделимой столицей Израиля.
1982, 16-18 сентября	Отряды ливанских христиан учинили резню в лагерях палестинских беженцев Сабра и Шатила. Оппозиция обвинила правительство Израиля в косвенной вине за эти массовые убийства, что привело к отставке министра обороны Ариэля Шарона.

1990, 7-10 октября	В Тбилиси (Грузия) проходил первый конгресс еврейской молодежи СССР.
1992, 17 марта	Взрыв израильского посольства в Буэнос-Айресе - погибли 29 человек, ранены 225. Ответственность за преступление взяла организация "Исламский джихад".
1992, 22 апреля	Министр иностранных дел республики Армении Раффи Ованнисян и чрезвычайный и полномочный посол государства Израиль в Российской Федерации Арье Левин, находившийся с визитом в Ереване, обменялись нотами об установлении полных дипломатических отношений между государством Израиль и республикой Армения.

Семнадцать знаменитых армян XX века

БАГДИКЯН Бен - американский журналист
БАДЬЯН Джеймс - американский астронавт
БАСМАДЖЯН Гагик - французский коллекционер
ДОЛУХАНОВА Зара - советская певица
КАЗАН Элиа - американский кинорежиссер
КАНАЯН Дро - министр обороны Независимой Армении
КОЧАРЯНЦ Самвел - конструктор советских боевых ракет
КОШТОЯНЦ Хачатур - советский физиолог
ЛЕГРАН Мишель - французский композитор
МКРТЧЯН Артур - председатель Верховного Совета Нагорно-Карабахской республики
САМВЕЛЯН Вараз - американский художник
САПРИЧ Алис - французская актриса
ТЕКЕЯН Ваан - западноармянский поэт
ТЕР-ОВАНЕСЯН Игорь - советский легкоатлет
ТЕР-САРКИСОВ Александр - российский эмигрант, солдат французской армии, кавалер высшего военного ордена Франции "Крест Освобождения"
ЧАЙЛАХЯН Михаил - академик, физиолог растений
ШЕР (САРКИСЯН Шерилин) - американская певица и киноактриса

Семнадцать знаменитых евреев XX века

АЗИМОВ Айзек - американский биохимик, писатель-фантаст
АМУСИН Иосиф - советский историк, исследователь кумранских свитков.
БЛОК Макс - французский историк
ГЕРШВИН Джордж - американский композитор
ГУДИНИ Гарри - американский факир, "король трюков"
ЛЮСТИЖЕ Жан Мари - кардинал, архиепископ Парижский
МАРКИШ Перец - еврейский поэт
МЕНЬ Александр о. - протоиерей, священник Русской православной церкви, выдающийся проповедник, богослов, философ
МИЛЛЕР Артур - американский драматург
СУТИН Хайм - французский художник
ТЕЙЛОР Элизабет - американская киноактриса
ЦВЕЙГ Стефан - австрийский писатель
ЧАПЛИН Чарли - актер
ШЕНБЕРГ Арнольд - австрийский композитор
ШНЕЕРСОН Шолом Дов Бэр - пятый любавический ребе
ХАВКИН Владимир - русский бактериолог, создавший вакцины против холеры и чумы
ЭЙНШТЕЙН Альберт - физик

КТО МЫ - ГРАЖДАНЕ ИЛИ НЕ ГРАЖДАНЕ?

26 февраля 1992 года республиканский парламент ввел в действие Закон о гражданстве 1938 года.

Чьи граждане 4000 евреев, проживающих ныне в Эстонии? Выбор: малоприятная процедура "натурализации", закрепляющая и без того идущую полным ходом ассимиляцию; еще более унизительное и столь же бесполезное ожидание милостыни от российского руководства или принятие гражданства своей исторической родины - государства Израиль.

Если такая возможность есть, что мешает ею воспользоваться? Ответ тривиален - долларовая нищета. Зарплата в долларовом исчислении составляет ныне десять-двадцать долларов в месяц... Бюджет на трехнедельную поездку едва укладывается в 40 тысяч долларов на автобус с первыми 40 пассажирами.

Письма и чеки с вкладами в Сионистский фонд Эстонии, организующий авиамост Эстония - Израиль, с благодарностью будут приняты по адресу :

Box 1843 Jerusalem 91017 ISRAEL.
USD account no 99-42 146 429 /967020200031
in SWENSKA HANDELSBANK S-10670 Stockholm
Телефоны: Таллинн (0142) 421638; 218894; 526950.
Факс:Tallinn (0142) 501559

Заранее благодарю всех, кто откликнется на это обращение. Контактный телефон в Таллинне для формирования первой группы паломников за израильским подданством - (0142) 21-88-64.

Президент Сионистского Фонда Эстонии

Леонид КРАВЦОВ

Богдан Петричейку-Хашдеу

АРМЯНЕ В РУМЫНИИ

Не на всех инородцев имеют право жаловаться румыны.

Так, например, мягкосердечные и трудолюбивые гости, пришедшие на берега Дуная от подножия азиатского Арарата, ни разу не причинили нам зла, хотя наши предки не всегда принимали их с распростерными объятиями. По вероисповеданию армяне - скорее секта, чем самостоятельная религия.

Крайне строгое соблюдение постов, обычай праздновать Рождество в один день с Крещением и другие аналогичные нюансы слишком второстепенны, чтобы составить особую конфессию.

Греки тем не менее постоянно проявляли не просто пренебрежение, но даже страстную ненависть к армянской религии, доходя в своих наветах до того, что приписывали этой мирной и трудолюбивой нации скандальное обожествление собаки.

Достойно удивления, что наши предки, вообще весьма терпимые, не могли удержаться от некоторой неприязни к армянам, вызываемой, с одной стороны, суровым и замкнутым образом жизни этого народа, а с другой - его богатством, и, наконец, баснями, которые порождает зависть и поддерживает таинственность.

"Армянин за все заплатит", - иронизирует старая пословица, а армянский храм называют на нашем народном языке не церковью, а капищем, как и другие языческие храмы.

В одном из Новоканонов, или своде канонических законов, написанных по-славянски в Румынии в конце XVI-го века, который нам удалось обнаружить в монастыре Опово в Сирмии, находим следующий, очень характерный пассаж:

"Параграф 110. Та, что будет любиться с армянином, да оставит его и придет в церковь, дабы ее освятил священник; если же кто будет есть и пить с армянином, будет отлучен от церкви".

Однако если румын обстоятельно изучит религиозную историю этих скитальцев, он убедиться в том, что традиции армянского культа столь же близки потомкам латинян, сколь им враждебен иудаизм.

Талмуд на каждом шагу проклинает римлян.

Патриарх Нарсес, светоч армянской церкви, пророчил своей нации, что "спасение придет от героического римского рода".

Проклятие от еврея, благословение от армянина!

Румыны жа зачастую не делали между ними различия.

В одной из гайдуцких песен говорится:

"Мы спустимся в село
и посеем рожь
до разгара весны,
и снова уйдем в леса,
на дороги окольные,
в чащи дремучие,
где держит путь армянин..."

Был один молдавский князь, Штефан Рареш, который тронулся рассудком и поступил хуже вора, совершив в отношении самой неагрессивной религии уникальный акт нетерпимости, упоминаемый в наших хрониках: "армян крестил, одних с их согласия, наделяя дарами, других же насильно".

Но если не считать этого единственного, из ряда вон выходящего исключения, румынская история показывает нам армян (хотя над ними добродушно подтрунивают наши пословицы и хотя у них не было согласия с лесными гайдуками) преуспевающими и довольными своей жизнью на берегах Дуная, где они осели преимущественно в Молдове, более близкой, чем Мунтения, на их пути с Востока.

Армянская церковь в Яссах была заложена в 1395 году, а в Бухаресте вообще в 1350-ом, то есть еще до основания Молдавского княжества Драгошем.

В 1418 году, при Александре Добром, три тысячи армянских семейств, изгнанные из родных мест нашествием персов, обосновались также в Молдове, поселившись главным образом в городах Сучава, Хотин, Ботошаны, Дорохой, Васлуй, Галац и Яссы.

Несомненно, что эта новая эмиграция не направилась бы в Румынию, если бы ей не предшествовал доброжелательный прием, оказанный армянам ранее.

Действительно, сами армянские исторические источники свидетельствуют, что в 1415-1445 годах в Молдове был армянский патриарх Аведик, а спустя полтора столетия их неправоверный епископат имел во главе некоего Иоана, резиденция которого находилась в Сучаве, то есть в древнейшей столице Молдавии.

Там же, в западной части города, в середине XVI-го века, один армянин построил Свято-Аксентиев монастырь, где до недавнего времени сохранялась могильная плита с надписью: "Здесь покоится Агопша, основавший сюи обитель в 1551 году".

Около 1600 года армянин Богдан Доновак построил, также в Сучаве, другой монастырь, Пречистой Девы Марии, который процветал еще в 1707 году.

Располагая подобными свидетельствами армянских, а не наших документов, невозможно усомниться в пятивековой и более религиозной терпимости румын в отношении к этой конфессии.

Вернемся теперь к нашим национальным источникам.

В одной грамоте 1449 года упоминается армянин по имени Иоан, который стал боярином в Молдове.

На религиозные расхождения смотрели тогда еще не столь строго, если несколько лет спустя этот григорианец щедро дарит один из своих домов в Сучаве и целое село под Яссами православному монастырю в Молдавице.

Приводимый ниже документ 1669 года, оригинал которого хранится в Государственном архиве в Бухаресте, в досье монастыря Голия, может служить подтверждением приведенного выше вывода:

"Сей истинной нашей грамотой я, Кирилэ, армянский шолтуз города Сучавы, вместе с сыном моим Дрэгичем, пишем и свиде-

тельствуем, что ни под чьим давлением, а по нашей доброй воле мы продали собственную нашу вотчину - фалчу (старая мера земли - 14.322 кв.м.) виноградника в местечке Котнар на горе Мындру, между виноградниками Ивана армянского протопопа снизу и Марко армянина сверху, каковая фалча была нами унаследована от родителей, а теми - от их родителей, и мы продали ее отцу Макарию, игумену святого монастыря Голия в городе Яссы, за пятьдесят лей, в собственные руки, при свидетелях: Иване протопопе армянском из Сучавы и его сыне, попе Симионе, и при моем зяте Кэрстя, и при Луке армянине, и Тудоре торговце, и Михалаке торговце и при многих других торговцах и добрых людях..."

Этот документ, в котором фигурируют армянские священники и протопопы, во-первых, подтверждает известные уже факты о свободе их религии в Румынии, а, во-вторых, обогащает нас новым, весьма важным знанием: армянская буржуазия пользовалась столь большим уважением в некоторых наших городах, что в Сучаве, например, она располагала отдельной городской администрацией, во главе которой в 1669 году стоял "армянский шолтуз" Кирилэ. Известно, что слово "шолтуз", происходящее из немецкого Schuithess, некогда означало, в местах за Милковым, городского голову, которого мунтяне называли воеводой.

Существование армянской городской организации, независимой от румынской, да еще в древней княжеской резиденции, в Сучаве, само по себе доказывает высшую степень благосклонности, не только религиозной, но даже - что еще весомее - политической, которую наши предки не боялись оказать армянам.

Армянское население в Придунайской Румынии, особенно в Молдове, к началу XVI-го века стало до того многочисленным, что некоторые города, например, Васлуй, казались чисто армянскими.

Религиозное преследование со стороны сумасбродного Петру Рареша отбросило армян частью в Польшу, а частью в Трансильванию, где с тех пор их присутствие становится все более ощутимым.

При всем том, даже полтора столетия спустя, в 1669 году, папский миссионер Луиджи Мария Пидоу, застал в Молдове армянский епископат, во главе которого стоял некто Исак и которому подчинялись следующие церковные приходы:

По одной церкви в Аккермане, Тигине, Измаиле, Галаце, Сирете, Хотине и Ботошанах;

в Сучаве - две церкви и монастырь;

в Яссах - две церкви;

во всех них - двадцать священнослужителей.

Строго соблюдая обособленность григорианского культа, армяне все же не избегали ассимиляции.

Первым шагом было принятие ими некоторых румынских прозвищ или хотя бы типичных окончаний собственных имен: Бадиул, Крэчун, Ромашкан, Вэрзэреску и т.д.

Главным образом, по этой причине так трудно отличать армян от румын в наших хрониках и грамотах.

Только в двух случаях армяне открыто вмешивались в политическую жизнь нашей страны.

В 1564 году варварское свержение известного узурпатора молдавского трона, Якоба Базилика Деспота, вызвало слезу сочувствия у армян из Сучавы; возмущенный плебс устроил несчастным жалостливым людям резню.

Целое столетие после этого армяне держались тихо.

В 1671 году, когда в Молдове правил Дука Грек, румын по имени Хынку мужественно поднял стяг восстания против зарождавшейся наглости фанариотов, но потерпел поражение. Армяне приняли самое активное участие в этой сугубо румынской манифестации, и наиболее рьяным, а таких оказалось достаточно, пришлось затем бежать из страны.

Новая эмиграция направилась в Трансильванию, присоединившись к армянству, также бежавшему из Молдовы за сто пятьдесят лет до этого, спасаясь от Штефана Рареша.

Легко заметить, что как при свержении Деспота, так и при восстании против Дуки, преследование было чисто политическим, но никак не религиозным.

Как бы то ни было, с тех пор число армян в Румынии сократилось весьма значительно...

Главным, если не единственным занятием этих изгнанников, много веков тому назад поселившихся на берегах Дуная, была коммерция; кроме того, владея восточными языками - поскольку они развозили товары по всему Востоку, - армяне часто служили переводчиками, а иногда даже послами.

До конца XVI-го века они возглавляли все коммерческие сделки в обоих румынских княжествах по эту сторону Карпат.

Слова "армянин" и "торговец" были синонимами для наших предков.

Именно в этом смысле, а не из-за происхождения своей матери, как думали раньше мы сами, один из наиболее выдающихся наших героев, Ион Лютый, румын телом и духом, побочный правнук Штефана Великого, был все же прозван Армянином, то есть купцом, так как прежде чем стать господарем, промышлял ювелирной торговлей.

Главным объектом армянской торговли был лошадиный экспорт, которым Румыния и прославилась на всю Восточную Европу; в обмен к нам поступали сукна и другие ткани.

Очень богатые и очень скупые, армяне все же никогда не вызывали ропот в народе: ни на то, что они сплотились и держат на все монополию, ни на то, что хотят прибрать все к рукам, ни на мошенничество, ни на сговор с врагами Румынии.

Зато сами армяне непрестанно жаловались, что их грабят на каждом шагу!..

Об армянах в Трансильвании я уже упоминал выше: основой их тамошней колонии были беженцы из Молдовы при Штефане Рареше и при Дуке.

Скажем теперь несколько слов об армянах из Аурелиановой Дакии.

Еще в X-м веке значительно число этих сынов Кавказа обосновалось в Македонии.

Одна армянская хроника утверждает даже, что румыно-болгарский король Самуил был якобы армянского происхождения, выходцем из княжеской семьи, которая жила ранее в Терджане.

Так или иначе, двести лет тому назад армяне были до того влиятельны в Македонии, что один агиограф обвинил их в попытке забить камнями - в городе Меглине, на виду у православного люда - некоего отшельника, который боролся с григорианской ересью.

В настоящее время от армян за Дунаем и по всей стране осталось одно название.

В Македонии их подавили греки.

Они же вытеснили армян из Трансильвании, начиная с XVII-го века.

Тем более не смогли выстоять армяне при фанариотском владычестве в Молдове и Мунтении, пока евреям не удалось, уже в наши дни, изгнать, в свой черед, греков, распространив на всю Дакию коварную сеть израильской промышленности.

Румыны, верные прямому и воинственному духу Древнего Рима, никогда не были коммерсантами.

В течение восьми или девяти веков армяне, греки и евреи, последовательно сменяя друг друга, орудовали в нашей стране жезлом Меркурия.

Любопытно, что преобладание в коммерции того или иного из этих трех народов каждый раз соответствует своей эпохе, точно очерченной и очень характерной для политической истории румынского рода.

Армянская коммерция процветает примерно до 1600 года: период румынской славы.

Греческая коммерция - с 1600 по 1800: два века постепенной деградации.

Еврейская коммерция - с 1800... и до? Фаза гибели.

Откуда происходит такое странное совпадение?
Каждая запятая в жизни человечества имеет глубокий смысл.

Перевел Н.Романенко

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

В том Новом Вавилоне, каким была от века Бессарабия, мирно уживалось множество народов, каждый со своей религией. Я родился в Кишиневе в 1906 году, год спустя после еврейского погрома, инспирированного двумя одиозными деятелями, Прониным и Крушеваном, и моя детская память сохранила только идиллические картины уличной дружбы с мальчиками и девочками, которые, может быть, и были молдаванами, евреями, армянами, греками и у себя дома говорили каждый на своем языке, но нас объединяла улица и русский язык, мы просто не задумывались, кто какой крови. Потому-то, когда в 1918 году Бессарабия отошла к Румынии и моя русская гимназия закрылась, ни у отца, ни у меня не возникло никаких сомнений, что можно поступить в армянскую - она как раз открылась по инициативе Национального армянского комитета напротив нашего дома в здании женской гимназии баронессы Гейкинг. Меня взяли туда без особых уговоров, преподавание велось по-русски, а на уроки закона божьего для меня одного приглашался православный батюшка. Гимназия просуществовала всего год. Я продолжил образование в коммерческом училище, где учились только евреи, армяне и греки - я это знаю опять-таки потому, что снова в одиночестве сидел на уроках закона божьего, будучи там единственным православным. Четырнадцати лет я уехал в город Комрат и поступил в реальное училище, а потом - в Политехнический институт в Тимишоаре, куда сдавал экзамены уже на румынском языке. Но нежность к друзьям детства, армянам, сохранилась во мне на всю жизнь. И волею провидециальных совпадений после войны я поселился с семьей в Кишиневе на Армянской улице, а мой отец, молдаванин, похоронен на Армянском кладбище.

Так получилось, что параллельно с работой по технической специальности в послевоенном Кишиневе я занялся реставрацией классического наследства национальной культуры, сосредоточившись на фигуре Богдана Петричейку-Хашдеу. Занятие важное в те времена, когда наказуемы были все другие мнения, кроме одного: что молдаване - особая нация, и ее история начинается с 1940 года.

Богдан Петричейку-Хашдеу (1837-1907), ученый с энциклопедическими знаниями и с темпераментом политика, романист, поэт, памфлетист, оставил наследие огромное по объему и разнообразнейшее по содержанию. Этнография, лингвистика, фольклористика, филология, философия истории, все практически гуманитарные дисциплины входили в круг его интересов, концентрирующихся вокруг древней и современной истории Румынии, ее исторических судеб.

Неслучайно, естественной частью этих интересов была и "армянская тема", свидетельство тому - стихотворение "Армяне", которое не надо переводить, ибо оно написано по-русски.

Престол царей армянских, Анион
Включал в себя полмиллиона зданий;
Народы чуждые со всех сторон
То роскоши его несли поклон,
То гордо требовали тяжкой дани..
Вдруг божье разразилось наказанье:
Землетрясеньем в пепел превращен,
Пал Анион, и разбрелись армяне...
В Молдавию зашел изгнанников отряд.
Он встретил Драгоша в его державе новой,
Моля поддерживать армянен быт торговый.
"Вы дурно просите; в моей семье суровой,
Нет бытов этаких: нам всяк прохожий брат
А братству вашему, как гражданин, я рад".

Этот сонет был написан в 1852 году четырнадцатилетним кишиневским гимназистом Фаддеем Гиждеу (Богданом Петричейку-Хашдеу он стал позднее), и включен в цикл его стихотворений, посвященных основателю Молдавского государства князю Драгошу.

Статья "Армяне в Румынии" взята из журнала "Траянова колонна" (NN 30 и 33 за 1870 год), который Хашдеу издавал в Бухаресте, и содержит 33 сноски на исторические источники, опущенные мною, чтобы не отягощать статью научным аппаратом. Тем не менее роль армян в истории Румынии освещена в статье односторонне. Да, они были торговцами, в основном мелкими. Но они были и зодчими, своеобразной архитектурой своих церквей и крепостей повлиявшие на архитектурный почерк Румынии. По некоторым источникам, Мастер Маноле, герой одной из

двух основополагающих румынских народных баллад, зодчий Церкви в Куртя-де-Арджеш, был армянином (или грузином), приглашенным в Румынию из Константинополя князем Нягое. (Правда, об архитектуре знаменитой церкви в Куртя-де Арджеш у Хашдеу есть отдельная статья). Оставлена в стороне и тема армянской интеллигенции, органично вошедшей в жизнь Румынии. Однако что шокирует меня в данной статье, - это трудно объяснимый для столь широко мыслящей личности, как Хашдеу, налет антисемитизма, тем более странный, что у самого Хашдеу были в роду евреи. Тем более странный, что, как он сам признается, румынский народ часто не делал различия между евреями и армянами, а Хашдеу отдает свои симпании только армянам. Слишком уж примитивна мысль, что целый народ захирел, когда в его хозяйственную жизнь вмешались евреи. Так или иначе, при переводе я не выбросил пассаж, от которого меня коробит, сочтя, что вопрос заслуживает отдельного изучения, что у великих людей важны и заблуждения.

Лоретта
ТЕР-МКРТИЧЯН

О ЗЕМЛЕ АРАРАТСКОЙ

Армянское нагорье, где возник и сформировался армянский народ, названо так по имени *арменов*, одного из древнейших племен, населявших эту землю. Нагорье изобилует горными хребтами, потухшими вулканами, над которыми величественно высятся два слившихся конуса - Большой Аратат (5165 м.) и Малый (3925 м.).

Арарат (арм. Масис) упоминается у армянского историка V в. Мовсеса Хоренаци также под названием Азатн-Масис, т.е. "Свободный,Вольный (или Благородный) Масис"[1]. Турки называют его Агри-Даг, а персы именуют Кухинук - Ноева гора.

1/ Мовсес Хоренаци. История Армении. / Пер. с древнеармянского, введение и примечания Гагика Саркисяна.- Ереван, 1990, с.225

Библейская гора стала символом Армении, она украшает герб Республики. Великие поэты и художники воспевали ее.

Горы древней, чем Арарат, вершин белей на свете нет,
Как славы недоступный путь, Масис суровый мой
люблю!

Егише Чаренц

Многие иностранные путешественники восхищались Араратом. Американский миссионер Смит писал в 1831 году: "Между Араратскими горами, а также и теми, которые мне пришлось видеть в других частях света, я не знаю ни одной горы величественнее этой, которая однажды служила как бы "мостом" между старым и новым миром. Я невольно углубился в размышление о том, что на этой вершине некогда были собраны единственные живые существа всей земли, и что я здесь, в долине Аракса, посетил место второй "колыбели человечества"[2]

Арарат находится на территории исторической Армении, некогда называвшейся землей Араратской или, точнее, Айраратским царством. Армянские историки называли эту территорию также областью Арарат, которая вошла в могущественную державу Древнего Востока, именуемую в ассирийских источниках как Урарту, а в древне-еврейских - страна Арарат. В иранских текстах VI в. до н.э. упоминается Страна Армина (древне-греческая транскрипция - Армения). Об этом свидетельствует знаменитая Бехистунская надпись - первый письменный памятник, упоминающий название страны Армении.

Священное Писание впервые упоминает Арарат в связи с величайшим событием древнего мира - потопом.

И увидел Господь, что велико развращение
человеков на земле, и что все мысли и помышления
сердца их были зло во всякое время.
И раскаялся Господь, что создал человека
на земле, и восскорбел в сердце Своем.
И сказал Господь: истреблю с лица земли
человеков, которых Я сотворил, от человека до
скотов, и гадов и птиц небесных истреблю; ибо
Я раскаялся, что создал их.

(Бытие. 6, 5-7)

2/ Библейский словарь. /Составил Эрик Нюстрем. -Торонто, 1980. с.25

Спасся лишь праведник Ной, построив по наущению Господа ковчег.

В шестисотый год жизни Ноевой, во второй
месяц, в семнадцатый день месяца, в сей день
разверзлись все источники великой бездны, и окна
небесные отворились;
И лился на землю дождь сорок дней и сорок
ночей
В сей самый день вошел в ковчег Ной, и
Сим, Хам и Иафет, сыновья Ноевы, и жена Ноева,
и три жены сынов его с ними
Они, и все звери по роду их, и всякий
скот по роду его, и все гады, пресмыкающиеся
по земле, по роду их, и все летающие по роду
их, все птицы, все крылатые. ...
И остановился ковчег в седьмом месяце,
в семнадцатый день месяца, на горах Араратских.

(Бытие. 7, 11-14; 84)

Согласно библейскому преданию, Ной - прямой потомок Адама, внук Мафусаила и сын Ламеха, родился в 1056 году от Сотворения Мира, которое принято датировать 8148 годом до Рождества Христова (см. "Священную историю Церкви Ветхого и Нового Завета. СПБ. 1787).

В Ветхом Завете, в Четвертой книге Царств мы встречаем упоминание земли Араратской - оно относится ко времени завоевания Иудеи ассирийским царем Сеннахиримом (705-682 гг. до н.э.). Сеннахирим наложил на Иудею громадную дань и потребовал сдачи Иерусалима, чем устрашил иудейского царя Езекию (726-697 гг. до н.э.). Но Езекию утешил пророк Исайя, обещая скорую помощь Господа. И действительно, Господь не промедлил - ночью ангел поразил тысячи ассирийцев. Сеннахирим вынужден был возвратиться в Ниневию, и здесь был убит своими сыновьями.

И когда он поклонялся в доме Нисроха, бога
своего, то Адрамелех и Шарецер, сыновья его,
убили его мечем, а сами убежали в землю Араратскую.
И воцарился Асардан, сын его, вместо него.

(4 Царств. 19, 37)

Это событие описывает и Мовсес Хоренаци, в своей "Истории Армении", в главе "О сыновьях Сенекерима и о том, что рода Арцруни и Гнуни и бдеашх, именуемый Алдзнийским, происходят от них...":

"Одного из них наш храбрый предок Скайорди поселил на юго-западе нашей страны, близ границ той же Ассирии: это был Санасар (арм.транскрипция Шарецер - Л.Т.). Его потомство разрослось и умножилось и заполнило гору, называемую Симом. Впоследствии выдающиеся и главные из них, выказав верность на службе наших царей, удостоились получения сана бдеашства (титул правителей - Л.Т.) этих краев. Ардамозан (арм. форма имени Адрамелех - Л.Т.) же поселился к юго-востоку от той стороны; летописец рассказывает, что от него произошли роды Арцруни и Гнуни. Такова причина упоминания нами Сенекерима"[3]

В книге пророка Иеремии, относящейся ко времени вавилонского пленения израильтян Новуходоносором (604-561 гг. до н.э.), прозвучал призыв к соседним народам и странам о помощи против экспансии Вавилона.

> Поднимите знамя на земле, трубите трубою среди
> народов, вооружите против него народы, созовите на
> него царства Араратские, Минийские и Аскеназские,
> поставьте вождя против него, наведите коней,
> как страшную саранчу.
>
> *(Кника пророка Иеремии. 51, 27).*

Под царством Араратским следует понимать страну Урарту времен царя Русы III (605-585 гг. до н.э.), которая уже клонилась к упадку под мощными ударами молодой державы Мидии.

Под царством Минийским подразумеваются здесь минийцы - армянский народ, названный у Иосифа Флавия *мины*, в ассирийских надписях - *манеи*; вероятно, они жили вблизи оз.Ван.

Аскеназское царство ведет свое происхождение от Аскеназа - внука Иафета и родоначальника народов Аскеназских, населявших страну на восточном и юго-восточном берегах Черного моря. Есть и другая гипотеза, подразумевающая под Аскеназским воинством скифские племена.

И еще об одном библейском имени - внука Ноя, сына Сима.

Сыны Сима: Елам, Ассур, Арфаксад, Луд, *Арам.* (Бытие. 10, 22).

Это имя упоминается и в других книгах Священного Писания. Армянский филолог Рафаель Ишханян в своей "Иллюстрирован-

---

3/ Мовсес Хоренаци. Цит. соч., с.38-39&

ной истории Армении" отмечает, что оно возникло из двух армянских слов - *Ар* и *Арм*. *Ар* исконно армянский корень со значением *мужество, смелость,* а также *армянин. Арм* также древнее армянское слово, означающее - *род, поколение.* Следовательно, Ârарм значит *мужественный человек* или *потомок армянина.*[4]

Еще одну версию приводит академик Манук Абегян. Ссылаясь на изыскания известного немецкого арменоведа Йозефа Маркварта, связывавшего происхождение имени *Арам* с халдейским именем *Арим*, М.Абегян пишет: "...имя *Арим* превратилось в *Арам*, быть может, как воспоминание об имени урартского царя Арама, или, вероятно, под влиянием упомянутого в Библии имени "Арам", который является предком жителей Сирии и Месопотамии - арамейцев".[5]

Арам, как поясняет "Библейская энциклопедия" (М., 1891), значит *высокий.* Отсюда можно предположить определенную связь библейского *Арама* и армянского имени *Арам.*

ГОЛОС

Когда-то я звал тебя. Но ты не шел. Теперь я сам пришел к тебе. Мне есть что сказать. Я знаю, что этого мало. Я знаю, ты слышишь меня. Ты даешь мне мою возможность случая.

Я - случай. Сомнительный случай, пока я жив. Но для тебя я умер, еще при рождении, и до рождения я лежал мертвым в твоих объятиях. Я вырвался из них, я рвался, ты не мог не чувствовать этого.

Я не ждал признания. Я не видел смысла. Смысл мне открылся в вечном. Смысл божества, отголоска одинокой Вселенной, блуждающей, откликнувшейся мне.

Да, это была она. Ей единственной я посвятил короткие ночи, но их было так мало. Все остальное время я проспал. Я думал, что коплю силы. Я думал, что уберегу душу от призраков. Но и эти быстрые, рваные ночи сплетаются в сплошную полосу, на которой пером я могу - процарапать - я живу, вопреки несвободе, когда я прикован к дневному свету.

4/ Рафаель Ишханян. Иллюстрированная история Армении. Ереван (на армян.яз.) 1989, с.52.

5/ Манук Абегян. История древнеармянской литературы. Ереван, 1975, с.22.

Я верую, мне не нужен этот, я прикасаюсь к другому телесному свету, я черпаю силы в нем. Но что есть телесный свет, лишь блики от мерцающей Вселенной, которую я долго искал в душе. Но Дух мой был покоен. Он и сейчас еще где-то на подходе, он знает, что душа моя не беспечна, и я уже не так предан телу, но все же. Дух мой, тебя призываю я в свидетели этой ночи. В ней открылся иной свет пустого луча, он пронзает меня, за ним я вижу мои глаза, встречающиеся с твоими глазами, мой Дух. Сегодня возможна эта встреча.

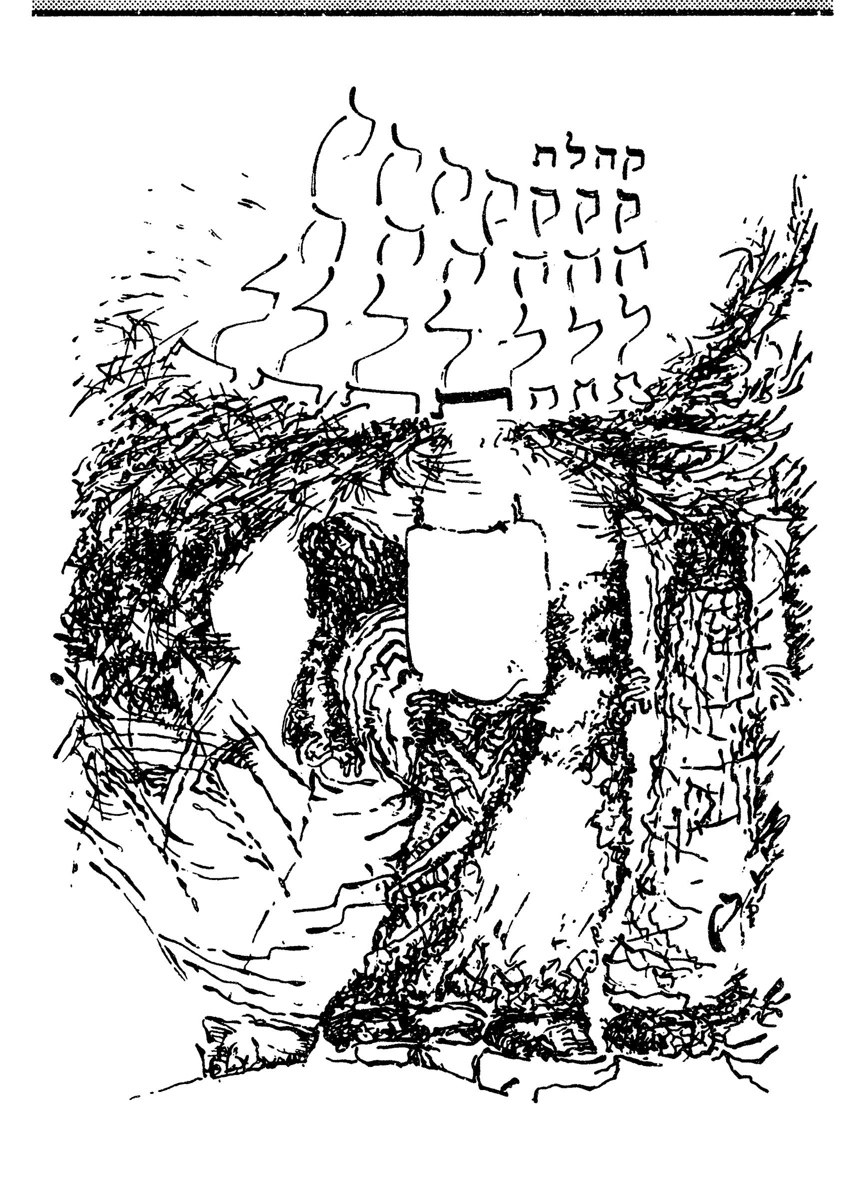
Нет времени. Есть глаза, прилипшие к оболочке глаз, есть небо, стекло и глаза, обращенные к небу. Мое долгое прозрение в темноте. Мое восхождение к тебе . Твой приговор. Я остаюсь жить в темноте, ни с чем не сравнимой. Оболочка уже не оберегает меня. Я открыт, я свободен. Я пришел к тебе, я остаюсь.

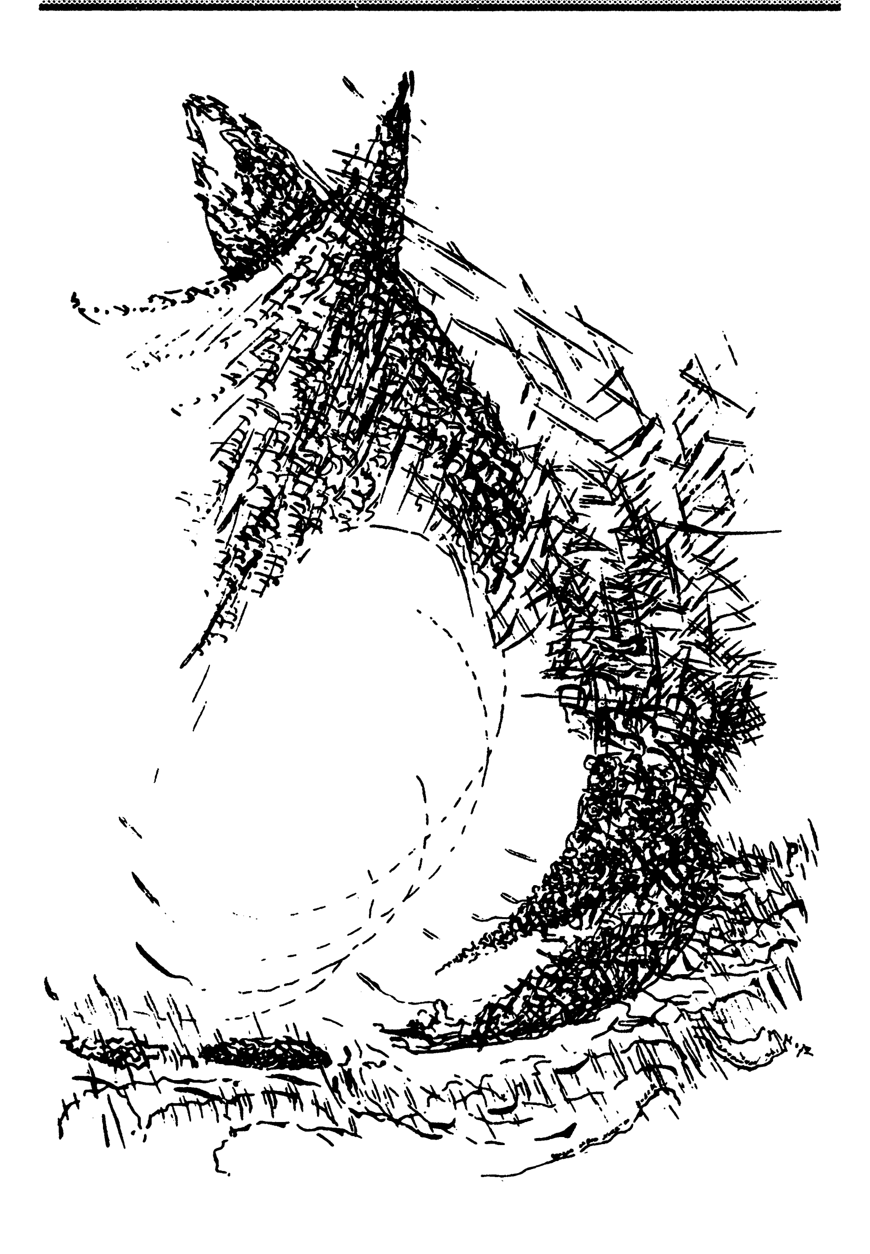
Александр Заполянский

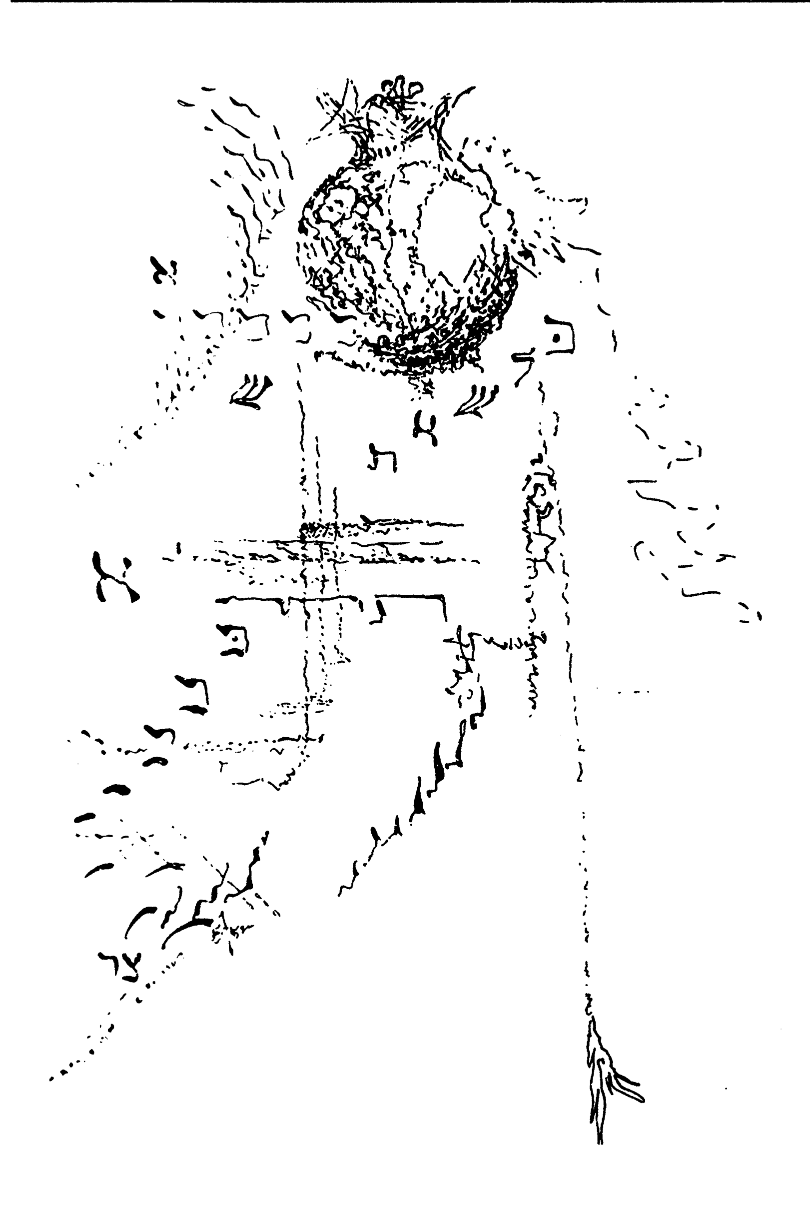
Александр ЗАПОЛЯНСКИЙ родился в Томске, ему 32 года. Первым и, возможно, главным его учителем стал живописец, график, скульптор Роман ВАЙНШТОК (1932-1988). Это было в Николаеве. А в Московском архитектурном институте наставниками были доктор архитектуры Эдмунд ГОЛЬДЗАМТ и доктор исторических наук Олег ШВИДКОВСКИЙ. Встреча с мудрецом и дизайнером книги по имени Рам ГАСПАРЯН помогла Александру утвердиться в идеалах Духовного и приобщиться к философии искусства.

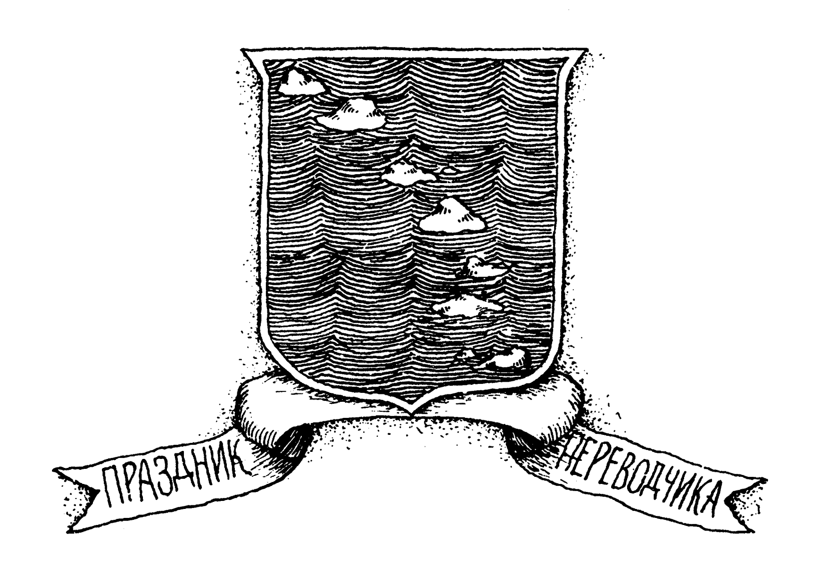
Он работает в научно-исследовательском институте Академии художеств, кандидат искусствоведения. Но главное - он художник. О чем свидетельствуют и персональные выставки, и интерес к его работам, который проявляют музеи, галереи, коллекционеры, и, прежде всего, сами работы . Мы публикуем восемь графических листов к "Книге Экклезиаста":

1. "Род уходит, и род приходит..."
2. "Все суета..."
3. "Бегут все реки..."
4. "Испытаю тебя весельем..."
5. "И в сердце своем не спеши..."
6. "Посылай свой хлеб по водам..."
7. "Храни его заветы..."
8. "Ибо уходит человек в свой вечный дом..."


קהלת







ИЗ "ЭККЛЕЗИАСТА"

Перевод Германа ПЛИСЕЦКОГО

* * *

Сказал Экклезиаст: все - суета сует!
Все временно, все смертно в человеке.
От всех трудов под солнцем проку нет.
И лишь Земля незыблема вовеки.
Проходит род - и вновь приходит род.
Круговращенью следуя в природе.
Закатом заменяется восход.

Глядишь: и снова солнце на восходе!
И ветер, обошедший все края,
То налетавший с севера, то с юга,
На круги возвращается своя.
Нет выхода из замкнутого круга.
В моря впадают реки, но полней
Вовек моря от этого не станут.
И реки, не наполнивши морей,
К истокам возвращаться не устанут.
Несовершенен всякий пересказ:
Он сокровенный смысл вещей нарушит.
Смотреть вовеки не устанет глаз,
Вовеки слушать не устанут уши.
Что было прежде - то и будет впредь,
А то, что было, - человек забудет.
Покуда существует эта твердь,
Вовек под солнцем нового не будет.
Мне говорят: "Смотри, Экклезиаст:
Вот - новое!" Но то, что нынче ново,
В веках минувших тыщу раз до нас
Уже случалось - и случится снова.
Нет памяти о прошлом. Суждено
Всему, что было, полное забвенье.
И точно так же будет лишено
Воспоминаний ваше поколенье.
Мне выпало в Израиле царить.
Я дал зарок: познать людские страсти.
Все взвесить. Слов пустых не говорить.
Задача - тяжелее царской власти.
Все чередой прошло передо мной -
Блеск, нищета, величие, разруха...
И вот вам вывод мудрости земной:
Все - суета сует, томленье духа!
Прямым вовек не станет путь планет.
Число светил доступно звездочету,
Но то, чего на свете нет,
Не поддается никакому счету.
И я сказал себе: ты стал велик

Благодаря познаньям обретенным.
Ты больше всех изведал и постиг,
И сердце твое стало умудренным.
Ты предал сердце мудрости - и та
Насытила его до опьяненья.
Но понял ты: и это - суета,
И это - духа твоего томленье!
Под тяжестью познанья плечи горбь.
У мудрости великой - вкус печали.
Кто множит знанья - умножает скорбь.
Зерно ее заложено в начале.

* * *

Сказал я сердцу: испытай себя
Не горестью, а участью благою,
Живи беспечно, душу веселя!
И это оказалось суетою.
О смехе я сказал: дурацкий смех!
О радости сказал я: что в ней проку?
Вино избрал я для своих утех
И жил, не торопясь избрать до сроку
Ни мудрости, ни глупости, пока
Не станет окончательно понятно:
Чья доля в жизни более приятна,
Чья участь - мудреца иль дурака?

Предпринял я великие труды.
Неисчислимы все мои свершенья:
Дворцы построил, насадил сады
И выкопал пруды для орошенья,
Взрастил лозу и тучные стада,
Из близлежащих областей и дальних
Танцоров и певцов собрал сюда
И множество орудий музыкальных.
Слуг, домочадцев, злата, серебра,
Каменьев - и в ларцах, и на одежде.
И больше было у меня добра,
Чем у других владык, бывавших прежде.

И не было таких земных утех,
Чтоб я сполна не насладился ими.
Умножил я богатства больше всех,
Царивших до меня в Ерусалиме.
Ни в чем я не отказывал глазам
И сердца не стеснял необходимым.
Но вот взглянул на все, что сделал сам:
Все оказалось суетой и дымом!

И в результате этого всего
Сравнил я мудрость и неразуменье.
Ум и безумье - ибо у кого
Есть больше матерьяла для сравненья?
И понял я, что мудрый пред глупцом
Имеет преимущество такое,
Как зрячий превосходство над слепцом
Или как яркий свет - над темнотою.
Но также понял, что один конец
И дураков, и мудрых ожидает.
Зачем же зря старается мудрец
И урожай познанья пожинает?
И это - суета! Забудут всех -
Глупцов и мудрых. Смерть не выбирает.
И добродетель высшая, и грех
Неисправимый - равно умирает.
И вот тогда вознелюбил я жизнь
И все свои труды на этом свете.
Ни за одну опору не держись:
Все это - суета, и дым, и ветер!

Возненавидел я плоды труда.
Зачем все это восхвалять и славить.
Когда все это временно, когда
Придется все наследнику оставить?
Кто знает: будет он дурак или мудрец?
Тем и другим положено рождаться.
Но всем, над чем всю жизнь его отец
Трудился, - будет он распоряжаться.

И я отрекся от трудов своих
И сердцем своим суетным озлился:
Вся жизнь - в трудах, всю душу вложишь в них.
И все отдать тому, кто не трудился?
Что остается? Жалкая юдоль:
Труд бесконечный, скорбь и беспокойство.
И в сердце по ночам тупая боль?
Вот труженика суетное свойство!

Под этим солнцем смертному дано:
Трудиться, есть и пить. Не так уж много.
Вот все твое богатство, но оно
Не от тебя зависит, а от Бога.
Ты без Него не сможешь пить и есть.
А грешник - пусть богатства накопляет.
Все - суета! Накопленное здесь
Бог весть кому живущий оставляет.

* * *

Есть время жить - и время умирать.
Всему свой срок. Всему приходит время.
Есть время сеять - время собирать.
Есть время несть - и время сбросить бремя.
Есть время убивать - и врачевать.
Есть время разрушать - и время строить.
Сшивать и рвать. Стяжать - и расточать.
Хранить молчанье - слова удостоить.
Всему свой срок: терять - и обретать.
Есть время славословий - и проклятий.
Всему свой час: есть время обнимать -
И время уклоняться от объятий.
Есть время плакать - и пускаться в пляс.
И сотворять - и побивать кумира.
Есть час любви - и ненависти час.
И для войны есть время - и для мира.

Что проку человеку от труда?
Что пользы ото всех его свершений.

Которые Господь ему сюда
Послал для ежедневных упражнений?
Прекрасным создал этот мир Господь,
Дал разум людям, но понятья не дал,
Чтоб человек, свою земную плоть
Преодолев, Его дела изведал.
И понял я, хоть это и старо,
Что лучшего придумать мы не можем:
Трудиться. Есть и пить. Творить добро.
Я это называю Даром Божьим.
И понял я, что все Его дела
Бессмертны: ни прибавить - ни убавить.
И остается нам одна хвала,
И остается только Бога славить!
Что было прежде - то и будет впредь.
И прежде было - то, что завтра будет.
Бог призовет, когда наступит смерть.
И всех по справедливости рассудит.

А здесь я видел беззаконный суд.
Творят неправду, истины взыскуя.
Сказал себе я: Высший Суд - не тут.
Господь рассудит суету мирскую.
Дойди, Судья Всевышний, до основ,
Открой нам грубость истин подноготных:
Что нет у человеческих сынов
Существенных отличий от животных.
Судьба у человека и скота
Одна и та же, и одно дыханье.
Везде одна и та же суета,
Одной и той же жизни трепыханье.
Из праха Бог воззвал - и в прах поверг!
Все будем там. Попробуйте, проверьте,
Что наши души устремятся вверх,
А вниз - животных души после смерти...

Итак: живи - и радуйся тому,
Что из твоих трудов под солцем выйдет,

Поскольку из живущих никому
Не суждено грядущего увидеть.

* * *

И посмотрел я, и увидел днесь:
Господство силы, тягость угнетенья,
Немилосердных властелинов спесь
И слезы всех, лишенных утешенья.
Почтил я мертвых больше, чем живых,
Всех, кто под солнцем плакал и трудился.
Воистину, стократ счастливей их
Тот, кто на свет жестокий не родился.

Еще я видел, что чужой успех
Рождает в людях зависть, озлобленье,
Что суета мирская - участь всех,
Что это - духа нашего томленье.
Дурак сидит - рукой не шевельнет,
Своим бездельем вроде бы гордится.
Мысль о насущном хлебе - вечный гнет.
Уж лучше нищим быть, чем суетиться!

Еще я понял: плохо одному.
Несладко быть на свете одиноку.
К чему трудиться, если никому
От всех твоих усилий нету проку?
Труды, которым не видать конца,
Оправданы супружеством и братством,
А ежели нет сына у отца -
Не радуется глаз его богатствам.

Ведь если путник не один идет -
Другой помочь споткнувшемуся может,
А если одинокий упадет -
Никто ему подняться не поможет.
Двоим теплее, если вместе спят.
И в драке, где один не отобьется,
Вполне возможно - двое устоят.
И скрученная нить не скоро рвется.

Вот юноша безвестный, живший встарь:
Он денег не имел, но был при этом
Умней, чем старый неразумный царь,
Благим пренебрегающий советом.
И вышел из темницы тот юнец,
И заменил спесивого на троне.
И царский поднесли ему венец.
И воцарился в славе и в законе!
А ведь слепые много лет подряд
В том юноше царя не узнавали.
Воистину, не знали, что творят!
Грядущие похвалят их едва ли...

Блюди себя, вступая в Божий Храм,
Не жертвы приноси, а слушай Бога,
Глупцов же, приносящих жертвы там,
Не надо осуждать за это строго.

* * *

Запомни: имя доброе важней
Богатства, красоты, происхожденья.
А если надо выбирать из дней:
Кончины день - важнее дня рожденья.
И лучше плач во время похорон,
Чем смех веселый в блеске царских комнат.
Поскольку смертен человек - и он
Всегда в глубинах сердца это помнит.
Рыданья лучше смеха потому,
Что плач древнее смеха, изначальней.
Плач - человеку врач. Нужней ему,
Тем чище сердце, чем лицо печальней.
Поэтому и сердце мудреца
На горе откликается, как эхо,
Тогда как сердца бедного глупца
Навеки поселилось в доме смеха.
Поэтому полезней для сердец
Разительное слово обличенья,
Которое произнесет мудрец,

Чем дураков беспечных песнопенья.
А смех глупцов - словно фальшивых блеск:

Всегда он затмевает тех, кто плачет,
Как хвороста в костре веселый треск:
Он суетен - и ничего не значит!

Тираном став, глупеет и мудрец:
Разврат для сердца - щедрое даренье.
Начало дела - хуже, чем конец.
Высокомерье - хуже, чем терпенье.
Предаться гневу сердцем не спеши -
В груди невежд озлобленность гнездится.
И вспоминать: как были хороши
Былые дни! - лишь дуракам годится.
Премудрость лучше прочего добра
И беспримерно выгоднее людям.
Хиреет ум под сенью серебра.
Познанием питаясь - живы будем.
Смиренно на дела Творца гляди.
Кто из живущих выпрямит кривое?
Счастливый - счастлив будь. Несчастный - жди.
И то Господь устроил, и другое.

Я видел в жизни много дивных див:
Порок в чести, на праведных гоненье...
Не умствуй слишком и не будь правдив
Сверх меры - не вводи людей в смущенье.
Не буйствуй, не бесчинствуй. Жизни срок
Не сокращай безумием напрасным.
Все исполняй, что заповедал Бог.
Будь сам собою. Будь с другим согласным.
Дарует мудрость людям больше сил,
Чем десяти властителей призывы.
Нет праведника, чтоб не согрешил.
И лучшие грешат, покуда живы.
Кто верит слову каждому - тот слаб.
Премудрость далеко не в каждом слове.

Когда злословит твой лукавый раб,
Смолчи и вспомни: ты и сам злословил.

Я все познал, желая мудрым стать.
Но свет, как прежде, от меня далеко.
Я понял: бытия нельзя познать,
Нельзя постичь того, что так глубоко.
Хотел я доказать, что грех - нелеп.
Бесчестье и невежество - убоги.
Хотел провидцем быть, хотя был слеп.

И вот к чему пришел мудрец в итоге:
Что горше смерти - женщины. Они
Для человека - кандалы и сети.
Но праведник избегнет западни,
А грешник угодит в тенета эти.
Печален вывод сердца моего,
Итог печален, но не преуменьшен:
Из тысячи мужчин лишь одного
Достойным счел. И ни одной из женщин.
И в заключенье, вот что я открыл:
Что мы на свет не грешными явились.
Бог человека правым сотворил.
А люди во все тяжкие пустились.

* * *

Пока ты молод, помни о Творце.
Пока не наступили дни без свету
Пока, мой сын, не возопишь в конце:
"Мне радости от этой жизни нету!"
Пока сияют солнце, и луна,
И звезды над твоею головою,
Пока не наступили времена,
Затянутые тучей дождевою;
Когда у сильных ослабеет плоть,
И стражники начнут всего бояться,
И перестанут мельники молоть,
И те, что смотрят в окна, омрачатся;

На мельницах замолкнут жернова,
Замкнутся двери в городах и селах,
И станет по ночам будить сова,
И смолкнут песни девушек веселых;
Вершины станут путника страшить,
И ужас им в дороге овладеет,
И ослабеет в нем желанье жить,
И, как кузнечик, жизнь отяжелеет,
И горький зацветет миндаль кругом,
И помрачится мир, а это значит,
Что человек отходит в вечный дом,
И плакальщиц толпа его оплачет.
Пока крепка серебряная цепь,
Тяни ее, о жаждущих заботясь.
Пока цела колодезная крепь,
И колесо не рухнуло в клодезь...
Земле и Богу человек отдаст
И плоть, и душу временные эти.

Все суета сует, - сказал Экклезиаст, -
Все суета сует на этом свете!

Экклезиаст не просто мудр. Он дал
Народу свод необходимых правил,
Он взвесил все, изведал, испытал
И для живущих много притч составил.
Постичь стремился, чем земля жива,
И меру дать тому, что непомерно.
Я утверждаю: истины слова
Записаны Экклезиастом верно!
Подобны иглам речи мудрецов
Или гвоздям железным, вбитым насмерть.
У всех творцов неотразимых слов,
У проповедников - единый Пастырь!
Все прочееę, поверь словам отца, -
Излишество, не нужное для дела.
Писанье книг - занятье без конца,
Их чтенье - утомительно для тела.

Послушаем теперь всему итог:
Поступки совершая, Бога бойся,
Все исполняй, что заповедал Бог,
А больше ни о чем не беспокойся!
Любое дело, что свершилось тут,
Постыдным оно было или славным,
Бог неизбежно призовет на Суд.
Все тайное однажды станет явным.

Герман Борисович ПЛИСЕЦКИЙ родился в 1931 году. Окончил филологический факультет МГУ, потом учился в аспирантуре ленинградского Института театра, музыки и кино. Выпустил несколько книг переводов: Омар Хайям, Хафиз, армянские, грузинские поэты. Свои стихи публикует редко, - первая книга "Пригород" вышла лишь в 1990 г.

НААПЕТ КУЧАК

АЙРЕНЫ

Что вы плачете, люди? Две вещи печальны всерьез:
Коль одна из них смерть, то любовь, несомненно, вторая.
Да и тот, кто покоя достиг, разве требует слез?
Я, насчастный, томлюсь, не живя и не умирая.

От глаз морских, от сумрачных бровей,
От лепестка лица и от груди твоей,
Такой исходит свет, что мертвые вдали
Встают из-под земли, встают из-под земли.

КУЧАК Наапет (? - ок.1592) - один из величайших армянских поэтов; писал айрены, посвященные любви, страданиям народа, армянам-изгнанникам ("айрены скитаний"), и философские "айрены раздумий".

Впервые на русском языке стихи Кучака были изданы в 1904 году в переводе Амазаспа Амбарцумяна. Затем их перевсдили Валерий Брюсов, Федор Сологуб, Сергей Шервинский, Вера Звягинцева, Наум Гребнев, Александр Кушнер. Теперь этот ряд славных имен продолжил поэт Александр Аронов.

Уходи, - я, пронзенный тобою, поник.
Уходи, уходи же, исчезни скорей!
Если ты в этом мире последний родник -
Я умру, но не выпью ни капли твоей.

Умоляю: платье, платье сшейте той, о ком тоскую.
Ткань из солнца, но изнанка - чтоб из лунного огня.
Темной тучею подбейте, вытяните нить морскую,
Звезды дайте на застежки, петли свейте - из меня.

Приходи скорей. Про нас рассказывают:
Вот они друг друга полюбили.
Сплетничают, пальцами показывают,
Будто человека мы убили.

Пряжи круг спряла, и второй спряла -
Все еще не видно зари.
Налила вина, к твоей двери пришла:
- Ножки мерзнут в снегу, отвори!

Портрет моей милой однажды в Китай увезли.
Искали такую - такой и в Китае нет.
Шесть тысяч пятьсот рисовальщиков той земли
Старались, но не повторили портрет.

Я молод, ты молода, а любовь отрадна.
Твой стан, словно лук, не кончается гибкость эта.
И грудь твоя сад, в нем грозди две виноградных.
И грудь твоя утро - все больше и больше света.

Обидевший странника станет скитальцем сам.
Уйдет в чужую страну, к чужим небесам.

Там если и золото льется дождем - то мимо.
Все золото только зола в разлуке с любимой.

Перевод Александра АРОНОВА

ЕСЛИ РАЙ СУЩЕСТВУЕТ...

Мне вспоминается Гертруда Стайн с ее активными попытками свести слово к чистому звучанию; вспоминаются типографски обыгранные стихи Каммингса, которые, сколь бы ни были завлекательны, все равно приносили слух в жертву зрению...

Ричард УИЛБЕР

***

Говоря о самоубийстве, я имею в виду не только то, чего мы всего менее желаем нашим друзьям. Бывают смерти другого рода. Есть поэты, которые всю жизнь воспроизводят свои юношеские эксперименты и в конце концов в семидесятилетнем возрасте продолжают предаваться детским забавам, как это случилось с Каммингсом.

Уолтер ЛОУЭНФЕЛС

ЭДВАРД ЭСТЛИН КАММИНГС (1894-1962)

***

если рай существует у моей матери он (свой собственный)
будет. Этот рай не будет ни раем анютиных глазок ни
хрупким раем ландышей а
раем черно-красных роз

мой отец будет (глубоко как роза
высоко как роза)

стоять около моей

(качаясь над ней
молча)
с глазами, которые на самом деле лепестки и ничего

не видеть с лицом поэта которое на самом деле
цветок а совсем не лицо с

руками
которые шепчут
это моя любимая моя

(и вдруг в лучах солнца
он поклонится,
и поклонится весь сад)

***

такая скромница (но взгляд

такая скромница (но взгляд
ее развязнейший смельчак
как ни старайся он, бедняк

не сможет выдержать никак)

такая грешница (бог мой)
но улыбнись она - святой
вдруг вспомнит, что бывает май

и удивляется, чудак

такая бабочка - шутя
живет, но ни один мудрец
ту мудрость не поймет (хотя

и сам я вовсе не простак)

такая юная, что с ней
тот, кто истории старей
(единственный из всех людей)

в бессмертье сможет сделать шаг

***

теперь (любимая) у пальчиков на древе
есть руки, и у рук есть люди; и
любой из них (любовь моя) живее
чем могут то представить все миры

теперь и ты и я и мы вдвоем
есть чудо, то, что впредь не повторится
и то, что раньше не могло случиться
но неминуемо теперь придет к потом

в нашем потом пребудет темнота
где нет у пальцев рук; ты больше не
со мной: и дерева (ни одного листа)
в пожизненном снегу и в тишине

- но не пугайся (аромат цветка,
моя красавица) потом - лишь до тех пор, пока

***

во время нарциссов (которые знают

во время нарциссов (которые знают
расти - смысл жизни и жизни отрада)
забыв почему, помни как надо

во время сирени что объявляет
цель пробуждения - грезить,
(забыв о похоже) помни о есть

во время роз (что изумляют
нас то и дело розовым раем)
забыв о если, помни: бывает

во время всех прелестей, что ускользают
что недоступны, что не понять,

(забыв о найти) помни искать

и когда в таинстве ночи и дня
(от времени время нас освобождает)
меня забываешь, запомни меня

***

когда бог захотел сотворить
все он набрал в легкие
воздуха больше чем купол цирка
и все началось

когда человек решил уничтожить
себя он подобрал был
от буду и найдя только почему
расколотил его на потому что

Перевод с английского Майи МАЛЫГИНОЙ.

К тому времени, когда выйдет этот
Номер вестника "Ной", Майя уже
окончит Московский государственный
лингвистический университет.
Вот и все, что мы знаем о нашем авторе,
которому шлем самые добрые пожелания.
Эти переводы - первая публикация
Майи Малыгиной.

Уильям САРОЯН

СМЕРТЬ ДЕТЕЙ

В школе Эмерсона обитали привидения. Оба ее коробкообразных здания из серого камня, с высокими голыми стенами и маленькими темными окнами были соединены деревянным мостиком, и ночью их вид был гнетущим и мрачным. Даже при свете дня у школы был заброшенный вид, и ученики ее тайно надеялись, что она сгорит или развалится. Это были сравнительно новые здания, и по соседству даже жил плотник-ассириец, рассказавший нам, что помогал строить эту школу, но мы всегда думали о ней, как о чем-то старом, негодном, прогнившем от времени.

Каждый вечер после захода солнца летучие мыши вылезали из своих щелей и судорожными толчками летали по двору. И мы думали, что на свете нет существа безобразнее, чем летучая мышь, потому что это всего лишь летающий грызун, не способный петь, лишенный перьев и красоты пернатых созданий.

В западном здании помещались младшие классы, в восточном - четвертый, пятый и шестой. Привидения обитали в обоих. Говорили, что если пройти ночью между зданиями, можно услышать, как старая леди Тиманус говорит: "Теперь слушайте, дети. Слушайте внимательно. Дважды восемь - шестнадцать, не так ли? Ну, а сколько будет дважды шестнадцать?" Затем слышались хихиканье, возня и беготня привидений когда-то обитавших здесь мальчиков и девочек.

Фрэнк Соуса сказал, что слышал все это своими ушами. Мы верили ему и по ночам боялись подходить близко к школе.

Однажды зимним вечером, возвращаясь домой после продажи газет, я подошел к погруженной в темноту школе и, вспомнив, что там привидения, почувствовал, как страх охватывает меня. Я хотел сократить путь, пройдя между корпусами, и прямиком через школьную территорию дойти до улицы Св.Клары, но вспомнив о привидениях, решил обойти это место. Посмотрев через улицу на маленькое окно комнаты, где учился, окно четвертого класса, я тут же услышал страшный шум, и в комнате возник таинственный свет.

Тут я понял, что бегу.

Спустя годы я догадался, что это, должно быть, ночной сторож осматривал комнаты. Но я никогда не мог понять, что это были за звуки. Один человек не мог произвести столько шума - быть может, его вызвало мое воображение. Во всяком случае никто бы не поверил, что привидений в школе нет, и, вправду, днем этими привидениями были мы.

У нас были все размеры живых существ, их форма и вес, мы могли двигаться, и все же было что-то нереальное в нас, маленьких мальчиках, маленьких девочках, в старых и молодых учителях, в занятиях, в уроках чтения и арифметики, в запахах школы и мела, в вопросах, которые мы задавали, и ответах, которые получали. Было что-то пугающее в нашем сне и пробуждении, в размеренной день за днем жизни: по временам мы могли чувствовать ее нереальность, но такие моменты были нечасты.

Такими были все мы.

Такой была Роза Тапия, маленькая мексиканка, самая грациозная в школе, но лишенная способностей к учению, пониманию грамматики, склонностей к арифметике. Она не казалась реальной. Она ходила так, как если бы не жила на земле, а если и жила, то каким-то чудом, говорила мягко, протяжно, словно бы в ритме пения. Когда Америка вступила в войну и два брата мисс Гаммы оставили университет в Беркли, чтобы записаться в армию, наша учительница пришла в класс с заплаканными глазами и изумленным выражением лица. Она сделала восхитительное усилие дать урок географии, а затем объявила, что ввиду торжественности момента класс проведет остаток дня в играх, декламации и пении. Она спросила, не хочет ли кто-нибудь встать перед классом и спеть патриотическую песню. Никто не вызвался сделать это. Тогда Роза Тапия встала в проходе возле своей парты и сказала: "Мисс Гамма, можно я спою "Хуаниту"?"

Все были удивлены, но больше всех была удивлена мисс Гамма, наша учительница. Ее печальное лицо вытянулось от изумления, она сказала: "Ну, конечно, Роза. Стань перед классом". Маленькая мексиканка вышла вперед без тени смущения. Сказала: "Хуанита", и начала петь на своем родном языке. Она пела, но не легкими и губами, а душой своей, которую нельзя было видеть, а можно было лишь почувствовать, и почувствовать только тем из нас, кто жил, как она, на полпути между реальностью сна и реальностью пробуждения, и все мы чувствовали, что она, конечно, не есть реальность, а всего лишь одинокая маленькая девочка. И нам стало ясно, что для нее правильно и даже естественно не знать грамматики и арифметики, и всех других бессмысленных предметов, которым нас учили.

И еще был Карсон Уамплер, угрюмый мальчик, сын безвестного южанина, приехавшего на Запад в товарном вагоне, без пенни

в кармане, голодным и оборванным, и теперь жившего в палатке где-то на юге, возле железнодорожных путей Санта-Фе. Карсон ходил в школу, даже зимой, без башмаков. Летом для всех нас это было обычным, лишь немногие дети из богатых семей носили обувь, демонстрируя свое превосходство. Многие насмехались над Карсоном, придумывали ему прозвища, и в конце концов все его невзлюбили, глядели на него сверху вниз, и был он как всегда одинок, молчалив, угрюм и без башмаков. Много раз я смотрел на его измученное лицо и много раз мне хотелось подойти к нему, поговорить с ним, показать, что я люблю его, но было в его одиночестве и вызывающем виде что-то слишком нежное для чужих прикосновений, и я боялся заговорить с ним. У него очень большие ноги, кожа - толстая и потрескавшаяся, и когда бывали очень холодные дни, он стоял на школьном дворе и дрожал, и весь мир казался таким же, как он, покинутым и холодным.

Он перестал ходить в школу внезапно, и я часто думал, где он, достал ли себе башмаки. На время он стал неким подобием видения, являвшегося мне в снах и воспоминаниях, и казалось, что в действительности он никогда не жил, что я узнал его лишь в тайне своих горьких мыслей о жизни и человеке. Но я никак не мог забыть вызывающий вид его измученного лица, одиночество, не покидавшее его никогда.

Когда спустя многие годы он почти совсем стерся из памяти, я увидел его снова. Я ехал в форде со своим родственником через виноградники возле Малаги. Была зима, лозы были без листьев, ландшафт был хрупкий и голый, но необычайно четкий спокойной отчетливостью смерти, и потому прекрасный, и Карсон, ставший старше, но с тем же измученным лицом, стоял с мотыгой над лозами возле края дороги. Я был так рад увидеть его снова, узнать, что он был реальностью, что я не выдумал его, и так было приятно видеть его живым, что я окликнул его и поздоровался с ним.

Пока автомобиль двигался, мы увидели друг друга, и когда я окликнул его, Карсон показал мне нос и скорчил гримасу. В том, как он делал это, было что-то печальное. Жесты были плаксивые, мне было жаль его и горько за себя. Я чувствовал, что задел человека своим участием. Конечно, в недоразумении отчасти была виновата машина. Было так мало времени для выражения приязни, что Карсон, без сомнения, смущенный и подозрительный, бессознательно сделал самый быстрый и самый безопасный из всех известных ему жестов, и единственно, о чем можно пожалеть, что нет у мальчишек жестов столь же простых и открытых для выражения понимания и доброжелательности. Я уверен, что вскоре он устыдился сделанного и, будь у него время, с радостью бы исправил ошибку. Больше я не видел его.

Еще была Элис Шваб, большая розовощекая девочка, дочь часовщика. Она была самой аккуратной и самой примерной девочкой в школе и каждое утро приходила в класс с яблоком, апельсином или цветами для учительницы. Однажды она принесла в класс сверкающий баклажан. Он был из с а д а ее отца, и мисс Гамма потратила десять минут в похвалах баклажану как овощу и мистеру Швабу как отцу ученицы, принесшей этот овощ в класс. Было в баклажане нечто не поддающееся до конца осознанию, нечто требовавшее свершения, должное обязательно случиться. Во время урока рисования мы пытались нарисовать баклажан; самым восхитительным в нем был цвет, и все думали, что он сладок на вкус, но мисс Гамма нахмурилась и сказала, что он не для еды, а для восхищения. Баклажан оставался на столе учительницы до тех пор, пока не начал мешать порядку, а затем исчез без малейшего касательства к присущему всем земным и материальным вещам свойству исчезать.

Элис нельзя был назвать хорошенькой, едва ли какая девятилетняя девочка привлекательная для кого-либо, кроме родителей; напротив, она была некрасива. У нее были несоразмерные черты, а сама она, казалась, была преувеличенным понятием "хорошая девочка". Вопреки всему этому, было в ней что-то значительное. Вероятно, причиной тому был ее особый стиль, и вопреки налету напыщенного и неестественного во всем, что она делала, у нее были самые впечатляющие манеры в школе.

Ее густые каштановые волосы, заплетенные в косы, спускались вдоль спины, лицо сверкало чистотой, глаза искрились умом и тревогой, она ступала чопорно, поворачивалась живо, говорила резко, эмоционально, решительно. Она была лишена отрицательных черт и казалась самой цельной натурой в классе. Едва ли хоть раз она ошиблась в ответах, и если случайно делала пустяковую ошибку, все мы, включая мисс Гамму, понимали, что нет, неверны книги, Элис не может ошибиться. Если бы нам велели проголосовать, то ее единогласно признали бы самой преуспевающей из всех девочек четвертого класса. Она была любимицей учительницы, все знали, что и сама Элис хочет стать учительницей, и никто не любил ее, все считали противными ее высокопарные манеры.

Однажды рано утром мисс Гамма дрожащими губами сказала:

- Пожалуйста, все встаньте и склоните головы. Элис Шваб умерла.

В этот момент мы все любили Элис и были потрясены, и чувствовали сожаление и удивление, как это одна она из всех на свете мертва.

И был другой, который пришел тихо, как тень, и он стал моим братом, которого я любил даже больше, чем своего брата Грикора, и он стал частью моей жизни, жизни, повисшей во мраке земли

нашего народа, и он был оторван от души моей и лица, души и лица моего брата Грикора, он, пришедший от страданий и горя нашей истерзанной земли, сирота, не знавший смеха, из Вана, нашего древнего и любимого города, города моего отца и моего города, и дома моего сердца, и я видел, что ужас сделал его молчаливым, и что я никогда не смогу узнать правду о его жизни, которая была моей жизнью, и что я никогда не смогу почувствовать, как он, бездонный мрак, опустившийся над нашей землей, и когда он умер, а я был жив, я жил только отчасти, и часть моей жизни обернулась во мне к смерти и воспоминаниям, и я стоял без брата, и я был жив, и смерть жила во мне.

Однажды зимним утром дверь нашего класса открылась, и наш директор мистер Дикки привел к нам мальчика в странной одежде, маленького и испуганного, и я увидел, что этот мальчик был армянин, и было нечто в его робкой внешности, от чего я стал больным от радости, потому что знал, что он пришел из нашей страны и видел все, что случилось там, и несмотря ни на что, вопреки всему, он жив, и в нем спасено все: наши города, наши церкви, наш смех и песни, и что в нем мы были народом и нацией, вечной и нерушимой, и я хотел встать со своего места и говорить с ним на нашем языке, и я хотел защитить его от неприветливости класса, от глаз, пристально смотрящих на него, и я хотел, чтобы он поднял голову и знал, что здесь, в новой стране, он не один и что здесь у него есть братья.

Я подошел к нему во время перемены, когда мы были на школьном дворе, и мы говорили на нашем языке и стали братьями, и он рассказал мне обо всем, что случилось, и он рассказал все это сразу: как их везли, отца и мать, и его братьев и сестер ночью по дороге, а дом их горел, и он видел людей, которых солдаты били хлыстами и саблями, и он слышал крики и мольбы, и это было страшно, но он не мог плакать, потому что это было не то, из-за чего плачут мальчики, затем на его глазах убили отца и мать обезумела от горя и не могла идти дальше, и его братьев отделили от него, и он не мог найти своих сестер, и он был оторван от всего, что знал и любил, и долго он шел со всеми людьми, которых выгнали из своих домов, и вдоль дорог видел тела мертвых мужчин и мертвых женщин, и много мертвых детей, и по всей стране было то же самое, и везде были мертвые тела детей.

И когда он не мог говорить об этом больше, он сказал: "Я не могу рассказать тебе всего. Есть многое, о чем я не могу рассказать тебе, но все разрушено, и я не верю, что жив".

Он ходил в школу год или два, а потом однажды моя мать позвала меня к себе и сказала: "Ты знаешь маленького мальчика, Гургена, который пришел из старой страны? Он у м е р". И она

показала мне его фотографию, напечатанную в "Аспарез", и она читала о его жизни, и вот тогда, стоя в нашем доме, я почувствовал, что часть жизни ушла от меня вместе с этим мальчиком, чтобы превратиться в воспоминания, и вот тогда я стоял без брата и чувствовал в себе живую смерть.

Перевод А.Липкова

Александр Иосифович ЛИПКОВ родился в 1936 году. Живет в Москве. Он искусствовед, кинокритик, автор книг "Шекспировский экран" (1975), "Все краски экрана" (1983), "Проблема художественного воздействия: принцип аттракциона" (1990).

***

А что можно сказать об Уильяме САРОЯНЕ (1908-1981)? Он сам все сказал о себе. Об армянах. И не только об армянах:

- Меня однажды спросили, могут ли армяне жить в дружбе с турками? Не только могут, - ответил я, - но и живут.

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

Мы с вами сделали то, во что никто, кроме нас, не верил - издали первый в мире армяно-еврейский вестник "Ной". Несмотря на крошечный тираж, он сразу же был замечен, о нем с уважением отозвались "Новое время", "Московские новости", "Куранты", "Независимая газета", "Республика Армения" и другие издания.

Самый первый - сигнальный - экземпляр вестника типография отпечатала 24 апреля, в горестную годовщину истребления армян в Турции. Что это - совпадение, напоминание, знак? Не знаю. Но уже сейчас могу вам сказать, что наше издание заметили не только друзья, но и недоброжелатели - русские, армянские, еврейские шовинисты. Прекрасно! У каждого порядочного издания должны быть противники. Одно огорчает: я никогда не думал, что среди армян и евреев так много дураков. Даже пожаловался писателю Григорию Кановичу, а он рассказал мне притчу: "Когда Бог создал евреев, он разделил их на десятки, брал всю глупость у девятерых и отдавал десятому. Так вот, мой друг, - если уж еврей глуп, то глуп за десятерых". Видно, точно так же Господь поступил и со всеми другими народами.

Уважаемые читатели, теперь каждый из вас знает, на что истрачены его деньги. И если вы считаете, что вложили капитал в стоящее дело, помогите нам продолжить издание вестника. Мы тратим ваши рубли, шекели, доллары только в самом крайнем случае, когда не платить просто неприлично. Достаточно сказать, что автор этих строк не получает редакторское жалование уже семь месяцев. Жена смеется: если ты не платишь себе зарплату, так хотя бы повышай ее. Я тоже смеюсь - я счастлив! Как только может быть счастлив человек, осуществивший свое желание, мечту, открытие.

И от всего сердца желаю счастья вам.

Вардван ВАРЖАПЕТЯН
14 мая 1992

113534 Москва
п/о 534
до востребования
Варжапетяну В.В.

Наш р/счет 1810029
в Чертановском отделении
Сбербанка
ОПЕРУ МБ МФО 201906
код ВА корр.счет 164725
Издательство "Ной"

ЗОВЕМ АВТОРОВ

ТЕМЫ

Карабахский узел: развязывать или рубить?

Проект для Ближнего Востока

О национальной ответственности интеллигента

Армения и Турция - враги или соседи?

Евреи и армяне - народы Книги

Армянский антисемитизм

СОДЕРЖАНИЕ

Александр КУШНЕР. Из "Армянской тетради" 5
Сергей ЛЁЗОВ. Весть Эли Визеля 7
Эли ВИЗЕЛЬ. Ночь. Перевод Ольги БОРОВОЙ 13
Ксана РОЖДЕСТВЕНСКАЯ. Стихи 106
Ашот САГРАТЯН. Письмо президенту Турецкой республики 117
Национальные неврозы и Карабахская война. Беседа с Дмитрием ФУРМАНОМ 119
Бакинский дневник 128
Виктор КОЗЛОВ. Как народы сходят с ума? 133
Владимир МИКУШЕВИЧ. Геноцид в подсознании и сознании современного человека 143
Цифры. Даты. Имена. 155
Кто мы - граждане или не граждане? 173
Богдан ПЕТРИЧЕЙКУ-ХАШДЕУ. Армяне в Румынии 174
Лоретта ТЕР-МКРТИЧЯН. О земле Араратской 182
Голос. Рисунки и текст Александра ЗАПОЛЯНСКОГО. 186
Из "ЭККЛЕЗИАСТА". Перевод Германа ПЛИСЕЦКОГО. 196
"Айрены" Наапета КУЧАКА в переводе Александра АРОНОВА 207
Эдвардр Эстлин КАММИНГС. Стихи. Перевела Майя МАЛЫГИНА 209
Уильям САРОЯН. Смерть детей. Перевел Александр ЛИПКОВ 213
Обращение к читателям 219
Темы для авторов 220

Издание подготовлено редакцией армяно-еврейского вестника "Ной"

Редактор В.Варжапетян
Главный художник В.Петров
Обложка художника М.Ибшмана

Набор и верстка выполнены МП "Спринт"

Подписано в печать
Формат 84x108 1/32
Бумага офсетная
Заказ № 1080 Тираж 999

Централизованная типография

Повесть Эли ВИЗЕЛЯ

"НОЧЬ",

опубликованную в этом номере армяно-еврейского вестника, готовят к изданию массовым тиражом экспериментальный творческо-производственный центр"ТУРАН-1"
и
издательство"НОЙ".

НОЙ

נח

תשנ״ב · ב